

Серия «Мировой порядок»

Доклад Национального
разведывательного совета США

КОНТУРЫ МИРОВОГО БУДУЩЕГО

Александр Шубин

РОССИЯ-2020: БУДУЩЕЕ СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Москва
Издательство «Европа»
2005

УДК 327.8
ББК (Т)63.3(2)6
Р 76

Серия «Мировой порядок»

РОССИЯ И МИР В 2020 ГОДУ

**Доклад Национального
разведывательного совета США
«Контурь мирового будущего»**

**А. Шубин
«Россия-2020:
будущее страны в условиях
глобальных перемен»**

Перевод с английского *Ш. Хаграса*

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.

© Издательство «Европа», 2005

ISBN 5-9739-0014-2

От председателя Национального разведывательного совета США

«**К**онтурь мирового будущего: Доклад по «Проекту – 2020» Национального разведывательного совета (НРС)» – это третий за последние годы рассекреченный доклад, подготовленный Национальным разведывательным советом (НРС), в котором предпринимается попытка долгосрочного обзора будущего. В нем предлагается свежий взгляд на то, каким может быть развитие ключевых глобальных тенденций в ближайшие полтора десятилетия и как они повлияют на события в мире. Учитывая то, что существует множество возможных «будущих», наш доклад предлагает рассмотреть спектр возможностей, и в частности потенциальное исчезновение некоторых тенденций, чтобы дать представление о тех путях развития, которые в противном случае можно было упустить из вида.

Как я обычно говорил своим студентам в Принстоне, проведя линейный анализ, вы сможете получить значительно видоизмененную гусеницу, но никак не бабочку – для этого нужен скачок воображения. Мы надеемся, что данный проект и тот диалог, для которого он послужит стимулом, позволят нам совершить такой скачок – не предсказать, каким будет мир в 2020 году (это явно лежит за пределами наших возможностей), а более тщательно подготовиться к разнообразным трудностям, которые могут ожидать нас на нашем пути.

Проект «Контуров мирового будущего» основан на методах, использованных нами в двух предыдущих исследованиях, кроме того, в нем также применены различные инновационные методики и подходы, в том числе обширные консультации с большим числом государственных и независимых экспертов.

– Доклад «Глобальные тенденции-2010» стал итогом серии конференций, которые проводились в окрестностях Вашингтона с участием ведущих представителей академических и деловых кругов, высказавших свои соображения экспертам из разведывательного сообщества. Он был составлен в 1997 году и лег в основу многочисленных совещаний с разработчиками стратегии.

– Доклад «Глобальные тенденции-2015» явился амбициозным и передовым проектом, выявившим семь ключевых факторов глобальных перемен: демография, природные ресурсы и окружающая среда, наука и технология, глобальная экономика и глобализация, национальное и международное управление, будущие конфликты и роль США. Выпущенный в декабре 2000 года, этот доклад основывался на дискуссиях между Национальным разведывательным советом и рядом неправительственных экспертов. Доклад привлек к себе внимание во всем мире, породив оживленные споры о природе тех сил, которые будут формировать наш мир. По нашей оценке, этот доклад «находится в процессе разработки и служит в качестве гибкой рабочей структуры, которая дает возможность размышлять о будущем и по мере развития обстоятельств вносить в него изменения».

«Контуров мирового будущего», перенимая эстафету у «Глобальных тенденций-2015», все же отличаются от наших предыдущих работ по трем принципиальным аспектам:

В ходе серии региональных конференций мы провели совещания с экспертами со всего мира с целью выявить истинно глобальные перспективы. Для ознакомления с взглядами иностранных экспертов на перспективы развития их регионов в ближайшие 15 лет нами были организованы конференции на пяти континентах.

Мы более широко использовали сценарии с целью выяснения возможных эффектов воздействия ключевых тенден-

ций. Ранее мы занимались главным образом ключевыми тенденциями, которые будут оказывать влияние на интересующие нас регионы и страны. Тенденции, выделенные в нынешнем докладе, могут послужить отправной точкой для разработки воображаемых глобальных сценариев, которые соответствуют нескольким правдоподобным альтернативным вариантам будущего.

Мы создали интерактивный веб-сайт для содействия продолжающемуся глобальному диалогу. Сайт содержит многочисленные ссылки на данные, представляющие интерес и для исследователей, и для широкой публики.

Процесс подготовки проекта от начала до конца занял около года. В нем приняли участие более тысячи человек. Мы высоко ценим время и усилия, потраченные каждым из участников.

В разделе «Методология» мы выражаем признательность отдельным исследователям и организациям, а также приводим список всех конференций и симпозиумов, проведенных в связи с данным проектом. Из сотрудников НРС особого упоминания заслуживает Крэйг Грэлли, директор по стратегическому планированию и внешним связям, организовавший не один десяток конференций, семинаров и сессий. Хочу также выразить особую признательность Мэтью Берроузу, директору аналитического и производственного штаба НРС, чья творческая энергия и ясность мышления позволили свести разрозненные части проекта в изящный окончательный вариант. Значительный вклад внесли и члены его штаба – Элизабет Аренс и Расселл Сняды.

Предлагаю читателям ознакомиться с полным собранием документов «Проекта-2020», находящимся на веб-сайте Национального разведывательного совета (www.cia.gov/nic), и изучить варианты сценариев. Мы по-прежнему считаем, что наш проект находится в процессе разработки и в эпоху грандиозных изменений в международных отношениях призван послужить катализатором продолжающегося диалога о будущем.

Роберт Л. Хатчингс

ВВЕДЕНИЕ

Глубочайшие перемены в мировом устройстве сейчас в самом разгаре: еще ни разу после формирования системы Западного альянса в 1949 году расстановка сил не претерпевала таких изменений, как за последнее десятилетие. В результате этих изменений мир в 2020 году будет заметно отличаться от мира в 2004 году. В ближайшие годы США столкнутся с серьезными внешнеполитическими проблемами, которые будут существенно отличаться от современных. Размах и скорость перемен, обусловленные глобализацией, вне зависимости от их природы станут характерной особенностью ближайших 15 лет. В число других важных моментов входят:

Противоречия глобализации

Подъем новых держав: перемены в геополитическом пейзаже

Новые проблемы управления

Всеобъемлющее чувство ненадежности.

Как и в прошлые переломные эпохи, зерна крупных перемен присутствуют в тенденциях, очевидных уже сегодня. За перечисленными выше общими характеристиками скрывается ряд специфических взаимовлияющих и накладывающихся друг на друга тенденций:

Расширение мировой экономики

Ускоренные темпы научного прогресса и распространение технологий двойного назначения

Сохранение социального неравенства

Появление новых держав

Феномен глобального старения

Замедление процесса демократизации

Распространение радикальной исламской идеологии

Потенциальная возможность катастрофического терроризма

Распространение оружия массового поражения

Усиление давления на международные институты.

При попытке заглянуть на 15 лет вперед мы должны учитывать, что роль США станет важной переменной в процессе преобразования мира, оказывая влияние на то, какой путь изберут государства и независимые силы. Помимо ключевой роли США, такие международные учреждения, как межгосударственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации и иные органы, могут оказать противодействие явно негативным тенденциям – например, усилению ощущения нестабильности – и содействовать позитивным тенденциям.

Контуры мирового будущего

К 2020 году изменится не только мир, но и наши представления о нем. Традиционные группировки по географическим признакам будут играть все меньшую роль в международных отношениях. Сразу же после окончания холодной войны исследователи начали ставить под сомнение пригодность концепции «Запад против Востока», которая возникла в конце 1940-х годов в качестве интеллектуального оправдания американского присутствия в Европе. Концепция Евразии, идущей на смену бывшему Советскому Союзу, стала выглядеть несостоятельной, когда многие бывшие республики СССР пошли своим путем и перспектива того, что Москва восстановит свой контроль над ними, казалась нереальной. Пригодность концепции Западного мира была поставлена под вопрос растущими философскими расхождениями между США и Западной Европой по таким понятиям, как суверенитет и принцип много-

сторонних отношений, а также возрастающим влиянием на международной арене держав, не принадлежащих западной традиции.

Как и с разделением на Восток и Запад, традиционное деление на Север и Юг также может потерять свой смысл к 2020 году вследствие глобализации и ожидающегося возвышения Китая и Индии, которые считались частью Юга из-за невысокого уровня развития. Традиционные проблемы неравенства между Севером и Югом, вопросы торговли и экономической помощи, безусловно, останутся на первом плане, но некоторые активно развивающиеся страны, особенно Китай и Индия, вероятно, окажутся среди экономических тяжеловесов, или «имущих». Они не станут «западными» странами в традиционном смысле слова, но их нельзя будет считать и представителями неразвитых или не завершивших свое развитие стран. В частности, Китай получит возможность снова считать себя великой державой после нескольких столетий упадка.

На наши представления о мире могут влиять не только разделения по экономическим параметрам. Мы полагаем, что религия станет играть все более важную роль в том, как люди определяют свою идентичность. Во многих обществах границы между религиозными группами и внутри них могут стать не менее важными, чем национальные границы. К примеру, мы предполагаем христианско-мусульманские разногласия в Юго-Восточной Азии, раскол в исламском мире между шиитской и суннитской общинами и островки потенциальных религиозных и этнических конфликтов в Европе, России и Китае, которые станут существенными факторами в картине мира 2020 года.

Одной из современных концепций, которые могут сохранить свое значение в 2020 году, останется представление о растущей дуге нестабильности, начинающейся в Юго-Восточной Азии, где существует возможность роста радикального исламизма и терроризма, и уходящей в Среднюю Азию, где возможно возникновение слабых недемократических государств. В эту дугу входят ближневосточные и африканские страны, многие из которых могут еще сильнее отстать от мировых процессов развития или

только-только приступить к налаживанию связей с мировой экономикой. Глобализация в первую очередь устранил прежний раскол между индустриальным Западом, коммунистическим Востоком и развивающимися неприсоединившимися странами (третий мир). Новая линия раскола будет проходить между теми странами или даже их отдельными частями, которые интегрируются в мировое сообщество, и теми территориями, которые не сделают этого по экономическим, политическим или социальным причинам. Для тех мегагородов или центров деятельности, которые станут движущей силой глобализации, связывающие их финансовые каналы и телекоммуникации, возможно, получат не меньшее, а то и большее значение, чем национальные границы.

РАЗВЕРНУТОЕ РЕЗЮМЕ ПРОЕКТА

Н икогда еще с момента формирования в 1949 году системы Западного альянса очертания и природа международных альянсов не пребывали в состоянии столь стремительных изменений. Окончание холодной войны сдвинуло тектонические плиты, но отголоски этих грандиозных событий обнаруживают себя до сих пор. Среди вопросов, вставших на повестку дня лишь в последние годы, – возникновение новых держав в Азии, перегруппировка сил в Евразии, волнения на Ближнем Востоке и трансатлантические разногласия. Размах и скорость перемен, обусловленных глобализацией – вне зависимости от ее природы, – в преддверии 2020 года станут характерной особенностью мироустройства. В числе других существенных моментов: появление на мировой арене новых сил, новые вызовы управлению и всеобъемлющее чувство ненадежности, в том числе порождаемое угрозой терроризма. Перспективы роста глобального процветания и невысокая вероятность конфликта великих держав представляются нам в целом благоприятными обстоятельствами, которые помогут справиться с этими внушающими страх проблемами. Роль США станет важной формообразующей переменной мировых процессов, которая будет влиять на выбор пути как государств, так и независимых игроков.

Новые игроки на глобальном пространстве

Вероятное превращение Китая и Индии и других государств в новых крупных игроков на мировой арене – сходное с подъемом Германии в XIX столетии и Соединенных Штатов в начале XX века – приведет к существенной трансформации геополитического ландшафта, чреватой такими же драматическими последствиями, как и катаклизмы двух предыдущих веков. Так же как сегодня многие называют 1900-е годы «американским столетием», так и начало XXI века, возможно, будут рассматривать как время, когда развивающиеся страны, ведомые Китаем и Индией, заявили о себе. Стабильный высокий экономический рост, расширение военных возможностей и огромная численность населения станут основой предполагаемого стремительного роста экономического и политического могущества обеих этих стран.

Большинство прогнозов указывает на то, что к 2020 году валовый национальный продукт (ВНП) Китая превысит ВНП всех развитых держав Запада, взятых по отдельности, за исключением США. ВНП Индии превзойдет ВНП европейских экономик или максимально приблизится к нему.

Благодаря только лишь численности своего населения (по прогнозам Бюро переписи США, к 2020 году она составит 1,4 млрд. для Китая и почти 1,3 млрд. человек для Индии) уровень жизни в этих странах необязательно должен соответствовать западным стандартам для того, чтобы они стали крупными экономическими державами.

Если процесс глобализации не будет обращен вспять и в этих странах не произойдет крупных политических катаклизмов, перспектива их подъема практически несомненна. Однако вопрос, как распорядятся Китай и Индия своей растущей мощью, будут ли они сотрудничать или же соперничать с другими силами в рамках международной системы, можно отнести к ключевым неопределенностям. Экономика других развивающихся государств – таких как, например, Бразилия – к 2020 году может превзойти экономику всех европейских стран, кроме самых крупных из них; экономика

Индонезии к 2020 году также может приблизиться к уровню отдельных стран Европы.

Большинство факторов – размер рынка, единая валюта, высококвалифицированная рабочая сила, стабильные демократические правительства и единый торговый блок – указывают на то, что объединенная Европа сможет увеличить свой вес на международной арене. В этом случае для новых держав она может стать образцом глобальной и региональной организации. Однако старение населения и сокращение количества рабочей силы в большинстве стран окажет существенное влияние на континент. Либо европейские страны реорганизуют свои рабочие силы, реформируют систему соцобеспечения, образования и налогов, чтобы приспособиться к растущему числу иммигрантов (в основном из мусульманских стран), либо им придется пережить длительный период экономического застоя.

Япония столкнулась с аналогичным кризисом старения, который в долгосрочном плане помешает подъему ее экономики, и ей также придется подвергнуть переоценке свой статус и роль в регионе. Токио может взять роль «противовеса» Китаю или попытаться прицепиться к «китайскому поезду». В то же время – примерно в течение ближайших 15 лет – назреет развязка северокорейского кризиса. Затяжное недовольство и озабоченность азиатов по поводу объединения Кореи, а также напряжение по обе стороны Тайваньского пролива указывают на то, что этот процесс достижения регионально-равновесия будет носить запутанный характер.

Россия наряду с другими странами обладает потенциалом для увеличения своей международной роли ввиду занимаемой ею позиции крупнейшего экспортера нефти и газа. Однако Россия стоит перед лицом серьезного демографического кризиса, вызванного низкой рождаемостью, упадком здравоохранения и потенциально взрывоопасной ситуацией с распространением СПИДа. На юге она граничит с нестабильными регионами Кавказа и Средней Азии, влияние которых – исламский экстремизм, терроризм и непрекращающиеся конфлик-

ты – вероятно, будет и в дальнейшем распространяться на Россию. И хотя данные социально-политические факторы ограничивают возможную роль России на глобальной арене, Москва скорее всего станет важным партнером как для уже установившихся сверхдержав – США и Европы, – так и для претендующих на эту роль Китая и Индии.

С появлением этих и других новых глобальных игроков картина мира в 2020 году радикально изменится. Китай, Индия, а возможно, и такие страны, как Бразилия и Индонезия, способны в будущем упразднить такие старые категории, как Запад и Восток, Север и Юг, присоединившиеся и неприсоединившиеся, развитые и развивающиеся страны. Традиционные географические группировки в дальнейшем будут терять значение в сфере международных отношений. Мир, состоящий из государственных образований, и мир мегагородов, связанных телекоммуникационными и торгово-финансовыми потоками, будут сосуществовать. Соперничество за принадлежность к тому или другому из них станет более открытым и менее постоянным, чем это было прежде.

Влияние глобализации

Мы рассматриваем глобализацию – растущую взаимозависимость, выражающуюся в увеличении потоков информации, технологий, капитала, товаров, услуг и людей во всем мире, – как всеохватывающую «мегатенденцию», столь повсеместную, что она окажет существенное влияние на формирование всех прочих важнейших тенденций в мире 2020 года. Однако будущее глобализации неоднозначно; государства и независимые игроки – включая частные компании и неправительственные организации – будут бороться за право определять ее контуры. Некоторые аспекты глобализации – такие как растущая взаимосвязанность, основанная на революции в сфере информационных технологий, – почти наверняка окажутся необратимыми. Но возможно также, хотя это и маловероятно, что процесс глобализации может быть замедлен или даже остановлен, подобно тому, как эпоха

глобализации в конце XIX и в начале XX века была повернута вспять катастрофической войной и глобальным экономическим спадом.

Исключив такой поворот событий, можно предположить, что мировую экономику скорее всего ожидает дальнейший впечатляющий рост: предполагается, что к 2020 году она возрастет на 80% по сравнению с 2000 годом, а среднедушевой доход окажется примерно на 50% выше. Конечно, будут иметь место циклические подъемы и спады, периодические финансовые и иные кризисы, но в своей основе траектория развития будет определяться мощным импульсом роста. Большинство стран всего мира – как развитые, так и развивающиеся – выиграют от усиления мировой экономики. Азия, обладая самыми быстрорастущими потребительскими рынками, все большим числом предприятий, становящихся транснациональными компаниями мирового масштаба, и растущим научно-техническим потенциалом, способна потеснить западные страны в эпицентре международного экономического динамизма – при условии, что стремительный экономический рост Азии будет продолжаться.

Тем не менее выгоды от глобализации не будут носить всеобщего характера. Растущие державы будут рассматривать возможности, связанные с возникновением всемирного рынка, как наилучший способ утвердить свой великодержавный статус на мировой арене. Напротив, иные представители «первого мира» станут рассматривать уменьшение отрыва от Китая, Индии и других стран как свидетельство относительного упадка, хотя скорее всего до 2020 года они останутся лидерами. США тоже будут считать возвышение новых держав относительным подрывом своего положения, хотя они и в 2020 году не будут знать себе равных по всем параметрам государственной мощи. Представители развивающегося мира, отстающие в развитии, будут недовольны возвышением Китая и Индии, особенно если их интересы окажутся ущемлены растущим доминированием новых держав в ключевых секторах мирового рынка. Кроме того, даже в странах-«победительницах» сохранятся обширные очаги бедности.

Самые большие выгоды от глобализации ожидают те страны и группы, которые получают доступ к новым технологиям и сумеют внедрить их. Вообще уровень технологических достижений страны будет определяться инвестициями в интеграцию и применение новых, глобально доступных технологий – вне зависимости от того, будут ли эти достижения результатом разработок в данной стране или будут позаимствованы у технологических лидеров. Растущий двусторонний поток мозгов, занятых в сфере высоких технологий, между развивающимся миром и Западом, увеличение численности компьютерно грамотной рабочей силы в некоторых развивающихся странах и усилия корпораций по диверсификации своих операций на рынке высоких технологий – все это будет способствовать распространению последних. Технологические прорывы – такие как создание генетически измененных организмов и повышение производительности в сельском хозяйстве – способны стать гарантией от угрозы голода и существенно поднять качество ключевых аспектов жизни в бедных странах. Но разрыв между «имущими» и «неимущими» будет увеличиваться, если только «неимущие» страны не начнут проводить политику, благоприятствующую применению новых технологий, а это подразумевает умелое управление государством, всеобщее образование и рыночные реформы.

Страны, вставшие на этот путь, смогут перепрыгивать с одного этапа развития на другой, пропуская те фазы, которые приходилось проходить в своем движении вперед таким лидерам высоких технологий, как США и Европа. Китай и Индия обладают всеми возможностями для того, чтобы стать технологическими лидерами. Даже самые бедные страны смогут использовать имеющиеся в изобилии дешевые технологии для того, чтобы подхлестнуть свое развитие, хотя его темпы будут все-таки ниже.

Следующая ожидаемая революция в высоких технологиях – конвергенция нано-, био-, информационных и материальных технологий – может открыть перед Китаем и Индией дальнейшие перспективы. В обеих странах ведутся фундаментальные исследования в этих сферах,

при этом они обладают преимуществами, которые позволят им стать лидерами в ряде ключевых областей. Европа рискует отстать от Азии в некоторых из этих технологий. США все еще способны удерживать лидерство, однако им придется все больше соперничать с Азией, чтобы сохранить свое превосходство, а в некоторых секторах США могут быть вынуждены существенно потесниться.

Все больше компаний будут становиться глобальными, причем сам их состав на мировой арене будет гораздо более разнообразным как по размерам, так и по происхождению, они будут больше ориентированы на Азию, чем на Запад. Такие корпорации, в их числе и современные крупные ТНК, будут становиться все менее подконтрольными какому-либо из государств и сыграют ключевую роль в грядущих переменах путем распространения новых технологий и дальнейшей интеграции мировой экономики, а также способствуя экономическому прогрессу в развивающемся мире. В их число будет входить все большее число компаний, обосновавшихся в таких странах, как Китай, Индия или Бразилия. Хотя Северная Америка, Япония и Европа способны сообща удерживать доминирующие позиции в международных политических и финансовых институтах, глобализация чем дальше, тем больше будет принимать незападный характер. Если сейчас глобализация в общественном сознании отождествляется с американизацией, то к 2020 году она, возможно, будет отождествляться с подъемом Азии.

Расширение глобальной экономики приведет к повышению спроса на многие виды сырья, например нефть. Общее потребление энергии в следующие два десятилетия, вероятно, вырастет примерно на 50% по сравнению с 34% роста в 1980–2000 годах, причем нефть в мировом энергетическом балансе будет занимать все большую долю. По оценкам большинства экспертов, при наличии серьезных инвестиций в освоение новых мощностей общих запасов топлива будет достаточно для удовлетворения мировых потребностей. Но что касается производителей, то многим районам, с которыми связаны надежды на увеличение добычи нефти – Каспийскому региону,

Венесуэле и Западной Африке, – угрожают серьезные политические и экономические осложнения. Традиционных экспортеров на Ближнем Востоке также ждет усиление нестабильности. Таким образом, в ряду ключевых неопределенностей оказывается вызванное повышением спроса обострение борьбы за ресурсы, что, возможно, будет сопровождаться серьезными перебоями нефтяных поставок.

Растущие энергетические потребности Китая, Индии и других развивающихся стран позволяют предположить, что именно растущая озабоченность энергоресурсами будет определять их внешнюю политику.

Растущее предпочтение Европы природному газу сможет укрепить региональные связи – например, с Россией или Северной Африкой, – что обусловлено зависимостью от трубопроводов.

Новые проблемы государственности

Государство-нация останется основной единицей мирового порядка, однако экономическая глобализация и распространение технологий, в первую очередь информационных, подвергнут правительства государств новым громадным нагрузкам. Рост способности к взаимодействию между людьми будет сопровождаться распространением виртуальных сообществ по интересам, усложняя способность государств к управлению. Интернет, в частности, ускорит создание еще более глобальных движений, которые могут стать мощной силой в международных отношениях.

Отчасти управление подвергнется натиску со стороны новых форм политики идентичности, в центре которых находятся религиозные убеждения. В стремительно глобализирующемся мире, переживающем миграции населения, религиозные идентичности предоставляют своим последователям готовые сообщества, которые служат своеобразной «сеткой безопасности», так необходимой в трудные времена, что особенно важно для переселенцев. В частности, политический ислам будет оказывать существенное влияние на ситуацию в мире на подступах к

2020 году, объединяя разнообразные этнические и национальные группы, а возможно, даже создав структуру власти, выходящей за пределы национальных границ. Сочетание ряда факторов – переизбыток молодежи во многих арабских странах, неблагоприятные экономические перспективы, влияние религиозного образования и исламизация таких институтов, как профсоюзы, неправительственные организации и политические партии, – станет гарантией того, что ислам будет по-прежнему серьезной силой.

За пределами Ближнего Востока политический ислам сохранит привлекательность для мусульманских эмигрантов, которые стремятся на процветающий Запад, дающий им возможности трудоустройства, но не чувствуют себя дома в том, что они рассматривают как чужеродную и враждебную культуру.

Те режимы, которые сумели справиться с проблемами 1990-х годов, могут оказаться бессильными перед лицом проблем 2020 года. Будет наблюдаться действие противоположных сил: авторитарные режимы столкнутся с новыми требованиями демократизации, однако хрупким новым демократиям может не хватить адаптивной способности для выживания и развития.

Так называемая третья волна демократизации может к 2020 году отчасти пойти вспять – особенно среди государств бывшего СССР и Юго-Восточной Азии, некоторые из которых никогда по-настоящему и не принимали демократии. Однако демократизация и плюрализм могут продвинуться в ключевых ближневосточных странах, которые до сих пор были исключены из этого процесса репрессивными режимами.

Усилятся миграционные потоки в ряде регионов мира: из Северной Африки и Ближнего Востока в Европу, из Латинской Америки и Карибского бассейна в США, все больше и больше из Юго-Восточной Азии в северные регионы. Все больше государств будут становиться полиэтническими, сталкиваясь при этом с задачей интеграции иммигрантов в свои сообщества при уважении к их этническим и религиозным идентичностям.

Китайские вожди столкнутся с дилеммой: поддаться давлению плюрализма и ослабить политический контроль или же оставить все как есть, рискуя вызвать негативную реакцию со стороны народа. Возможно, Пекин выберет «азиатский путь к демократии», который предусматривает выборы на местном уровне и совещательный механизм на национальном уровне с вероятным сохранением контроля Коммунистической партии над центральным правительством.

В условиях, когда сама международная система претерпевает крупномасштабные изменения, некоторые институты, призванные решать мировые проблемы, сами могут стать жертвой этих проблем. С комплексными транснациональными угрозами, которые несут с собой терроризм, организованная преступность и распространение ОМП, в первую очередь столкнутся именно региональные институты. Такие порождения послевоенной эпохи, как ООН и международные финансовые институты, рискуют потерять всякий смысл, если они не приспособятся к глубоким переменам, происходящим в глобальной системе, в том числе и к подъему новых держав.

Всеобъемлющая ненадежность

К 2020 году мы предвидим усиление всеобъемлющего чувства ненадежности, в основе которого будут как психологические восприятия, так и физические угрозы. В то время как большая часть мира будет становиться богаче, глобализация станет причиной глубокого потрясения статус-кво, породив громадные экономические, культурные, а следовательно, и политические конвульсии. По мере постепенной интеграции Китая, Индии и других развивающихся стран в глобальную экономику сотни миллионов совершеннолетних трудоспособных граждан станут доступными для найма на всемирном рынке труда, который станет гораздо более интегрированным.

Эта огромная рабочая сила, растущая доля которой будет иметь хорошее образование, станет привлекательным конкурентоспособным источником недорогой рабочей силы, в то время как благодаря технологическим ин-

новациям расширяется спектр занятий, обладающих качеством глобальной мобильности.

Этот переход не будет безболезненным, и он ударит в частности по средним классам развитых стран, так как вызовет большую текучесть рабочей силы и потребует профессиональной переквалификации. Широкомасштабный аутсорсинг усилит антиглобалистское движение. К чему приведут эти давления, будет зависеть от того, как среагируют на них политические лидеры, насколько гибкими станут рынки труда, а также от того, будет ли экономический рост достаточно уверенным, чтобы абсорбировать растущее число перемещенных работников.

Слабые правительства, отсталые экономики, религиозный экстремизм и диспропорциональный рост численности молодежи – эти факторы будут совпадать, создавая идеальные негативные обстоятельства для внутренних конфликтов в различных регионах. Число внутренних конфликтов значительно уменьшилось по сравнению с концом 80-х и началом 90-х годов, когда развал СССР и падение коммунистических режимов в Центральной Европе дали возможность разгореться пожару этнической и националистической вражды. Несмотря на то что было достигнуто некоторое равновесие, которое позволяет нам надеяться на то, что таких конфликтов станет меньше по сравнению с прошлым десятилетием, продолжающееся преобладание неблагоприятных и слабых в институциональном смысле государств означает, что такие конфликты будут по-прежнему возникать.

Некоторые внутренние конфликты – в особенности те, в которых задействованы этнические группы, разделенные государственными границами, – угрожают перерасти в региональные конфликты. В своих крайних проявлениях внутренние конфликты могут стать причиной ослабления и даже упадка государств, в результате чего обширные территориальные пространства и народонаселения окажутся без какого-либо эффективного правительственного контроля. Такие территории могут стать прибежищем для транснациональных террористических

организаций (таких как «Аль-Каида» в Афганистане) или же для преступников и наркокартелей (как это случилось в Колумбии).

Вероятность тотальной войны в результате конфликта между великими державами в ближайшие 15 лет будет ниже, чем когда-либо в прошлом столетии, – в отличие от предыдущих веков, когда из локальных конфликтов разгорались мировые войны. Жесткие системы союзов до Первой мировой войны и в период между двумя войнами, а также противостояние двух блоков во время холодной войны практически гарантировали, что местные конфликты будут приобретать более широкий характер. Растущая зависимость от глобальных финансовых и торговых сетей может способствовать сдерживанию конфликтов между государствами, но не может устранить саму возможность. В случае конфликта с участием одной или нескольких великих держав последствия будут серьезными. Отсутствие в некоторых регионах эффективных механизмов разрешения конфликтов, рост национализма в ряде государств, а также эмоциональная напряженность с обеих сторон некоторых конфликтов, например, проблема Тайваня или разногласия между Индией и Пакистаном, – могут привести к просчетам. Более того, развитие систем вооружения – увеличение дальности действия, точность наведения и высокая разрушительная сила обычных видов вооружения – создает соблазнительные обстоятельства для превентивного использования военной силы.

Нынешние обладатели ядерного оружия будут по-прежнему сохранять жизнеспособность своих сил сдерживания и почти наверняка примут меры к повышению надежности, точности и смертоносности своих систем доставки, а также к увеличению их способности преодолевать ракетную оборону. Открытая демонстрация каким-либо государством возможностей ядерного оружия еще больше дискредитирует нынешний режим нераспространения, вызовет возможные сдвиги в балансе сил и повысит риск конфликтов, переходящих в атомную войну. Страны, не имеющие ядерного оружия – особенно это

относится к странам Ближнего Востока и Северо-Восточной Азии, – могут решиться на его приобретение, если выяснится, что их соседи и региональные соперники действуют в том же направлении. Более того, помощь со стороны агентов распространения уменьшает время, необходимое неядерным государствам для создания атомного оружия.

Трансформация международного терроризма

Ключевые факторы, способствующие международному терроризму, в ближайшие 15 лет не ослабят своего воздействия. Возрождение мусульманства, которому благоприятствует наличие глобальных средств связи, создаст рамки для распространения радикальной исламской идеологии на Ближнем Востоке и за его пределами, включая Юго-Восточную Азию, Центральную Азию и Западную Европу, где мусульманская религиозность традиционно не была так сильна. Это возрождение сопровождалось крепнущей солидарностью мусульман, оказавшихся в тисках национальной или региональной сепаратистской борьбы, подобной той, что идет в Палестине, Чечне, Ираке, Кашмире, на Минданао и в Южном Таиланде как реакция на притеснения со стороны властей, их коррумпированность и неэффективность. Будет наблюдаться дальнейшее развитие неформальных сетей благотворительных фондов, медресе, хавали¹ и других механизмов, которые эксплуатируются радикальными элементами; отчуждение будет толкать безработную молодежь в ряды людей, из которых террористы набирают своих последователей.

Мы полагаем, что к 2020 году на смену «Аль-Каиде» придут экстремистские исламские группировки аналогичной инспирации, и существует серьезный риск того, что массовые исламские движения, подобные «Аль-Каиде», сольются с местными сепаратистскими движениями. Информационные технологии, дающие возможность для непосредственного взаимодействия, связи и обучения,

¹ *Хавали – неформальные банковские системы в мусульманских странах.*

способствуют все большей

децентрализации террористической угрозы, исходящей от многообразных группировок, ячеек и отдельных людей, не нуждающихся в постоянных штабах для планирования и проведения операций. Учебные материалы, выбор целей, оружейные ноу-хау и сбор средств виртуализуются (т. е. станут доступны онлайн).

Террористические атаки будут по-прежнему проводиться в основном с использованием обычных видов вооружения. Однако с применением новых технологий и в процессе постоянной адаптации к приемам антитеррористической борьбы. Вероятно, наибольшую оригинальность террористы проявят не в технологиях или вооружении, а в своих оперативных концепциях – имеются в виду масштабы операций, их рисунок и вспомогательные приготовления перед терактами.

Серьезная заинтересованность террористов в приобретении химического, биологического, радиологического и ядерного оружия повышает вероятность крупных терактов с применением ОМП. Самые серьезные опасения связаны с возможным приобретением террористами биологического оружия или, что менее вероятно, ядерных устройств, применение которых приведет к массовым жертвам. Биотерроризм особенно подходит для небольших, хорошо информированных группировок. Мы также ожидаем, что террористы предпримут кибератаки с целью разрушить жизненно важные информационные сети или, что еще более вероятно, вызвать физические повреждения информационных систем.

Возможные варианты будущего

В эту эпоху крупномасштабных перемен мы видим несколько вариантов того, какую форму примут важнейшие глобальные изменения в ближайшие 15 лет. Эти варианты включают в себя весь спектр возможностей – от серьезного вызова системе государств-наций до упрочения всеобъемлющей глобализации. В рамках данного доклада мы оформили эти концепции в виде четырех предполагаемых сценариев, экстраполировав их из ключевых тенденций, обсуждаемых в докладе. Не следует рассмат-

ривать эти сценарии как реальные прогнозы, но в них описываются возможные «миры», на пороге которых мы можем оказаться в зависимости от того, как эти тенденции будут переплетаться и разворачиваться:

«Давосский мир» – иллюстрация того, как уверенный экономический рост, который возглавят Китай и Индия, способен в ближайшие 15 лет изменить направление процессов глобализации, придав им менее западный облик и преобразовав при этом поле политической игры.

«Рах Americana» дает представление о том, каким образом США могут сохранить свою доминирующую роль при радикальных изменениях мирового политического пейзажа и повлиять на формирование нового всеобъемлющего мирового порядка.

«Новый Халифат» представляет пример того, как глобальное движение, движимое радикальной религиозной политикой идентичности, может бросить вызов западным нормам и ценностям в основе глобальной системы.

«Контур страха» служит примером того, что обеспокоенность распространением ОМП может привести к крупномасштабным превентивным интервенциям, направленным на предотвращение смертоносных атак, а результатом этих интервенций, возможно, станет создание оруэлловского мира.

Разумеется, эти сценарии дают лишь несколько примеров возможных вариантов будущего, способных осуществиться в течение ближайших 15 лет, но само разнообразие этих возможностей заставляет думать, что нынешний период характеризуется все более масштабными изменениями, особенно по сравнению с относительной стабильностью времен холодной войны. Данные сценарии не являются взаимоисключающими. Мы можем стать свидетелями развертывания двух или трех из этих сценариев в какой-либо комбинации или же воплощения любого из целого ряда других сценариев.

Политические последствия

США будут играть важную роль в формировании международного порядка 2020 года. Вашингтон может все

больше сталкиваться проблемой управления – приемлемой для себя ценой – отношений с Европой, Азией и Ближним Востоком и другими в отсутствие единой всеобщей угрозы, которая может служить основой для достижения консенсуса. Хотя впереди их ждут очень серьезные трудности, США по-прежнему будут пользоваться колоссальными преимуществами, играя центральную роль в решении широчайшего спектра вопросов – экономических, технологических, политических и военных, – на которую в 2020 году еще не сможет претендовать ни одно другое государство. Вероятно, мы можем указать на некоторые тенденции, в том числе драматические изменения в системе союзов и взаимоотношений с Европой и Азией, на которых основывалась американская мощь в период после Второй мировой войны. Функции основного европейского учреждения все больше станет принимать на себя ЕС вместо НАТО, и скорее всего именно через эту структуру европейцы будут проецировать свою роль на мировой арене. Взаимоотношения США с Азией, возможно, будут представлять для Вашингтона наиболее серьезную проблему вследствие огромных изменений, вызванных появлением двух новых мировых экономических и политических гигантов, еще не полностью вписавшихся в международную систему. К чему придут отношения США с Азией, в немалой или даже большей степени зависит от того, как азиаты разрешат свои собственные разногласия, чем от действий самого Вашингтона. Можно представить целый ряд возможностей – от усиления роли США в качестве посредника между соперничающими силами до утраты Вашингтоном своего влияния.

Экономика США станет еще более уязвимой от переменного успеха других стран, так как коммерческое взаимодействие с ними будет постоянно углубляться. С расширением мировой торговой сети американская экономика окажется более зависимой от других экономик. Зависимость Америки от зарубежных поставок нефти также повышает ее уязвимость в условиях ужесточения борьбы за гарантированный доступ к энергоносителям и

наличия рисков, связанных с перебоями в поставках со стороны производителей.

В то время как ни одна страна в 2020 году не окажется мало-мальски способной соперничать с США в сфере военной мощи, все больше стран окажется в состоянии заставить США тяжело расплатиться за любые неудобные им военные действия. Наличие химического, биологического и/или ядерного оружия у Ирана и Северной Кореи и возможное приобретение такого оружия другими государствами к 2020 году также повышает и потенциальную цену, которую придется заплатить США в случае любых военных действий против этих стран или их союзников.

Успех американской антитеррористической кампании будет зависеть от возможностей и решимости отдельных стран бороться с терроризмом на своей собственной земле. Контртеррористические операции грядущих лет, направленные против разнообразных террористических группировок, объединенных скорее идеологией, чем географией, будут представлять собой сравнительно смутную задачу, нежели борьба с такой централизованной организацией, как «Аль-Каида». Наилучшие шансы сдержать – и в конечном счете снизить – угрозу терроризма принесет стратегия антитеррористической борьбы, основанная на многостороннем подходе к решению этой проблемы. Создание более открытых политических систем представительства, расширение экономических возможностей и наделение властью исламских реформаторов будут положительно рассматриваться со стороны широких слоев мусульман, которые не поддерживают радикальные планы исламских экстремистов.

Однако даже если численность экстремистов уменьшится, террористическая угроза скорее всего, сохранится. Стремительное распространение биологического оружия и других смертоносных технологий увеличивает возможности одиночек, не связанных с какими-либо террористическими группировками, проводить крупномасштабные теракты с большим количеством жертв. Несмотря на вероятные технологические прорывы, которые облегчат поиск террористов и их взятие с поличным, тому,

кто атакует, будет все же проще, чем тому, кто обороняется, поскольку последний должен учитывать самый широкий спектр возможностей. Вероятно, к США и впредь будут обращаться с призывами оказать помощь в улаживании конфликтов, аналогичных палестинскому, корейскому, тайваньскому и кашмирскому, с целью предотвратить их выход из-под контроля, когда нет возможности для мирного урегулирования. Но те сценарии и тенденции, которые мы анализируем в предлагаемом докладе, заставляют задуматься о возможном вкладе новых игроков в обеспечение мировой безопасности, освобождающем США от части возложенного на них бремени.

Усиленное внимание к новым и старым этическим проблемам в течение ближайших 15 лет способно привести к расколу всемирного общественного мнения и бросить вызов мировому лидерству США. В число этих вопросов входят изменения окружающей среды и климата, защита индивидуальной сферы личности, клонирование и биотехнологии, права человека, использование международного права в урегулировании конфликтов и роль межгосударственных институтов. Соединенным Штатам придется бороться с мировым общественным мнением, которое претерпело радикальные изменения со времен окончания холодной войны. Некоторая доля нынешнего антиамериканизма, возможно, отчасти рассеется, по мере того как глобализация будет приобретать все менее прозападный характер. В то же время у молодого поколения вождей – в отличие от периода после Второй мировой войны – нет личных воспоминаний о США как о своих «освободителях». Из этого следует, что они с большей вероятностью, чем их предшественники, будут расходиться во мнениях с Вашингтоном по целому ряду вопросов.

В процессе формирования мирового будущего у США появится много возможностей расширить свои преимущества, в особенности путем формирования нового международного порядка, который объединит разобщенные регионы и примирит несовпадающие интересы.

Картина мира в 2020 году

Относительные определенности:	Ключевые неопределенности:
Необратимость глобализации в целом; в меньшей мере она, скорее всего, будет носить европейский характер	Сможет ли глобализация подтянуть отстающие экономики? В какой мере азиатские страны устанавливают новые «правила игры»?
Существенный рост мировой экономики	Величина разрывов между имущими и неимущими; откат новых демократий; контроль и сдерживание финансовых кризисов
Увеличение числа глобальных фирм будет способствовать распространению новых технологий	Насколько серьезна угроза правительствам со стороны новых возможностей связи между людьми?
Подъем Азии и возникновение новых экономических бойцов «среднего веса»	Будет ли гладок процесс подъема Китая и Индии?
Старение населения господствующих держав	В какой мере ЕС и Япония способны к приспособлению рабочей силы, системы соцобеспечения и интеграции мигрантов? Станет ли ЕС сверхдержавой?
Достаточный для удовлетворения мирового спроса запас «ископаемых» энергоресурсов	Политическая нестабильность в странах-производителях; перебои с поставками
Растущая мощь независимых игроков на мировой арене	Готовность и способность государств и международных институтов приспосабливаться к этим игрокам
Политический ислам останется могущественной силой	Влияние религиозности на единство государств и ее конфликтный потенциал; рост идеологии джихада
Улучшение возможностей некоторых государств в отношении создания ОМП	Увеличится или уменьшится число ядерных держав? Насколько доступным для террористов станет биологическое, химическое, радиологическое и ядерное оружие?
Дуга нестабильности протянется по Ближнему Востоку, Азии и Африке	Стремительные события будут приводить к низвержению режимов
Конфликты великих держав вряд ли приведут к тотальной войне	Способность контролировать горячие точки и соперничество вокруг ресурсов
Этические вопросы и проблемы охраны окружающей среды еще решительнее выйдут на первый план	В какой степени новые технологии будут создавать или решать этические дилеммы?
США останутся единственным и самым могущественным игроком в экономическом, технологическом и военном планах	Бросят ли другие государства более открытый вызов Вашингтону; не утратят ли США научно-техническое лидерство?

МЕТОДОЛОГИЯ

Подготовка «Проекта-2020» НРС началась с организации в ноябре 2003 года в целях проведения широкой дискуссии встречи 25 ведущих независимых экспертов различного профиля и аналитиков разведывательного сообщества. Мы пригласили трех ведущих «футуристов» – Теда Гордона (Ted Gordon) из проекта ООН «Миллениум», Джима Дьюара (Jim Dewar), директора Центра по долговременной глобальной политике и будущему состоянию человечества при корпорации РЭНД (RAND), и Джеда Дэвиса (Ged Davis), бывшего главу сценарного проекта при «Шелл Интернэшнл»¹ – чтобы обсудить их последние работы и те методики, которые они применяли при прогнозировании будущего. Гарольд Джеймс, историк из Принстонского университета, задал общий тон, рассказав о том, чему нас учат предшествующие эпохи «глобализации».

Мы рассмотрели и изучили различные методики, а также ознакомились с рядом недавних «футурологических» исследований. Помимо встреч с коллегами в Великобритании,

Канаде, Австралии и Новой Зеландии с целью узнать их мнение, мы организовали шесть региональных конференций в странах на

¹ «Шелл Интернэшнл Лтд» (Shell International) уже в течение нескольких десятков лет использует сценарии для выявления деловых рисков и возможностей. Джед Дэвис много лет возглавлял этот проект.

четырёх континентах: по одной в Великобритании, Южной Африке, Сингапуре и Чили и две в Венгрии – чтобы дать возможность высказаться тем зарубежным экспертам из самых разных кругов – научных, деловых, правительственных, неправительственных организаций и прочих учреждений, – которые имеют обоснованные суждения о ключевых факторах перемен и способны осмыслить широкие региональные вопросы. Наши региональные эксперты также внесли существенный вклад в выявление того, что думают о США во внешнем мире. Помимо зарубежных конференций, на которые были приглашены сотни участников из разных стран, мы провели в окрестностях Вашингтона конференцию по проблемам Индии.

Вдобавок к этим дискуссиям проводились конференции и семинары с целью более углубленного рассмотрения конкретно интересующих нас тем, включая новые технологии, изменения характера военных действий, политику религиозной идентичности, проблемы пола, изменение климата и многие другие вопросы. Участники исследовали ключевые тенденции, обрисованные экспертами, а затем предлагали альтернативные сценарии возможного развития этих тенденций в ближайшие 15 лет. Кроме того, нами проводились консультации с многочисленными организациями и отдельными лицами по важным аспектам данного доклада, а также по методикам и подходам к прогнозированию будущего.

Бесценные данные по взаимосвязанным проблемам мы почерпнули из проекта «Миллениум», независимого органа, выполняющего роль советника ООН по стратегиям выполнения программы «Цели развития тысячелетия» (Millennium Development Goals). Кроме того, мы проводили консультации с такими организациями, как группа «Евразия» (Eurasia Group), «Оксфорд Аналитика» (Oxford Analytica), «СЕНТРА Текнолоджиз» (CENTRA Technologies) и Стимсоновский центр (Stimson Center).

Мы консультировались с такими исследователями, как Майкл Ф. Оппенгеймер (Michael F. Oppenheimer), президент «Глобальных сценариев» (Global Scenarios), который содействовал организации нескольких наших сессий и по-

мог нам определиться с методиками; Джон Айкенберри (John Ikenberry), профессор из Принстона (в прошлом – из Джорджтауна), на протяжении года с лишним организовавший несколько семинаров при участии экспертов из научных кругов для исследования различных аспектов глобального превосходства США, а также для критического отзыва о предварительных вариантах данного доклада; Энид Шеттл (Enid Schoettle), один из архитекторов «Мировых тенденций-2015»; профессор Барри Б. Хьюз (Barry B. Hughes), аспирантура по международным исследованиям, Денверский университет, чьи статистические работы и варианты сценариев представлены на нашем веб-сайте; Энн Соломон (Anne Solomon), старший советник по технологической политике и директор программы «Биотехнология и публичная политика» при вашингтонском Центре стратегических и международных исследований, организовавшая несколько плодотворных конференций по проблемам науки и техники; Элке Мэтьюз (Elke Matthews), независимый исследователь, который предпринял серьезное изучение открытых источников; Филип Дженкинс (Philip Jenkins), почетный профессор истории и религиозных исследований (университет штата Пенсильвания), автор ценных замечаний о глобальных тенденциях в области религии; Николас Эберстадт (Nicholas Eberstadt), кафедра политэкономии имени Генри Вендта (Henry Wendt) при Американском институте предпринимательства, предоставивший важные данные по демографическим вопросам; и Джеффри Хербст (Jeffrey Herbst), председатель департамента политики Принстонского университета, который существенно помог нам с анализом проблем, касающихся Африки.

Региональные конференции проекта были проведены следующими организациями: Уилтон-Парк, Центрально-Европейский университет, колледж Бэрд, Южно-Африканский институт международных отношений, Университет Адольфо Ибаньеса, Нуэва-Майориа, Азиатское общество. Тимоти Шарп и профессор Ивен Андерсон из «Шарп Глобал Солюшнз» провели в Лондоне конференцию британских экспертов для критического рассмотрения предварительного проекта доклада.

Мы хотели бы также поблагодарить своих коллег из разведывательного сообщества США, предоставивших нам полезные данные и поделившихся своими идеями о глобальных тенденциях.

Процесс разработки сценариев

Хотя прямолинейные экстраполяции полезны для выработки основных контуров и создания базового сценария, они обычно представляют собой односторонний взгляд на возможные варианты будущего и, как правило, ориентированы исключительно на «предсказания». Сценарии представляют собой более динамичный взгляд на возможное будущее; в их фокусе оказываются скрытые взаимодействия, которые могут иметь существенное политическое значение. Сценарии особенно полезны при размышлениях о будущем в эпохи большой неопределенности – а именно такими, по нашему мнению, будут ближайшие 15 лет. Сценарии помогают тем, кто принимает решения, выйти за рамки общепринятых представлений и базовых предположений, давая возможность рассмотреть более широкий спектр вероятного развития событий, включая новые угрозы и новые возможности.

В ходе шести международных семинаров было получено колоссальное количество данных и проведен анализ ключевых факторов, которые с наибольшей вероятностью будут определять региональные изменения в период до 2020 года. Сотрудники «Проекта-2020» проводили дополнительные исследования, составляли черновые проекты статей и инициировали последующие круглые столы и конференции. Мы проанализировали те выводы, к которым пришли региональные семинары, выделили ключевые региональные тенденции, имеющие глобальное значение, и рассмотрели региональные результаты во всей их полноте, чтобы выявить наиболее заметные тенденции, свойственные различным регионам. Эти ключевые результаты стали сырьем для разработки глобальных сценариев.

Чтобы инициировать процесс разработки глобальных сценариев, сотрудники «Проекта-2020» сформировали Группу управления сценариями (ГУС) – небольшое объе-

динение уважаемых членов политического сообщества, ведущих экспертов и аналитиков из разведывательного сообщества, – в задачу которой входил обзор собранных данных и рассмотрение сценарных концепций, учитывающих взаимодействие между ключевыми факторами глобальных изменений. ГУС изучила выводы международных семинаров и исследовала ранние варианты сценариев на предмет их правдоподобности и политического значения.

Мы провели обширные исследования ключевых футурологических работ, созданных как в публичном, так и в частном секторах, в которых применялась техника сценариев, выявили наилучшие методики, после чего разработали собственный уникальный подход, сочетающий анализ тенденций и сценарии. В число документов, повлиявших на нашу работу, входят статьи Голдмана Сакса, Министерства обороны США и «Шелл Интернэшнл Лтд».

После изучения, критики и обсуждения сценарных концепций в ГУС и других группах, задействованных в нашем проекте, были разработаны восемь глобальных сценариев, которые были сочтены особенно многообещающими. После этого НРС провел заключительный семинар при участии широкого круга экспертов с целью изучения этих сценариев, обсуждения их достоинств и недостатков, в результате чего число сценариев, включенных в окончательный вариант доклада, сократилось до четырех. Сценарии, представленные в данной публикации, выбраны по принципу их значимости для принятия политических решений; кроме того, они поднимают ключевые вопросы о будущем, не пытаясь его предсказать. И наконец, они не являются взаимоисключающими.

Сценарии и футурологические работы, повлиявшие на наш проект

Консультации с Джедом Дэвисом, бывшим главой отдела разработки сценариев для «Шелл Интернэшнл», укрепили нас в намерении разрабатывать сценарии, которые могут пригодиться тем, кто «делает политику». В «Шелл» принято создавать такие сценарии каждые три года, чтобы руководители компании могли принимать более взвешенные решения. После первоначальных

исследований команда «Шелл» около года проводит беседы и семинары с целью разработки и создания сценариев, стараясь в ходе всего этого процесса соблюдать равновесие между неортодоксальными идеями и принципом правдоподобия. Мы пользовались аналогичным подходом. Кроме того, весьма полезными оказались консультации с другими организациями, проводящими футурологические исследования:

Объединенный центр доктрин и концепций, входящий в состав британского министерства обороны и предпринявший амбициозную попытку создать непротиворечивую панораму тех тенденций мирового развития в ближайшие 30 лет, которые могут повлиять на безопасность Великобритании. Этот проект под названием «Стратегические тенденции» был призван содействовать министерству обороны в достижении стратегического понимания будущих угроз, рисков, проблем и возможностей.

«Мета-анализ опубликованного материала по факторам и тенденциям» (эта работа издана Британским агентством оценок и исследований в области обороны), где проведен обзор более 50 футурологических исследований.

Корпорация «РЭНД» – в рамках параллельного, финансируемого НРС проекта по обновлению монографии 2001 года «Глобальная революция: тенденции био/нано/материальных технологий и их взаимодействие с информационными технологиями до 2015 года» – в существенной мере задала направление наших исследований, выделив основные технологические тенденции и их взаимодействие, обозначив те технологические приложения, которые преобразят будущее; ей же мы обязаны многочисленными замечаниями по черновым проектам нашего доклада и провоцирующими на серьезные размышления, технологически обоснованными сценарными концепциями.

Питер Шварц, председатель «Глобальной бизнес-сети» и автор книги «Неизбежные сюрпризы», ознакомил нас с ценными соображениями о природе неожиданного, включая использование побудительных факторов, интерпретацию сущностных проникновений в разных дисциплинах и применение сценариев в частном секторе.

«Компаньоны Тоффлер» предоставили нам ряд идей, в том числе в связи с проектом «АНБ-Тек-2020» (см. ниже). Кроме того, доктора Элвин и Хайди Тоффлер участвовали в нашей заключи-

тельной конференции, поделившись своими взглядами по проблеме предвидения будущего, основанными на их обширном опыте в этой области.

Конференции и семинары «Проекта-2020»

Презентация Объединенного центра доктрин и концепций (Министерство обороны, Великобритания) – штаб-квартира ЦРУ (сентябрь 2003).

Конференция по антиамериканизму – Уай-Плантейшн (октябрь 2003).

Вступительная конференция по «Проекту-2020» – Вашингтон (ноябрь 2003).

Серия круглых столов профессора Айкенберри по международным отношениям – Джорджтаунский университет (ноябрь 2003 – ноябрь 2004).

Совместная конференция сотрудников разведок США и Содружества – Вашингтон (декабрь 2003).

Круглый стол экспертов по Африке – Вашингтон (январь 2004).

Семинар «НРС-2020» по Ближнему Востоку – Уилтон-Парк, Великобритания (март 2004).

Семинар «НРС-2020» по Африке – Йоханнесбург, Южная Африка (март 2004).

Глобальная эволюция биотехнологий двойного назначения – Вашингтон (март 2004).

Семинар «НРС-2020» по России и Евразии – Будапешт, Венгрия (апрель 2004).

Семинар «НРС-2020» по Европе – Будапешт, Венгрия (апрель 2004).

Круглый стол по проблемам глобальной идентичности – штаб-квартира ЦРУ (май 2004).

Семинар «НРС-2020» по Азии – Сингапур (май 2004).

Конференция по изменению природы войн – Военно-морской аналитический центр (май 2004).

Семинар «НРС-2020» по Латинской Америке – Сантьяго, Чили (июнь 2004).

Технологические фронтиры, глобальная мощь, богатство и конфликты – Центр стратегических и международных исследований (ЦСМИ) (июнь 2004).

Изменение климата – университет Мэриленда (июнь 2004).

«АНБ–Тек-2020» – Балтимор, Мэриленд (июнь 2004).

Конференция по европейским мусульманам – Оксфорд, Англия (июль 2004).

Женщины в 2020 году – Вашингтон (август 2004).

Круглый стол по деловому лидерству – Штаб-квартира ЦРУ (сентябрь 2004).

Индия и геополитика в 2020 году – Росслин, Вирджиния (сентябрь 2004).

Круглые столы по сценариям, спонсируемые Стимсоновским центром – Вашингтон (весна–лето 2004).

Информация и коммуникации, связь технологии с обществом и национальным государством – Вашингтон (сентябрь 2004).

Заключительный семинар по «Проекту-2020» – Вирджиния (октябрь 2004).

Консультация по предварительному варианту «Проекта-2020» с британскими экспертами и Международным институтом стратегических исследований – Лондон, Англия (октябрь 2004). Проект Агентства по национальной безопасности «Тек-2020» также помог выявить ключевые технологические конвергенции, которые с большой вероятностью окажут влияние на общество до 2020 года. Мы почерпнули ценные идеи из этого проекта и благодарны АНБ за стимулирование в разведывательном сообществе плодотворного диалога о будущих тенденциях.

Интерактивные инструменты

Существенно, что в «Проекте-2020» применялись информационные технологии и аналитические инструменты, прежде бывшие недоступными. Глобальный размах и масштабы проекта требовали непрерывного международного диалога о будущем. С помощью «СЕНТРА Текнолоджиз» мы создали интерактивный, защищенный паролями веб-сайт, который служил хранилищем для дискуссионных статей и итоговых документов семинаров. Кроме того, этот сайт являлся средством связи с колоссальным банком базовых данных. Сайт включал интерактивные инструменты, обеспечивавшие взаимодействие иностранных и отечественных экспертов, и позволял создавать компьютерные симуляции, с помощью которых и новички, и эксперты мо-

гут разрабатывать собственные сценарии¹. После публикации данного доклада большая часть вспомогательного материала, включая методики создания сценариев, перенесена на открытый веб-сайт НРС со свободным доступом.

¹ Эти инструменты доступны на веб-сайте НРС: www.cia.gov/nic.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Если в «Основных тенденциях развития человечества до 2015 года» мы рассматривали глобализацию – растущую взаимосвязанность различных частей земного шара, отражающуюся в расширении потоков информации, технологий, капиталов, товаров, услуг и самих людей по всему миру, – как набор неких ключевых элементов, то теперь мы рассматриваем ее скорее как некую «мегатенденцию», всепроникающая сила которой будет оказывать существенное влияние на все основные направления развития мира к 2020 году.

«К 2020 году глобализация, вероятно, примет гораздо более «незападный» облик...»

За последние 20 лет размах глобализации значительно увеличился благодаря либерализации китайской и индийской экономик, крушению Советского Союза, а также революции в области информационных технологий, охватившей весь земной шар. На протяжении последующих 15 лет она будет способствовать мировому экономическому росту, повышению уровня жизни во всем мире, дальнейшему углублению взаимозависимости различных уголков мира. В то же время практически во всех областях жизни

она приведет к серьезным изменениям статус-кво – колоссальным экономическим, культурным, а значит, и политическим потрясениям.

В некоторых своих аспектах, таких как рост взаимосвязей, порожденный революцией в области информационных технологий, глобализация, похоже, носит необратимый характер. Коммуникации в режиме реального времени привели к повсеместным политическим переменам и стали фактором, с которым приходится считаться даже репрессивным режимам.

Будет трудно также отказаться от углубления экономической взаимозависимости, хотя темпы мировой экономической экспансии могут напоминать приливы и отливы. Взаимозависимость расширила границы международного бизнеса, дала возможность как малым предприятиям, так и транснациональным корпорациям вести дела поверх границ и вывела на международную арену новые, ранее не предлагавшиеся услуги.

Однако глобализация, несмотря на всю свою мощь, может быть существенно заторможена или даже повернута вспять. Достаточно вспомнить, как развитие аналогичных тенденций в конце XIX – начале XX века было повернуто вспять катастрофической войной и всемирной депрессией. Некоторые процессы, увязываемые нами с глобализацией 1990-х годов, такие как экономическая и политическая либерализация, развиваются неравномерно и, по всей вероятности, будут зависеть от успеха многосторонних переговоров, совершенствования механизмов национального управления, сокращения конфликтов. Большая свобода перемещения людей через национальные границы будет и далее наталкиваться на социальные и политические препятствия, даже тогда, когда существует острая потребность в иностранной рабочей силе.

Более того, характер глобализации, возможно, претерпит изменения, подобные тем, которые претерпел капитализм на протяжении XIX и XX веков. Наиболее развитые страны наших дней, в первую очередь Соединенные Штаты, будут по-прежнему играть важную роль в производстве и перемещении капиталов, технологий и това-

ров, однако глобализация, вероятно, в течение следующих 15 лет в гораздо большей степени примет «незападный» облик.

К 2020 году большая часть мирового прироста населения и роста потребительского спроса будет приходиться на нынешние развивающиеся страны, в первую очередь на Китай, Индию и Индонезию, а транснациональные корпорации современных развитых стран адаптируют свой «профильный» бизнес и деловые практики к потребностям их культур.

Корпорации, располагающие возможностями для широкого распространения технологии и поддержки экономического прогресса в развивающемся мире, уже сегодня стремятся доказать ему свою «лояльность», не возражая против применения западных практик в тех сферах, на которые распространяется их деятельность. Они могут сделать глобализацию более привлекательной в глазах людей, заботящихся о сохранении уникальных культур.

Благодаря торговле и инвестициям во всем мире будет ощущаться влияние новых или расширяющихся корпораций из стран, обязанных своим подъемом глобализации.

Страны, обретшие новый вес, постараются им воспользоваться, добиваясь усиления своей роли в международных организациях и большего влияния на определение «правил игры».

«...ожидается, что к 2020 году мировая экономика вырастет на 80% по сравнению с 2000 годом, а средний доход на душу населения увеличится приблизительно на 50%».

В ходе консультаций с иностранными экспертами многие из них заметили, что хотя в их странах люди дорожат материальными благами, принесенными глобализацией, они отрицательно относятся к ней, если воспринимают ее как «американизацию», несущую угрозу их культурным и религиозным ценностям. Связь между глобализацией и американскими ценностями в свою очередь способствует разжиганию антиамериканских настроений в некоторых частях мира.

В настоящее время примерно две трети населения земного шара проживает в странах, вовлеченных в глобальную экономику. Даже в 2020 году блага глобализации будут доступны не всем. В течение ближайших 15 лет будет увеличиваться разрыв между странами, сумевшими извлечь из глобализации экономические, технологические и социальные преимущества, и отстающими, слаборазвитыми странами или отдельными их анклавами. На самом деле мы считаем, что следующие 15 лет станут периодом, когда противоречия и неустойчивость глобализирующегося мира будут восприниматься даже более остро, чем сейчас.

Каким будет азиатское лицо глобализации?

Переживающая подъем Азия будет и далее оказывать влияние на процесс глобализации, делая его менее «американизированным» и более азиатским по форме и восприятию. Вместе с тем Азии предстоит изменить стандарты этого процесса. Обладая самыми быстрорастущими потребительскими рынками, большим количеством фирм, превращающихся в транснациональные корпорации, увеличивающейся долей наукоемких производств, Азия, кажется, всерьез вознамерилась потеснить страны Запада и стать наиболее динамично развивающимся центром мировой экономики, при условии, что ее быстрый экономический рост будет продолжаться и дальше.

Министры финансов азиатских стран рассматривали вопрос о создании Азиатского валютного фонда, который в своей деятельности не станет дублировать МВФ, будет накладывать меньше ограничений на валютно-обменные операции и предоставит азиатским руководителям возможность дистанцироваться от «вашингтонского макроэкономического консенсуса».

Если говорить о потоках капитала, то переживающая подъем Азия уже способна аккумулировать обширные валютные резервы. В настоящее время Япония располагает 850 миллиардами долларов, у Китая – 500 миллиардов, у Кореи – 190 миллиардов и у Индии – 120 миллиардов; вместе они составляют три четверти от совокупных мировых запасов валюты, однако долларовая их часть будет сокращаться. Стандартной практикой станет использование

корзины резервных валют – иен, ренминби (валютных юаней) и, возможно, рупий.

Учетные ставки центральных банков азиатских стран будут оказывать влияние на мировые финансовые рынки, в том числе на нью-йоркскую и лондонскую биржи. Управляющие портфелями ценных бумаг будут в дальнейшем все более ориентироваться на показатели прибылей азиатских фондовых бирж.

Поскольку правительства азиатских стран инвестируют все больше средств в науку и развитие, эти страны будут все в большей степени привлекать со всего мира прикладные технологические разработки, в том числе самые передовые, которые способствуют интенсивному развитию их самых высокопроизводительных отраслей. Мы полагаем (говорится в тексте), что азиатские гиганты скорее предпочтут воспользоваться мощью своих рынков для установления новых международных промышленных стандартов, чем следовать существующим западным стандартам или нормативам международных организаций стандартизации. Вся система международного права на интеллектуальную собственность подвергнется серьезной корректировке благодаря нормативной и правоприменительной практике стран Восточной и Южной Азии.

Все большее вовлечение азиатской рабочей силы (в первую очередь из Китая, Индии и Индонезии) в глобальную экономику будет иметь далекоидущие последствия, которые, возможно, стимулируют рост внутренней и региональной миграции. В любом случае эти последствия трудно будет переоценить: они скажутся на относительных размерах крупнейших мировых мегаполисов и, быть может, станут ключевой переменной величиной, от которой на ближайшие десятилетия будет зависеть уровень политической стабильности (или нестабильности) в мире. Обширные внутренние миграции выплескиваются за пределы отдельных стран (в настоящее время лишь малая толика 100-миллионной армии внутренних мигрантов Китая оседает за границей), в будущем эти «выбросы» могут кардинально изменить ситуацию в других регионах, в том числе в Европе и Северной Америке.

Укрепление азицентристской культурной идентичности может оказаться наиболее глубоким следствием того подъема, который переживает Азия. Уже сейчас сокращается процентное отношение азиатских студентов, отправляющихся учиться в Ев-

ропу и Северную Америку, зато образовательные центры Японии и – что поразительно – Китая становятся в их глазах все более привлекательными. Похоже, что новая, «более азиатская» культурная идентичность пользуется в Азии все большим спросом, который растет вместе с ростом доходов и распространением информационных сетей. Корейскими поп-певцами уже всю увлекаются в Японии, японские мультфильмы имеют множество поклонников в Китае, а фильмы о китайском кунг-фу и танцевально-музыкальные эпопеи Болливуда смотрят миллионы людей по всей Азии. Даже Голливуд начал испытывать на себе эти азиатские влияния, которые к 2020 году могут только усилиться.

«Индия и Китай, вероятно, будут принадлежать к числу экономических «тяжеловесов» или «имущих» стран».

Глобальная экономика: расширение и интеграция

Ожидается, что к 2020 году мировая экономика вырастет на 80 процентов по сравнению с 2000 годом, а средний доход на душу населения увеличится приблизительно на 50 процентов. Значительная часть мира будет жить в условиях небывалого процветания; во многих некогда бедных странах впервые появится большой (в численном выражении) средний класс. Социальные структуры этих развивающихся стран будут трансформироваться по мере того, как экономический рост будет способствовать расширению среднего класса. В перспективе, если этот процесс не будет прерван, он позволит традиционно более бедным странам быть вовлеченными в сферу глобализации.

Большинство прогнозов развития до 2020 года и на более длительный срок предусматривают превышение показателей роста экономики развивающихся стран над аналогичными показателями сегодняшних лидеров мировой экономики. Такие страны, как Китай и Индия, су-

меют добиться здесь большего успеха, чем Европа или Япония, стареющие трудовые ресурсы которых могут затормозить их рост. Учитывая гигантское население Китая и исходя из реальной валютной оценки, совокупное национальное богатство Китая в долларовом выражении к 2020 году может выйти на второе место в мире. Аналогично экономика Индии к этому времени будет сопоставима по своей мощности с экономикой крупной европейской страны.

Экономики других развивающихся стран, таких как Бразилия и Индонезия, могут к 2020 году превзойти экономики европейских стран, за исключением крупнейших из них¹.

Несмотря на весь свой динамичный рост, азиатские и другие «гиганты» вряд ли смогут сравниться по количественным показателям с экономикой США или даже с экономиками некоторых других богатых стран. В них будут существовать отдельные динамично развивающиеся сектора мирового уровня, но большая часть их населения будет занята в сельском хозяйстве, их акционерные ка-

¹*Dreaming with BRICs: The Path to 2050.* питалы будут менее слож-
Goldman Sachs study, October 2003.

ными, а их финансовые системы, вероятно, будут менее эффективными, чем финансовые системы других преуспевающих стран.

Сохраняющееся экономическое беспокойство

Истории известны примеры длительного существования высоких показателей экономического роста. Китай уже около двух десятилетий демонстрирует рост в 7 и более процентов; Японии, Южной Корее и Тайваню в прошлом удавалось на протяжении долгого времени сохранять в среднем примерно десятипроцентный прирост.

Однако быстро развивающиеся страны прежде часто переживали внезапные кризисы, задержки развития, а вихри экономической нестабильности, похоже, могут все больше влиять на широкий круг международных отношений.

Многие новые рынки, как, например, Мексика в середине 1990-х годов или азиатские страны в конце 1990-х, страдали от негативных последствий резких перемен направления движения капитала, поэтому Китай и Индия еще могут столкнуться с аналогичными проблемами. В этом случае масштабы потенциально возможных перестановок будут беспрецедентными, причем не ясно, сумеют ли нынеш-

ние международные финансовые механизмы предупредить их более широкие экономические последствия.

По мере постепенной интеграции Китая, Индии и других развивающихся стран в мировую экономику сотни миллионов рабочих рук получают доступ к мировому рынку труда, становящемуся еще более взаимозависимым под воздействием торговых и инвестиционных потоков. Мировые стандарты производства, торговли, труда и заработной платы будут пересмотрены.

«Под давлением конкуренции компании, работающие в экономически развитых странах, будут вынуждены привлекать со стороны, в том числе из-за границы, многих рабочих и управленцев».

Эта колоссальная масса рабочей силы, все возрастающая часть которой будет иметь хорошее образование, послужит привлекательным конкурентоспособным источником дешевого труда, в то время как инновационные технологии расширят возможности мобильной занятости в глобальных масштабах.

Конкуренция со стороны этих людей будет содействовать «перетасовыванию» рабочей силы, потребует профессиональной переподготовки кадров и ограничит рост заработной платы в некоторых отраслях.

К чему приведут эти давления на рынок труда, будет зависеть от реакции на это со стороны политических лидеров и разработчиков стратегии. На фоне глобального экономического спада эти трудовые ресурсы могут вызвать широкое распространение протекционистских настроений. Но пока будет сохраняться достаточно уверенный экономический рост, а рынок труда оставаться гибким, интенсивная международная конкуренция вряд ли приведет к реальным потерям рабочих мест в экономически развитых странах.

Большое количество новых рабочих мест в сфере услуг, которое будет создано в Индии и других развивающихся странах, скорее всего превысит предложение квалифицированных рабочих рук в этой сфере в передовых экономически развитых странах.

Текущая рабочая сила в экономически развитых странах будет по-прежнему зависеть в большей степени от технологических перемен и превратностей местного рынка труда, чем от иностранной конкуренции.

Мобильность и отсталость

Хотя уровень жизни многих жителей развивающихся и отсталых стран в течение ближайших 15 лет будет подниматься, по уровню дохода на душу населения в 2020 году большинство этих стран будет все еще значительно уступать странам Запада. Даже в странах с быстро развивающейся экономикой сохранится множество бедняков, а удельный вес среднего класса будет в них куда более скромным, чем в современных развитых странах. По оценке экспертов, Китаю после 2020 года понадобится еще 30 лет, чтобы по доходу на душу населения достичь нынешнего уровня развитых стран.

Даже если, как утверждает одно исследование, средний класс Китая может к 2020 году составить до 40% его населения, то есть в процентном отношении удвоиться по сравнению с нынешним днем, он все еще будет уступать этому показателю в США – 60%. По уровню дохода на душу населения китайский средний класс будет также существенно уступать западному.

По некоторым оценкам, сейчас в Индии около 300 миллионов людей среднего заработка получают 2 – 4 тысячи долларов в год. Как общее число работников среднего заработка, так и уровень их заработной платы, вероятно, быстро возрастут, однако даже в 2020 году их доходы будут все еще значительно ниже соответствующих средних показателей для США и других развитых стран.

Однако годовой доход в 3 тысячи долларов в Азии считается достаточным, чтобы побудить людей к покупке автомобиля. Таким образом, быстрый подъем уровня доходов растущего среднего класса повлечет за собой взрыв потребительского спроса, который очевиден уже сейчас.

Усугубляющаяся разница в доходах и уровне развития различных регионов не мешает параллельному росту среднего класса и увеличению общего богатства. В Индии,

например, хотя многие западные и южные штаты к 2020 году будут располагать значительным средним классом, такие штаты, как Бихар, Уттар-Прадеш и Орисса, останутся отстающими.

Страны, не вовлеченные в мировую экономику, будут по-прежнему страдать от своей изоляции. Даже самые оптимистичные прогнозы признают, что стимулируемый глобализацией экономический рост в течение ближайших 15 лет не сможет вывести из бедности множество стран.

Сценарии, разработанные Всемирным банком, указывают на то, что, например, страны, лежащие к югу от Сахары, даже при самом оптимистическом сценарии развития будут далеко позади. В настоящее время в этом регионе самая большая в мире доля населения, живущего менее чем на один доллар в день.

Если усугубляющиеся проблемы крайней нищеты и дурного управления в неблагополучных странах, расположенных к югу от Сахары, странах Евразии, Ближнего Востока и Латинской Америки сохраняют свою остроту, эти регионы станут благодатной почвой для терроризма, организованной преступности и пандемий. Вынужденная иммиграция также может стать важной составляющей общего процесса деградации. Международному сообществу предстоит решить, стоит ли ему вмешиваться, как это делать и какой ценой.

«...Величайшие преимущества глобализации выпадут на долю тех стран и групп населения, которые смогут получить доступ к новым технологиям и провести их в жизнь».

Что может вызвать крах глобализации?

Процесс глобализации, несмотря на всю свою мощь, может быть существенно заторможен или даже повернут вспять. Если не говорить о новой мировой войне, которую мы считаем маловероятной, остановить глобализацию может только грандиозная по своим масштабам пандемия. Другие катастрофы, например атаки террористов, могут лишь замедлить ее ход.

По мнению некоторых экспертов, появление новой пандемии – лишь вопрос времени. В 1918–1919 гг. вирус гриппа унес около 20 миллионов человеческих жизней. Если подобные эпидемии вспыхнут в мегаполисах развивающегося мира со слабо развитой системой здравоохранения – в африканских странах, расположенных к югу от Сахары, Китае, Индии, Бангладеш или Пакистане, – они будут опустошительными и смогут быстро распространиться по всему миру. Глобализация окажется под угрозой, если счет жертв в некоторых важнейших странах пойдет на миллионы, а распространение заболевания приостановит на длительный период перемещение людей и товаров по земному шару и заставит правительства тратить колоссальные средства на свои перегруженные секторы здравоохранения. С другой стороны, реакция на атипичную пневмонию (SARS) показала, что международный надзор и механизмы контроля совершенствуются и все более эффективно сдерживают распространение болезней, а новые достижения биотехнологии позволяют надеяться на дальнейшие успехи в борьбе с ними.

Замедление глобализации может быть также связано с всеобъемлющим ощущением экономической и физической незащищенности, побуждающим правительства вводить ограничения на потоки капитала, товаров, людей и технологий, а следовательно, сдерживать экономический рост. Такая ситуация может возникнуть в ответ на атаки террористов, в результате которых погибнут десятки или даже сотни тысяч людей в ряде американских городов или в Европе, или на масштабные кибернетические атаки на информационные технологии. Пограничный контроль и ограничение технологического обмена могут привести к удорожанию сделок, послужить препятствием для инноваций и экономического роста. Аналогичные ограничительные меры могут быть введены в результате приобретшей массовый характер отрицательной реакции на глобализацию, если, например, «белые воротнички» из богатых стран взбунтуются против практики «аутсорсинга» и/или если народы бедных стран, сочтя себя жертвами глобализации, попытаются ей сопротивляться.

Технологическая революция

Общая тенденция к быстрому всемирному распространению технологии будет сохраняться, хотя революция в

области высоких технологий и не принесет всем равные блага.

К числу факторов, обеспечивающих расширение доступа к технологическим достижениям, следует причислить рост обоюдостороннего потока высокотехнологичных мозговых ресурсов между развивающимися и западными странами, увеличение удельного веса технологически грамотной рабочей силы в некоторых развивающихся странах, а также усилия транснациональных корпораций диверсифицировать свою высокотехнологичную деятельность.

Внедрение новых технологий послужит стимулом для резкого подъема знаний и индивидуального благосостояния людей. Эти выгоды включают в себя сдвиги в медицине, которая сумеет вылечить или смягчить некоторые известные болезни и увеличить продолжительность жизни. Новые открытия позволят улучшить качество пищи и питьевой воды, распространят беспроводную связь и технологии машинного перевода, которые облегчат международные деловые, коммерческие и даже социально-политические отношения.

Более того, грядущие тенденции развития технологии будут отмечены не только ускорением прогресса в отдельных ее областях, но также умножающей его конвергенцией различных технологий (информационных, биологических, материалов и нанотехнологий), способной привести к революционным изменениям во всех сферах жизни. Применение «умных» материалов, снабженных нанотехнологическими сенсорами при содействии информационных технологий, позволит создать множество приспособлений, которые помогут укрепить здоровье людей, повлияют на деловые практики и модели поведения. Эти материалы снабдят нас новыми знаниями об окружающей среде, улучшат безопасность и сократят индивидуальную сферу личности. Такого рода взаимодействие технологических тенденций – в сочетании с ускоренными методами производства и современным оборудованием, а также передовыми способами добычи энергии, воды и современными транспортными технологиями – поможет Китаю и Индии в осуществлении

их намерения присоединиться к «первому миру». Обе страны инвестируют большие средства в фундаментальные исследования и занимают ведущие позиции в целом ряде ключевых областей. Европа рискует отстать от Азии в разработке некоторых из этих технологий. Соединенные Штаты пока сохраняют свое абсолютное лидерство, хотя им придется вступать во все более тесную конкуренцию с Азией, которая может существенно потеснить США в некоторых областях.

Страны, способные претворить в жизнь новые технологии, извлекают из этого максимальную пользу. Разрыв между «имущими» и «неимущими» может увеличиться, поскольку страны, имеющие доступ к новым технологиям и поставившие их себе на службу, извлекают из глобализации наибольшие преимущества. Общий уровень технологического развития той или иной страны будет определяться в терминах инвестиций во внедрение и претворение в жизнь новых доступных в мировом масштабе технологий, вне зависимости от того, являются ли они результатом собственных фундаментальных исследований или же происходят из стран – лидеров технологического прогресса. Странами, отстающими в освоении передовых технологий, вероятно, станут те, кто не последует пути принятия политических решений, способствующих внедрению новых технологий, кто постарается избежать перемен, направленных на проведение в жизнь идей добросовестного управления, всеобщего образования и рыночных реформ, причем не исключительно по причине своей бедности.

Те, кто проводит такую политику, могут, напротив, «перепрыгнуть» через некоторые стадии и фазы развития, через которые должны были пройти Соединенные Штаты и Европа в своем движении к прогрессу. Китай и Индия занимают неплохие позиции для совершения такого рывка. Однако даже самые бедные страны смогут использовать имеющиеся в изобилии дешевые технологии для того, чтобы подхлестнуть свое развитие, хотя его темпы будут все-таки ниже.

Поскольку такие страны, как Китай и Индия, совершают прорыв, проводя инвестиции в ключевые отрасли нау-

ки, инженерное образование, а также в развитие инфраструктуры, они добьются значительных успехов в производстве и сбыте широкого спектра высокотехнологичных продуктов – от программного обеспечения и медикаментов до беспроводных датчиков и «умных» материалов.

Быстрый технологический прогресс, разворачивающийся за пределами Соединенных Штатов, может позволить другим странам устанавливать свои требования к проектированию, производственным стандартам и их реализации, к уровню секретности, информационной безопасности, а также к правам на интеллектуальную собственность.

Действительно, в настоящее время происходят серьезные изменения в международном регламентировании прав на интеллектуальную собственность. Такие страны, как Индия и Китай, благодаря покупательной способности своих необъятных рынков смогут влиять на нормы применения некоторых технологий и наступать на права чужой интеллектуальной собственности. Привлекательность этих обширных рынков будет побуждать транснациональные корпорации смотреть сквозь пальцы на отступления от правовых норм в регулировании интеллектуальной собственности, поскольку эти отступления практически не будут сказываться на уровне их доходов. К тому же на пороге серьезных успехов в развитии медицинских технологий возрастает роль соображений гуманитарного и нравственного порядка: все громче будут раздаваться голоса, настаивающие на «раскрепощении» собственности «во благо человечества».

Национальные государства столкнутся также с серьезными проблемами надзора, контроля и запрещения секретных технологий. Ввиду того что одни и те же разработки – сенсоры, вычислительная техника, средства связи и материалы – предназначены как для разнообразных устройств, используемых в повседневной коммерческой активности, так и для устройств, используемых в военных нуждах, их будет трудно отслеживать и контролировать экспорт их технологических компонентов. К тому же совместные предприятия, глобальные рынки и растущая доля частного капитала в финансировании научно-исследовательских

работ будут подрывать усилия национальных государств, направленные на контроль секретных технологий.

Вопросы, связанные с этическими аспектами внедрения отдельными странами технологических новшеств, таких как генетически модифицированные продукты питания, приватность данных, исследование биологических материалов, использование замаскированных датчиков и биометрических устройств, – все эти вопросы будут становиться все более актуальными факторами в сфере международной торговой политики и международных отношений.

В то же время в 2020 году технология будет источником напряженности. Фронт этой напряженности будет достаточно широк: от конкурентной борьбы за воспроизводство и привлечение важнейшего компонента технического прогресса – самих людей – до сопротивления некоторых культурных и политических групп тем его аспектам, которые будут увязываться ими с нарушением прав личности или нивелирующим воздействием вездесущей технологии.

Биотехнология: панацея и оружие

Биотехнологическая революция находится в относительно ранней стадии своего развития. XXI век станет свидетелем крупных достижений биологических наук в сочетании с информационными технологиями. Результатом исследований будут становиться все новые важные открытия в сфере инновационных медицинских технологий, здравоохранения, экологической реабилитации, сельского хозяйства, биологической защиты и в смежных областях.

Следует отметить, что биотехнология может стать «выравнивающим» фактором между развитыми и развивающимися странами, поскольку она привнесет резкие положительные изменения в области экономики и здравоохранения беднейших уголков нашей планеты.

Ожидаемые прорывы в биомедицине, такие как создание антивирусного барьера, положат предел распространению СПИДа, способствуя разрешению продолжающегося гуманитарного кризиса в странах, лежащих к югу от Сахары, и минимизировав потенциально серьезные помехи для экономического роста разви-

вающихся стран, в частности Индии и Китая. Биотехнологические исследования и инновации, которые станут результатом продолжающихся инвестиций США в обеспечение национальной безопасности, такие как новые методы лечения, блокирующие возможность болезнетворных микроорганизмов проникать в тело, – эти разработки могут со временем привести к созданию революционных медицинских препаратов, чья роль выйдет далеко за рамки защиты США от террористической угрозы.

Большее развивающихся стран станет инвестировать средства в собственные биотехнологические разработки, а рыночная конкуренция будет все сильнее подталкивать компании и исследовательские центры Запада к поиску технически подготовленных партнеров в развивающихся странах.

Однако в то время как развитие биотехнологии обещает улучшение качества жизни, оно несет в себе и серьезную угрозу безопасности. Поскольку доступ к биотехнологической информации будет постоянно расширяться, возрастет и число людей, потенциально способных использовать эту информацию во зло и погубить множество человеческих жизней. Атакующая сторона окажется в более выгодном положении, ибо в ее распоряжении будет широкий выбор средств; обороняющейся же стороне предстоит готовиться к защите от множества возможных опасностей. Кроме того, поскольку достижения биотехнологии будут находить все более широкое применение, все труднее будет тормозить разработку новых видов наступательного биологического оружия. В ближайшие 10 или 20 лет будет существовать риск того, что прогресс биотехнологии приведет не только к созданию средств обороны, но и к разработке средств ведения наступательной биологической войны, сделав возможным создание новых веществ, которые будут рассчитаны на поражение определенных видов организмов – людей, животных, посевов.

Наконец, некоторые технические новинки, способные существенно продвинуть развитие медицины, вызовут и серьезные нарекания, связанные с соблюдением этических норм и прав личности. Это относится к таким вопросам, как клонирование, исследования стволовых клеток и расшифровка кода ДНК, позволяющая обнаруживать предрасположенность к тем или иным болезням, некоторые познавательные способности или склонность к противообщественному поведению.

Сохранение социального неравенства

Несмотря на наличие потенциала для крупных технологических прорывов и распространения новых технологий, то есть факторов, способных смягчить различные формы неравенства, в 2020 году будет сохраняться значительная неравномерность распределения благ между развивающимися странами, а также развивающимися странами и странами, входящими в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

По данным ЮНЕСКО, в течение ближайших 15 лет процент неграмотных людей от 15 лет и старше будет падать, однако в бедных и развивающихся странах их все еще будет в 17 раз больше, чем в странах ОЭСР¹. Более того, среди женщин неграмотность будет почти в два раза выше, чем среди мужчин. В 1950–1980 годах показатели продолжительности жизни в более развитых и менее развитых странах стали явно сближаться. Вероятно, эта тенденция сохранится во многих развивающихся странах, в том числе и в самых населенных. Однако, по данным Американского бюро переписи населения, примерно в 40 странах – в том числе во многих африканских государствах, странах Центральной Азии и в России – продолжительность жизни в 2010 году будет более низкой, чем она была в 1990-м.

Даже если многие страны примут эффективные меры по борьбе с распространением СПИДа, социально-экономические последствия этой эпидемии, уже поразившей миллионы людей, будут сказываться на протяжении ближайших 15 лет.

СПИД вызвал резкое увеличение смертности среди взрослого населения Африки, что, в свою очередь, привело к небывалому увеличению числа сирот. Сегодня в некоторых африканских странах один из десяти детей – сирота, причем эта ситуация наверняка будет ухудшаться.

Ослабление и гибель миллионов людей от пандемии СПИДа будет иметь растущие последствия для экономики пораженных ею

¹ Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) пришла на смену Организации европейского экономического сотрудничества, созданной в эпоху «плана Маршалла». Она объединяет 30 развитых стран и стран с развивающейся рыночной экономикой, а также поддерживает активные отношения с 70 другими государствами мира.

стран, особенно стран, расположенных к югу от Сахары, где предположительно с начала 1980-х годов от СПИДа умерли более 20 миллионов человек. Согласно проведенным исследованиям, доходы семьи падают в среднем на 50–80% после заражения кормильца. «Вторая волна» СПИДа, накрывшая Нигерию, Эфиопию, Россию, Индию, Китай, Бразилию, Украину и страны Средней Азии, характерна тем, что болезнь будет продолжать распространяться за пределами традиционных «групп риска», охватывая более широкие слои населения. Распространение СПИДа может поставить крест на экономических перспективах многих стран, подающих сейчас неплохие надежды.

Положение женщин в 2020 году

К 2020 году женщины завоюют множество прав и свобод, в большинстве стран мира расширится их доступ к образованию, участию в политической жизни, они добьются новых успехов в борьбе за равноправие в сфере труда. Однако, по данным ООН и Всемирной организации здравоохранения, к этому времени неравенство полов до конца не исчезнет даже в развитых странах и будет все еще значительным в странах развивающихся. Хотя доля женщин в глобальных трудовых ресурсах будет и дальше возрастать, сохранится разница в оплате их труда, и будут продолжать существовать региональные неравенства.

Хотя разница в оплате труда между женщинами и мужчинами за последние 10 лет сократилась, женщины по-прежнему получают меньше, чем мужчины. Например, исследование ООН, проведенное в 2002 году, показало, что в 27 из 39 обследованных стран (как принадлежащих к ОЭСР, так и развивающихся) женщины, занятые в промышленности, получали на 20–30% меньше, чем мужчины.

Некоторые факторы будут препятствовать равенству полов, в то время как другие будут ему способствовать.

Факторы, препятствующие равенству полов

В регионах, где высокий удельный вес молодежи среди населения сочетается с исторически сложившимися патриархальными традициями, дополнительная нагрузка на

инфраструктуру будет означать ужесточение конкурентной борьбы за ограниченные общественные ресурсы и большую вероятность того, что женщинам будет отказано в равных возможностях с мужчинами. Например, если в школах не смогут учиться все, в первую очередь туда будут посылать мальчиков. Правда, отношение молодого поколения к этому меняется. К примеру, на Ближнем Востоке многие молодые мусульмане признают, что образованные жены могут зарабатывать и тем самым вносить свой вклад в семейный бюджет.

В таких странах, как Китай и Индия, где традиционное предпочтение, оказываемое сыновьям, усиливается правительственной политикой контроля за рождаемостью, женщинам все больше грозит не только убийство новорожденных девочек, но и похищение и незаконный вывоз из соседних областей туда, где на них растет спрос ввиду непропорционально большого количества «свободных» мужчин. В настоящее время в результате предпочтения, оказываемого детям мужского пола, в Китае не хватает 30 миллионов женщин.

Эта статистика показывает, что глобальная индустрия торговли женщинами, доходы от которой по всему миру оцениваются сейчас в 4 миллиарда долларов, будет развиваться и дальше и выйдет на второе место по прибыльности среди преступных видов бизнеса, уступая только контрабанде наркотиков.

Другая тревожная тенденция – феминизация СПИДа. Всемирная конференция по проблемам СПИДа, проходившая в июле 2004 года в Бангкоке, показала, что доля женщин, зараженных вирусом иммунодефицита, растет на всех континентах и во всех крупнейших регионах мира, за исключением Западной Европы и Австралии. Молодые женщины составляют 75% от общего числа зараженных в возрасте от 15 до 24 лет.

Факторы, способствующие равенству полов

Во многих странах на повестку дня необходимо вынести обширную программу преобразований, включающую реформу управления и снижение безработицы, которые создают необходимые предпосылки для повышения ста-

туса женщин. Международные эксперты по проблемам развития подчеркивают, что хотя целью реформы управления вовсе не является перекройка этих стран по лекалам западной демократии, она призвана обеспечить их стабильность, а это возможно лишь при условии учета интересов всего населения и систематическом внедрении принципа ответственности. Сокращение безработицы жизненно необходимо, поскольку страны, неспособные обеспечить занятость ищущих работу мужчин, вряд ли сумеют создать новые рабочие места для женщин.

Распространение информационных и коммуникационных технологий открывает перед женщинами новые перспективы. По мнению Мирового банка, развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры имеет тенденцию выравнивать шансы женщин и мужчин на получение образования и работы. Этот же фактор даст возможность женщинам создавать социальные или политические сетевые группы интересов. В регионах, где люди страдают от политического гнета, особенно на Ближнем Востоке, эти организации в XXI веке могут сыграть роль движения «Солидарность», противостоявшего в 1980-х годах коммунистическому режиму в Польше.

В развивающихся регионах для решения своих насущных проблем женщины часто обращаются за помощью к неправительственным организациям. Роль этих организаций в защите их интересов к 2020 году может даже возрасти, по мере того как в развивающихся странах женщины будут сталкиваться с растущим числом угроз и приобретать навыки пользования информационными технологиями для сетевого взаимодействия.

Современная тенденция к децентрализации и делегированию властных полномочий, наблюдаемая в большинстве государств, расширит возможности участия женщин в политике. Несмотря на то что на национальном уровне количество женщин, занимающих руководящие посты, увеличилось лишь незначительно (сейчас женщины являются главами лишь восьми государств мира), их участие в политике на провинциальном и муниципальном уровне заметно возросло, что окажет особо благоприятное влияние на

женщин, проживающих в сельской местности, вдали от политического центра страны.

Другие преимущества

Достижение равенства полов сулит значительные выгоды, причем не одним только женщинам. Все больше авторов с фактами в руках доказывают, что реализация этого равенства в образовании стимулирует экономический рост, снижает детскую смертность и недоедание. На «саммите тысячелетия» руководители ООН взяли на себя обязательство обеспечить к 2005 году равные возможности для доступа обоих полов к начальному и среднему образованию во всех странах мира.

В 2005 году 45 стран, которые не стремятся достигнуть этих показателей, скорее всего в результате этого потеряют от 1 до 3% роста совокупного национального богатства на душу населения.

Воображаемый сценарий «Давосский мир»

Этот сценарий служит иллюстрацией того, как стабильный экономический рост в течение ближайших 15 лет может повлиять на процесс глобализации и придать ему «менее западный» облик. Он написан в виде предполагаемого письма главы Всемирного экономического форума бывшему председателю Федеральной резервной системы США накануне ежегодной встречи в Давосе, проходящей в 2020 году. Согласно этому сценарию, азиатские гиганты, а также другие развивающиеся государства продолжают в своих темпах опережать большинство западных экономик, а их огромные внутренние потребительские рынки становятся центрами притяжения мирового бизнеса и технологии. У многих стран дела идут в гору, но не у всех. Африка находится в лучшем положении, чем можно было предположить, в то время как некоторые развивающиеся страны средних размеров переживают тяжелые времена. Западные державы, в том числе Соединенные Штаты, вынуждены бороться с нестабильностью в сфере занятости, которая беспокоит их, несмотря на множество преимуществ, извлекаемых ими из расширения мировой экономики. Хотя Ближний Восток и получает

выгоду от роста цен на энергоносители, страны этого региона отстают в своем развитии и ставят под сомнение перспективы глобализации. К тому же эскалация напряженности вокруг Тайваня грозит вызвать экономический обвал. Сценарий заканчивается некоторыми выводами, которые следует извлечь из нашего гипотетического отчета, в том числе выводом о необходимости уделять больше внимания управлению со стороны лидеров, чтобы не допустить краха глобализации.

Письмо главы Всемирного экономического форума бывшему председателю Федеральной резервной системы США накануне ежегодной встречи

12 января 2020 г.

Уважаемый г-н Председатель,

Как Вам известно, последние несколько лет были непростыми. Я наконец убедил азиатов прекратить их бойкот, и в этом году мы встречаемся в Китае, а не в Давосе. Отныне мы будем собираться попеременно, один год в Швейцарии, другой – в Азии. Вначале я полагал, что мне удастся уговорить азиатов пойти на компромисс, но они были едины в своем мнении. Даже японцы не пожелали прислушаться к нам. Я не уверен, что все это – результат китайского заговора, как утверждают некоторые. Я даже не убежден, что сами китайцы столь безоговорочно разделяют эту идею. Как только эта идея охватила умы, им пришлось выступить в качестве лидеров, поддержав претензии азиатских стран, однако, я полагаю, они настолько уверены в своем нынешнем положении, что ежегодные встречи в Давосе вполне их устраивали. Организация заседаний на своей территории вынуждает их идти на уступки и реагировать на жалобы по поводу того, как они занимаются бизнесом.

Это приводит меня к мысли, которую я долго развивал у себя в голове, раздумывая над тем, к чему пришла глобализация. В начале века глобализация отождествлялась нами с американизацией. Америка была моделью, на которую все

ориентировались. Теперь глобализация приобрела больше азиатских черт, да и Америка, откровенно говоря, больше не играет прежней роли, а ее рынки ориентированы на Восток. Это вовсе не означает, что система работает сама по себе. Только после того как жизнь преподнесла нам пару суровых уроков, мы увидели, как много внимания следует уделять управлению или то, как легко глобализация может сойти с рельсов. Нам, лидерам бизнеса, пришлось учиться действовать более решительно.

Трагедия 11 сентября послужила нам предупреждением. Терроризм по-прежнему представляет собой физическую и стратегическую угрозу. Чтобы защитить себя, мы были вынуждены соорудить барьеры, но проблема как раз заключается в том, что мы зашли в этом так далеко, что рискуем подорвать саму основу глобализации – свободное перемещение капитала, товаров, людей и т. д. Мы пытались найти золотую середину между безопасностью нашего общества и его открытостью. Раздавалось немало критики по поводу ограничений на выдачу виз, которые привели к сокращению числа иностранных студентов в США; американские ученые обеспокоены тем, что США утрачивают лидерство в развитии науки и технологии и оно переходит к Азии.

Это наводит меня на следующую мысль. Десять или пятнадцать лет назад мы недооценивали решимость азиатских гигантов преодолеть свое отставание. Китайцы и индусы фактически были движущими силами глобализации. Она началась с быстрого развития американо-китайских экономических отношений, однако теперь азиатский рынок обладает всем необходимым для самовоспроизводства и не слишком зависит от торговли с США. Более того, конкуренция между Китаем и Индией за энергоносители и рынки сбыта стимулирует дальнейший рост и модернизацию их экономик.

Однако за прошедшие годы нам довелось провести пару бессонных ночей, особенно тогда, когда Китай столкнулся с финансовыми проблемами. Тот факт, что ему удалось быстро выправить ситуацию, возможно, стал решающим. Я полагаю, Пекину было бы очень трудно справиться с полно-

масштабным политическим кризисом. Дезорганизация могла бы задержать его экономический подъем на целое десятилетие или даже больше. К счастью, до этого дело не дошло. Хотя США и оказывали содействие Китаю, на самом деле интересно то, что он сам справился со своими проблемами и обошелся без той американской и международной помощи, в которой, мы полагаем, он мог нуждаться. Мы вновь недооценили масштабы созданного Китаем внутреннего рынка, который был способен придать необходимый импульс развитию его экономики.

Результатом этого спада, к сожалению, явилась вспышка скрытого недалеко от поверхности национализма, вновь обострившая напряженность вокруг Тайваня. Китай чувствовал свою силу, и возрос риск возникновения просчета. Меня все больше и больше беспокоит то, что никто – ни правительства, ни частный сектор – не вступается для того, чтобы отвести угрозу серьезного кризиса безопасности и бизнеса.

В отношениях между Китаем и Индией и другими развивающимися странами также нарастает напряженность. Успех азиатских гигантов увеличивает дистанцию между ними и менее крупными отстающими игроками. Огромное влияние Китая и Индии на рынок труда дает о себе знать не только в странах Запада. Сейчас мы наблюдаем, как повышение заработка китайских рабочих приводит в итоге к реэкспорту рабочих мест в страны с менее высоким уровнем оплаты труда. Отчасти это объясняется демографическими причинами: Китай внезапно стал выглядеть старше, пожиная плоды политики сохранения одного ребенка.

Раздававшиеся ранее на Западе протесты против «аутсорсинга» и миграции могли бы, вероятно, затормозить глобализацию, однако что мы можем реально предпринять? Не можем же мы повернуть колесо истории вспять и вернуться к чему-то вроде безумия луддитов? Я обратил внимание на плохо скрываемое искушение, испытываемое некоторыми людьми в Вашингтоне и европейских столицах, использовать развивающиеся страны против Китая и Индии, отдавая предпочтение не китайским товарам.

Следует с удовлетворением отметить, что именно прорывы в высоких технологиях позволили некоторым странам встать на путь стабильного экономического роста. Увеличение производства продовольствия благодаря биотехнологическим инновациям и очистка воды посредством более совершенных систем фильтрации помогли покончить с самой ужасающей бедностью и положить начало формированию аграрного сектора, ориентированного на экспорт продовольствия. Китай и Соединенные Штаты в конечном счете объединили силы против Европы в вопросе о генетически модифицированных продуктах.

Повышение цен на продукты потребления также было послано нам свыше, причем эффект этого был гораздо сильнее, чем любые схемы прощения долгов. Пара энергетических консорциумов, за которыми стоят азиаты, практически вытягивает два или три менее развитых государства. Они пользуются популярностью, поскольку обеспечивают не только своих служащих, но и все окрестные общины полным комплексом медицинских услуг. Предпринимаются энергичные попытки обуздать распространение малярии и туберкулеза, не говоря уже о СПИДе. Мне вспоминается, как Восточно-Индийская компания безраздельно правила субконтинентом в XVIII веке, и приходит в голову, что бизнес играл авангардную роль еще в те времена, когда глобализация еще только зарождалась. Не вернулись ли мы к ситуации, когда бизнес вновь берет на себя функции правительства?

Некоторый прогресс мы наблюдаем на Ближнем Востоке, где несколько стран уверенно проводят либеральные рыночные реформы. Однако остальные все еще буксуют на месте. Палестина мечтает о своем Джордже Соросе, который вложил бы в нее большой капитал и создал бы возможности для экспорта ее товаров, однако я не вижу никого, кто хотел бы в это вложиться.

Доходы, полученные от высоких цен на нефть, позволили Саудовской Аравии и другим экспортерам сдерживать снижение уровня жизни в своих странах. В длительной перспективе это не пойдет им на пользу. Боюсь, они еще преподнесут нам горькие сюрпризы.

Я думаю, что Давосский форум многое сделал для того, чтобы приоткрыть эксклюзивный Западный клуб. Призная, что поначалу я и сам не мог представить, что Китай и Индия со своим растущим средним классом смогут создать столь обширные рынки. За последние несколько лет – сейчас я это понимаю – общий баланс сил претерпевал изменения. Азиатские потребители задают тенденции, а западным компаниям следует принять вызов, если они хотят расти дальше. Пятнадцать лет назад мало кто из нас слышал об азиатских фирмах, а сейчас все знают о «Вумарте». Китай также привлек внимание Вашингтона, начав диверсификацию своих валютных резервов, тогда-то американцы и поняли, что все это время жили не по средствам.

Если бы Европа была одна, она, вероятно, почувствовала бы угрозу от быстрого подъема Азии, однако – забавная вещь – поднимающаяся Азия воспринималась ею как противовес американской гегемонии. Кроме того, рост азиатской экономики позволил Европе преодолеть собственную стагнацию. Евросоюз считает, что у него с Китаем немало общего (имея при этом в виду региональные институты – Шанхайская организация сотрудничества в Китае, например). Я не совсем уверен.

Между прочим, я слышал, что у Вашей внучки сейчас се-местр изучения языка в Китае. А Вы знали, что там находится и один из моих внуков? Быть может, нам удастся повидать их обоих во время форума в китайском Давосе?

Этот сценарий дает представление о значительных переменах, к которым может привести продолжительный и стабильный экономический рост, а также о трудностях, которые могут свести его с рельсов.

Рост азиатских рынков может подтолкнуть США и другие страны Запада к корректировке своей внутренней политики, которая должна быть продуманной.

Мировая торговая система становится более интегрированной и сложной, поэтому важно всячески содействовать включению в нее Китая, Индии и других развивающихся

государств, хотя это и потребует от нас терпения и, вероятно, компромиссов.

Вряд ли эта система будет саморегулирующейся. Мощь глобальной экономики, к примеру, не приводит к автоматическому разрешению кризисов, подобных тайваньскому.

ВОЗВЫШЕНИЕ НОВЫХ ДЕРЖАВ: ПЕРЕМНЫ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПЕЙЗАЖЕ

Вероятное превращение Китая и Индии в новых крупных игроков на мировой арене – сходное с подъемом Германии в XIX столетии и Соединенных Штатов в начале XX века – приведет к существенной трансформации геополитического ландшафта, чреватой такими же драматическими последствиями, как и катаклизмы двух предыдущих веков. Так же как сегодня многие называют 1900-е годы «американским столетием», так начало XXI века, возможно, будут рассматривать как время, когда, ведомые Китаем и Индией, заявили о себе развивающиеся страны.

Население региона, который служил основной ареной развития событий в XX веке – Европы и России, – радикально уменьшится в относительном измерении; почти весь рост населения будет происходить в развивающихся странах, которые до последнего времени занимали маргинальное место на карте глобальной экономики.

Страны-«парвеню» – Китай, Индия и, возможно, некоторые другие, такие как Бразилия и Индонезия, – могут ворваться в устоявшуюся систему международных отношений, что не может не привести к радикальному преобразованию институций и практик, сложившихся в послевоенном мире.

Только резкое прекращение процесса глобализации или большие потрясения в этих странах могли бы предотвратить

их подъем. Поэтому от того, как Китай и Индия будут распоряжаться своей растущей мощью, от того, как – в модусе сотрудничества или соперничества – они будут строить систему международных отношений, зависит будущее, остающееся неопределенным без ясного ответа на эти вопросы.

Такие факторы, как продолжительный период высоких темпов экономического развития, расширяющиеся военные возможности, активное внедрение высоких технологий и быстрое увеличение численности населения, в своей совокупности создают условия для стремительного возрастания экономической и политической мощи двух вышеупомянутых стран.

Благодаря внушительной численности населения Китая и Индии (согласно данным Census Bureau, оно достигнет к 2020 году соответственно 1,4 и почти 1,3 миллиарда человек) эти страны станут великими экономическими державами и без того, чтобы уровень жизни их населения приблизился к западным стандартам.

Китай, например, является на сегодняшний день третьим в мире производителем промышленных товаров, его доля возросла в этой сфере за последнее десятилетие с 4 до 12%. Через несколько лет Китай легко перегонит Японию не только по объему производства, но также и по мировому экспорту. Конкуренция со стороны «китайских цен» уже оказывает мощное понижающее воздействие на мировые расценки промышленных товаров.

Индия в настоящее время отстает от Китая по большинству экономических показателей, но многие эксперты полагают, что она также достигнет высоких темпов экономического роста.

В то же время грядут и другие перемены, которые, вероятно, скажутся на новом ландшафте. К ним относится возможный экономический подъем других государств – таких как Бразилия, Южная Африка, Индонезия и даже Россия, – что может усилить растущую роль Китая и Индии, хотя сами по себе эти другие страны будут иметь ограниченное геополитическое влияние. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов возможность образования сильной, еще более объединенной Европы и усиления международной активности

Японии, хотя Европа, Япония и Россия столкнутся с тяжелой проблемой старения своего населения.

Растущие потребности в энергии станут движущей силой этих возможных изменений геополитического ландшафта. Очевидная необходимость для Индии и Китая получить надежный доступ к запасам сырья подтолкнет эти страны к тому, чтобы повысить свой статус локальных игроков до глобального, в то время как взаимозависимость Европы и России скорее всего усилится.

Подъем Азии

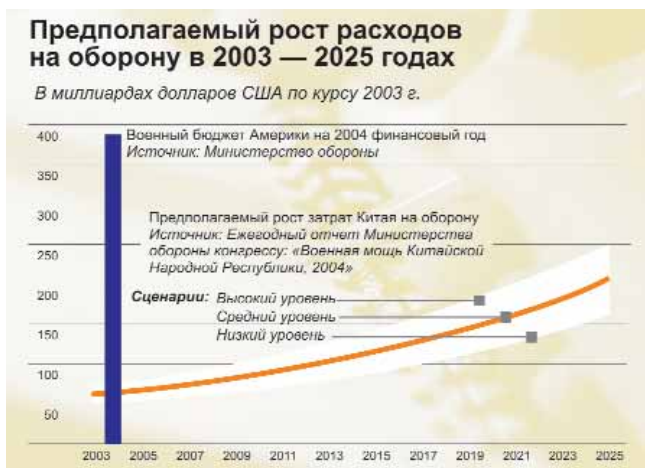
Стремление Китая приобрести на мировой арене статус «сверхдержавы» отразится в том, что эта страна приобретет мощные экономические рычаги воздействия как на страны своего региона, так и на другие государства;

кроме того, Китай будет наращивать свою военную мощь.

Государства Восточной Азии все больше адаптируются к усилению мощи Китая посредством установления более тесных экономических и политических связей с Пекином, потенциально приспосабливаясь к его предпочтениям, особенно по такому чувствительному для Китая вопросу, как судьба Тайваня.

Однако Япония, Тайвань и страны Юго-Восточной Азии тоже могут попытаться скоординировать усилия друг с другом и с Соединенными Штатами, чтобы более успешно противостоять постоянно возрастающему влиянию Китая.

Китай будет продолжать наращивать военную мощь путем производства и покупки современного оружия, включая продвинутые модели самолетов-истребителей, подводные лодки новейшего поколения и все большее число баллистических ракет. Китай превзойдет Россию и многие другие страны и в течение двадцати лет станет второй после Соединенных Штатов державой по расходам на оборону; таким образом, по всем меркам Китай превратится в первостепенную военную державу.

Однако экономические затруднения и кризисы доверия могут замедлить превращение Китая в великую державу в полном смысле этого слова. Если Пекин окажется неспособным поддерживать темпы своего экономического роста на должном уровне, то это само по себе будет иметь глобальные последствия.

Провал попыток китайского правительства удовлетворить потребность населения в создании новых рабочих мест может привести к политической нестабильности.

Столкнувшись в 2020-е годы с быстрым старением населения, Китай будет вынужден решать все вопросы, связанные с этими серьезнейшими демографическими проблемами. Вряд ли ему удастся к этому времени выработать такие социальные механизмы, как адекватная и эффективная система здравоохранения и пенсионного обеспечения, характерные для западных обществ.

Если экономика Китая пойдет на спад, уровень региональной безопасности пойдет вниз, и в результате увеличится вероятность политических волнений, роста преступности, контрабанды наркотиков и нелегальной миграции.

«Экономические затруднения и кризисы доверия могут замедлить превращение Китая в великую державу в полном смысле этого слова».

Подъем Индии также приведет к стратегическим осложнениям для этого региона. Как и Китай, Индия станет экономическим магнитом для всего региона, а ее подъем окажет влияние не только на страны Азии, но также и к северу – в Центральной Азии, Иране и другие странах Ближнего Востока. Индия стремится усилить региональное сотрудничество, исходя как из стратегических соображений, так и из своего желания усилить имеющиеся в ее распоряжении рычаги воздействия на Запад, включая роль в таких структурах, как Всемирная торговая организация (ВТО).

По мере роста экономики Индии правительства стран Юго-Восточной Азии – Малайзии, Сингапура, Таиланда и других – могут начать сближение с Индией в целях помочь ей сформировать потенциальный геополитический проти-

Возвышение Китая

Долевой уровень иностранных инвестиций, 1980 — 2003

Доля Китая, испытывавшего небывалый рост, переместится с небольшой доли (6% мировых инвестиций в 1980 г.) на второе место в мире.

В трлн. долларов США

Источник: ООН, Отчет о всемирных инвестициях

Доля мирового экспорта, 1980 — 2003

Китай может также превзойти Японию в торговле.

В процентах

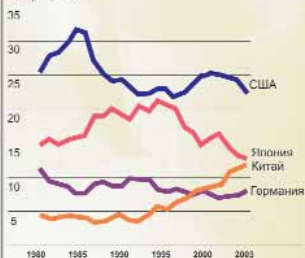

Источник: Global Insight

Доля мирового производства, 1980 — 2003

По этому показателю Китай легко может через несколько лет превзойти Японию.

В процентах

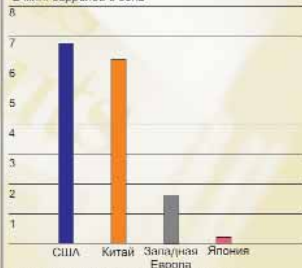

Источник: Global Insight

Рост спроса на нефть, 2000 — 2020

Китай может также сравняться с США в качестве дополнительного потребителя нефти.

В млн. баррелей в день

Источник: США: административная информация о потреблении энергии

вовес Китаю. В то же время Индия будет стремиться усилить свои связи со странами региона, не исключая Китай.

Ожидается, что китайско-индийская двусторонняя торговля, по данным Goldman Sachs и других экспертов, стремительно поднимется с сегодняшней низкой отметки в 7,6 миллиарда долларов.

Как и Китай, Индия может столкнуться с трудностями, которые станут причиной политической и экономической

нестабильности из-за недостатка разного рода ресурсов (земли, воды, запасов энергии) и будут возрастать по мере модернизации этой страны. Например, Индия столкнется с серьезными проблемами, когда ее население возрастет, а запасы поверхностных и грунтовых вод станут еще более загрязненными.

Риски китайского экономического роста

Ключевой неопределенностью является вопрос о том, будет ли экономический рост Китая протекать гладко. В 2003 году агентство RAND Corporation выявило и сформулировало восемь основных факторов риска для продолжающегося быстрого роста китайской экономики в следующем десятилетии. В разделе «Подводные камни китайского экономического курса» эксперты RAND Corporation выделили следующее:

Хрупкость финансовой системы и предприятий государственного сектора.

Экономические последствия коррупции.

Водные ресурсы и загрязнение окружающей среды.

Возможный спад прямых иностранных инвестиций.

СПИД и другие эпидемические заболевания.

Безработица, бедность и социальное недовольство.

Потребление энергии и цены на нее.

Тайвань и другие потенциальные конфликты.

Согласно оценке RAND'a, негативное воздействие на рост со стороны вышеперечисленных факторов в случае их несинхронного возникновения в разные промежутки времени может варьироваться в промежутке от нижнего предела между 0,3 и 0,8-процентными точками для влияния бедности, социального недовольства и безработицы до верхнего предела между 1,8 и 2,2-процентными точками для влияния эпидемических заболеваний.

RAND Corporation оценивает как низкую вероятность того, что ни одно из этих событий не произойдет до 2015 года, и отмечает, что они скорее будут происходить в совокупности, чем по отдельности. Например, бедственное финансовое положение скорее всего будет сопровождаться усилением коррупции, общей безработицы, бедности и со-

циального недовольства, а также приведет к снижению уровня иностранных инвестиций.

RAND оценивает как очень низкую и вероятность того, что все эти отрицательные события произойдут до 2015 года, но при этом отмечает, что если все они произойдут, то их общее воздействие приведет к снижению темпов экономического роста в Китае до уровня между 7,4 и 10,7-процентными точками, что равносильно прекращению серьезного экономического развития в стране в этот период времени.

Индия против Китая: долгосрочные перспективы

Индия экономически отстает от Китая по большинству показателей – таких как валовой внутренний продукт (ВВП), объем иностранных инвестиций (на сегодняшний день этот показатель пренебрежительно мал по сравнению с Китаем) и доход на душу населения. За последние годы Индия отставала от Китая по темпам экономического развития примерно на 20%. Тем не менее некоторые эксперты полагают, что Индия может обойти Китай как наиболее быстро растущая экономика в мире. Индии помогают в этом несколько факторов:

Численность трудоспособного населения страны будет постоянно увеличиваться до 2020-х годов, в то время как в Китае вследствие проведения политики «одна семья – один ребенок» этот показатель уменьшится и страна пострадает очень быстро.

Индия имеет устоявшиеся демократические институты, что делает эту страну несколько менее уязвимой в плане политической нестабильности, в то время как Китай будет сталкиваться с необходимостью примирять интересы быстро растущего среднего класса и городского населения с тоталитарной по своей сути политической системой.

Индия обладает функционирующими рынками капитала и фирмами мирового уровня в некоторых важных высокотехнологичных секторах, в то время как Китаю еще только предстоит создать то и другое.

С другой стороны, хотя экономика Индии уже переросла то, что сами индийцы называли «индусским двух-трех-

процентным ростом», удушающее бюрократическое влияние все еще остается. Страна еще не стала привлекательной для иностранных инвестиций, и она сталкивается с серьезными политическими трудностями на пути экономических реформ. Индия также несет тяжелое бремя крайней бедности, в которой пребывает сравнительно большая часть населения этой страны. Вдобавок ко всему этому некоторые наблюдатели отмечают нарастающее напряжение между различными слоями общества, указывая на такие явления, как упадок секуляризма, рост региональных и основанных на кастовой принадлежности политических партий, а также имевший место в 2002 году «погром» мусульманского меньшинства в Гуджарате (Gujarat).

Некоторые факторы могут ослабить перспективы экономического роста Китая, особенно опасность нарушения политической стабильности и угрозы финансовому сектору экономики страны в то время, как Китай стремится к более полной рыночной ориентации. Китай может обрести свой собственный путь к «азиатской демократии» – путь, который не предполагает серьезной нестабильности или диспропорций в экономическом росте этой страны, однако это уравнение с большим количеством неизвестных.

Во многих других отношениях и Китай, и Индия все еще сильно напоминают другие развивающиеся страны, так как разделяют с ними те же самые проблемы, в частности, большое число сельских жителей, не получивших почти никакой выгоды от экономического развития. Обе страны стоят перед угрозой эпидемии СПИДа, которая, если выйдет из-под контроля, может сильно ударить по их экономическим перспективам. Согласно последним данным ООН, Индия опередила Южную Африку по числу ВИЧ-инфицированных людей.

Резюмируем вышесказанное: от Индии потребуются ускорить темпы своего экономического роста, чтобы превзойти темпы экономического роста, достигнутые Китаем за последнее десятилетие. Однако способность Китая сохранять свои нынешние темпы роста подвержена большому риску, чем у Индии. Если рост Китая замедлится на несколько процентных точек, то Индия может на подступах к

2020 году выйти на первое место в мире по темпам роста экономики.

Азия: арена глобальных перемен

Согласно мнению региональных экспертов, с которыми мы консультировались, Азия будет воплощать собой большинство тех тенденций, которые представляются решающими для соотношения сил в мире в течение следующих пятнадцати лет. Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия будут двигаться по разным дорогам – страны Севера станут более богатыми и могущественными, в то время как по крайней мере некоторые страны Юга могут экономически отставать и столкнуться с глубокими этническими и религиозными кризисами. В то время как Северо-Восточная Азия действует как политический и экономический центр притяжения для стран Юга, некоторые части Юго-Восточной Азии будут источником транснациональных угроз – терроризма и организованной преступности – для стран Севера. Разделение на Север/Юг скорее всего будет находить выражение в культурном противостоянии между немусульманской Северо-Восточной Азией, которая успешно адаптируется к продолжающемуся процессу глобализации, и Юго-Восточной Азией, где мусульманский фундаментализм все чаще будет переходить в наступление в таких странах, как Индонезия, Малайзия и некоторые регионы Филиппин. Перекачивание инвестиций в Китай и Индию также может заставить страны Юго-Восточной Азии предпринять шаги для создания к 2020 году единого экономического регионального сообщества и инвестиционного пространства.

Эксперты также склоняются к мнению, что демографические факторы будут играть ключевую роль в региональном развитии. Китай и другие страны Северо-Восточной Азии, включая Северную Корею, будут на протяжении ближайших пятнадцати лет испытывать замедление роста численности и старение своего населения. Китай к тому же столкнется с последствиями гендерного дисбаланса, вызванного политикой «одна семья – один ребенок». В странах Юго-Восточной Азии, таких как Филиппины и Индо-

незия, рост численности населения послужит испытанием для способности правительств оказывать базовые услуги населению. Увеличение плотности населения и бедность будут подхлестывать миграцию внутри региона и в направлении Северо-Восточной Азии. Высокая концентрация населения и возрастающая свобода передвижения облегчат распространение инфекционных болезней, увеличив риск возникновения пандемий.

Региональные эксперты полагают, что возможность возникновения межгосударственных конфликтов остается более высокой в Азии, чем в других регионах. По их мнению, Корейский полуостров и Тайвань чреваты кризисами, которые могут вскрыться к 2020 году, повысив риск возникновения конфликта с глобальными последствиями. В то же время вспышки насилия внутри государств Юго-Восточной Азии – сепаратистские восстания и терроризм – могут интенсифицироваться. Китай также может столкнуться с продолжительными вооруженными беспорядками со стороны сепаратистских движений вдоль своих западных границ.

Наконец, распределение ролей между главными региональными силами – Китаем, Японией и Соединенными Штатами – претерпит существенные изменения к 2020 году. Соединенные Штаты и Китай обладают серьезными стимулами избежать конфронтации, однако рост национализма в Китае и опасения, существующие в Америке по отношению к Китаю как укрепляющемуся стратегическому сопернику, могут послужить тому, что их отношения будут становиться все более антагонистичными. Взаимоотношения Японии с Соединенными Штатами и Китаем будут формироваться под влиянием подъема китайской экономики, а также будут находиться в зависимости от характера урегулирования конфликта на Корейском полуострове и тайваньского кризиса.

Подъем других государств

Бразилия, Индонезия, Россия и Южно-Африканская Республика также намереваются достичь экономического роста, хотя они вряд ли окажут такое политическое влия-

ние, как Китай и Индия. От экономического роста в вышеперечисленных странах, безусловно, выиграют их соседи, но они не станут такими экономическими локомотивами, которые могли бы изменить тенденции экономического развития внутри своих регионов и за их пределами, что как раз и является ключевым элементом политического и экономического роста Пекина и Нью-Дели.

Эксперты признают, что Бразилия является ведущим государством с действенной демократией, диверсифицированной экономикой, предприимчивым населением, большим национальным достоянием, а также устойчивыми экономическими институтами. Успех или провал бразильского проекта зависит от того, сможет ли эта страна добиться баланса между стимулирующими экономический рост мерами и амбициозной социальной программой, направленной на обуздание бедности и диспропорции в доходах. От исхода этого процесса зависит судьба экономических показателей и управления всего региона в грядущие пятнадцать лет. Активное привлечение прямых иностранных инвестиций, укрепление региональной стабильности и достижение равноправной интеграции, включая торговые и экономические инфраструктуры, возможно, останутся аксиомами международной политики Бразилии. Бразилия является естественным партнером как для Соединенных Штатов, так и для Европы, а также для развивающихся Китая и Индии; кроме того, Бразилия потенциально может усилить свой вес в качестве нетто-экспортера нефти.

Эксперты полагают, что через пятнадцать лет Индонезия может вернуться к темпам роста от 6 до 7%, что в совокупности с ожидаемым увеличением численности ее относительно большого населения с 226 до примерно 250 миллионов человек превратит эту страну в одну из крупнейших развивающихся экономик мира. Столь высокий рост предполагает улучшение инвестиционного климата, включая защиту прав на интеллектуальную собственность и открытость по отношению к иностранным инвестициям. Более медленный рост ее экономики не позволит ей освоить незанятую или недостаточно занятую рабочую силу, повысив таким образом риск политической нестабильности.

Индонезия представляет собой сплав многочисленных этнических и религиозных групп. Хотя индонезийская национальная идентичность была сформирована в течение полувека после провозглашения независимости, правительство до сих пор не может прийти к компромиссу с неуступчивыми сепаратистскими движениями.

Энергетические ресурсы России поддержат ее экономический рост, однако Россия переживает тяжелую демографическую ситуацию, являющуюся результатом низкого уровня рождаемости, плохого медицинского обслуживания и потенциально взрывоопасной ситуации со СПИДом. Согласно прогнозам американского Бюро переписи (Census Bureau), к 2020 году численность работоспособного населения может катастрофически снизиться. Нынешняя траектория России – в сторону от плюрализма и в направлении бюрократического авторитаризма – также уменьшает ее шансы привлечь иностранные инвестиции в какие-либо отрасли помимо энергетического сектора, ограничивая перспективы диверсификации экономической системы этой страны.

«Энергетические ресурсы России поддержат ее экономический рост, однако Россия переживает тяжелую демографическую ситуацию... численность ее работоспособного населения может катастрофически снизиться».

Проблемы вдоль ее южных границ, в том числе исламский экстремизм, терроризм, а также слабые государства с недобросовестным управлением и конфликтами, скорее всего станут еще глубже в течение следующих пятнадцати лет. Внутри России автономные республики Северного Кавказа рискуют прийти в упадок и будут оставаться источником постоянного напряжения и конфликтов. Хотя эти социальные и политические факторы ограничивают ту меру, в которой Россия может стать крупным игроком на арене мировой политики в сложном мире 2020 года, Россия останется достаточно важным, хотя и вызывающим беспокойство партнером для таких состоявшихся держав,

как Соединенные Штаты, Европа и быстро развивающиеся Китай и Индия. У России есть потенциальная возможность увеличить свой вес относительно других государств благодаря своему статусу одного из главных экспортеров нефти и газа.

Южно-Африканская Республика будет по-прежнему бороться со СПИДом и широким размахом нищеты и преступности, однако перспективы развития ее экономики – самой крупной в регионе – выглядят обещающими. Согласно некоторым прогнозам, экономика Южно-Африканской Республики будет расти на протяжении следующего десятилетия в пределах 4–5%, если политика реформ будет успешно продолжаться. Мнения экспертов расходятся по поводу того, сможет ли Южная Африка стать локомотивом регионального развития или же вместо этого она станет укреплять отношения с более-менее перспективными державами на других континентах. Южноафриканские эксперты, знающие толк в построении сценариев и деловых играх, видят будущее страны в развитии партнерских отношений за пределами региона.

«Стареющие» державы

Экономические интересы Японии в Азии переместились за последние два десятилетия с юго-востока на северо-восток – особенно к Китаю и в сторону треугольника Китай – Япония – Корея. Эксперты полагают, что «старение» рабочей силы Японии вновь усилит зависимость страны от инвестиций вовне и от большей экономической интеграции со странами Северо-Восточной Азии, в особенности с Китаем¹. В то же время озабоченность Японии сохранением региональной стабильности скорее всего возрастет из-за продолжающегося кризиса вокруг Северной Кореи, непрекращающейся напряженности между Китаем и Тайванем, а также трудности безболезненной интеграции в региональную политику поднимающихся Китая и Индии. Рост экономической мощи Китая как ничто другое должен подстегнуть активность Японии на международной арене.

Опросы общественного мнения свидетельствуют о

¹ См.: *Asia's Shifting Strategic Landscape*, Foreign Policy Research Institute, 26 November 2003.

растущей общественной поддержке идеи того, что Япония должна стать более «нормальной» страной со своей собственной инициативной внешней политикой. Эксперты видят разнообразные траектории, по которым может пойти Япония в зависимости от таких факторов, как масштабы роста мощи Китая, восстановление или отсутствие продолжительного оживления японской экономики, уровень влияния США в регионе, а также исход развития событий вокруг Кореи и Тайваня. В какой-то момент, например, Японии придется выбирать между ролью «противовеса» Китаю и местом за «китайским локомотивом».

«Сила Европы может состоять в том, что она станет образцовой моделью глобального и регионального управления для поднимающихся держав».

По большинству показателей – таких как размер рынка, единая валюта, высококвалифицированная рабочая сила, стабильные демократические правительства, объединенный торговый блок и объем валового внутреннего продукта – объединенная Европа будет обладать большим потенциалом для увеличения своего веса на международной арене. Ее местоположение на пересечении торговых и прочих путей и растущее разнообразие ее населения – особенно после привлечения в свой состав новых членов – предоставляют объединенной Европе уникальную возможность установить прочные связи как на юге (с мусульманским миром и Африкой), так и на востоке (с Россией и Евразией).

Степень усиления влияния Европы на мировой арене зависит от ее способности достичь большей политической сплоченности. В ближайшей перспективе включение в свой состав десяти новых восточноевропейских членов может послужить своего рода «обуздой», препятствующей усилению эффективности институтов Евросоюза, необходимому для формирования сплоченного и разделяемого всеми членами Евросоюза «стратегического видения» международной политики и стратегии обеспечения безопасности.

В отличие от этапа расширения 1970-х – начала 1980-х годов, когда к Общему рынку присоединились Ирландия, Испания, Португалия и Греция, Брюссель располагает лишь малой толикой структурных фондов, необходимых для того, чтобы быстро вывести страны Центральной Европы на экономический уровень остальных членов Евросоюза.

Возможное членство Турции влечет за собой как угрозы (из-за размера Турции, а также религиозных и культурных отличий), так и благоприятные возможности – в том случае, если между ней и другими членами ЕС будет достигнуто взаимопонимание. В процессе «притирки» могут быть найдены новые решения, которые помогут Европе приспособиться к своему растущему мусульманскому населению и добиться его полноценной интеграции.

Затраты на оборону отдельных европейских стран, включая Великобританию, Францию и Германию, будут на протяжении ближайших пятнадцати лет и дальше снижаться по сравнению с Китаем и другими странами. В своей совокупности эти страны будут расходовать больше всех других стран за исключением США и, возможно, Китая¹. Члены Евросоюза сталкивались в своей истории с большими трудностями в координации и рационализации оборонных расходов с целью усиления потенциала, хотя ЕС и достиг определенного прогресса в отношении усиления своей роли в обороне и безопасности. Вопрос о том, будет ли у Евросоюза своя армия, остается открытым, отчасти потому, что ее создание могло бы привести к дублированию и замещению сил НАТО.

Хотя возможность вооруженных сил объединенной Европы для проецирования силы и очень мала, мощь ЕС может быть проявлена через ее приверженность принципам многосторонних отношений, которая может послужить моделью глобального и регионального управления для поднимающихся держав, тем более если они ищут «западную» альтернативу опорной зависимости от Соединенных Штатов. Например, альянс Евросоюз – Китай хотя и остается маловероятным, уже не воспринимается немислимым.

¹ См. *Strategic Trends, Joint Doctrine and Concepts Centre, March 2003.*

Старение населения и сокращение численности рабочей силы в подавляющем большинстве европейских стран окажет серьезное влияние на судьбу континента, создав большие, но не непреодолимые экономические и политические проблемы. Общий коэффициент рождаемости для Европы составляет около 1,4, что значительно ниже уровня восстановления естественной убыли населения, равного 2,1. В течение ближайших пятнадцати лет экономика стран Западной Европы потребует несколько миллионов рабочих, для того чтобы обеспечить заполнение рабочих мест, освобождаемых уходящими на пенсию тружениками. Либо европейские страны реорганизуют свои рабочие силы, реформируют систему соцобеспечения, образования и налогов, чтобы приспособиться к растущему числу иммигрантов (в основном из мусульманских стран), либо им придется пережить длительный период экономического застоя, который может свести на нет все те громадные успехи, которые были достигнуты в процессе создания Единой Европы.

Глобальное старение и миграция

Согласно проекциям американского Бюро переписи (Census Bureau), примерно половина населения земного шара живет в странах и регионах, где уровень рождаемости недостаточен для простого воспроизводства имеющейся численности населения. Эти территории включают в себя не только Европу, Россию и Японию, где проблема стоит особенно остро, но также и большинство развитых стран – Австралию, Новую Зеландию, Северную Америку, а также некоторые восточно-азиатские страны, такие как Сингапур, Гонконг, Тайвань и Южная Корея. Некоторые развивающиеся страны, включая арабские и мусульманские государства, такие как Турция, Алжир, Тунис и Ливан, также опускаются ниже уровня 2,1 ребенка на одну женщину, который необходим для поддержания долгосрочной стабильности населения¹.

Китай представляет собой в этом отношении особый

¹ См.: Nicholas Eberstadt. *Four Surprises in Global Demography*. – *Foreign Policy Research Institute's Watch on the West*, Vol. 5, July 2004

случай: в этой стране процесс старения населения (к 2020 году около 400 милли-

онов китайцев будут старше 65 лет) протекает в исключительно резкой форме, а возникновение большого гендерного дисбаланса может привести к тяжелым политическим, социальным и даже международным последствиям. Необеспеченность пенсионной системы страны дефицитными ресурсами может привести к тому, что многие китайцы будут вынуждены продолжать работать до старости.

Миграция потенциально может помочь решить проблему упадка рабочей силы в Европе и – в меньшей степени – в России и Японии; возможно, миграция населения станет самой важной особенностью мира в 2020 году, даже если многие мигранты не будут иметь легального статуса. Страны, принимающие мигрантов, столкнутся с проблемой интеграции новых иммигрантов, которую необходимо решить, чтобы свести к минимуму потенциальный социальный конфликт.

Пересылка денег мигрантами-рабочими на родину становится все более важным фактором для экономики развивающихся стран. Некоторые экономисты полагают, что ремитирование превосходит иностранные прямые инвестиции в большинстве бедных стран, а в некоторых случаях они даже полезнее для экономики, чем экспорт товаров.

Однако сегодня половина врачей и дипломированных специалистов, родившихся в Нигерии, проживают в Соединенных Штатах. Большинство экспертов полагают, что нынешняя ярко выраженная тенденция к «утечке мозгов» из стран Ближнего Востока и Африки не уменьшится. Напротив, ее уровень может возрасти вместе с ожидаемым ростом возможностей трудоустройства, в особенности в Европе.

Может ли Европа стать «сверхдержавой»?

Согласно мнению региональных экспертов, с которыми мы консультировались, роль Европы на международной арене будет сильно зависеть от того, проведет ли она серьезные структурные экономические и социальные реформы, призванные решить проблему старения рабочей силы. Чтобы решить демографические проблемы, потребуются целенаправленные и многоуровневые подходы, включающие:

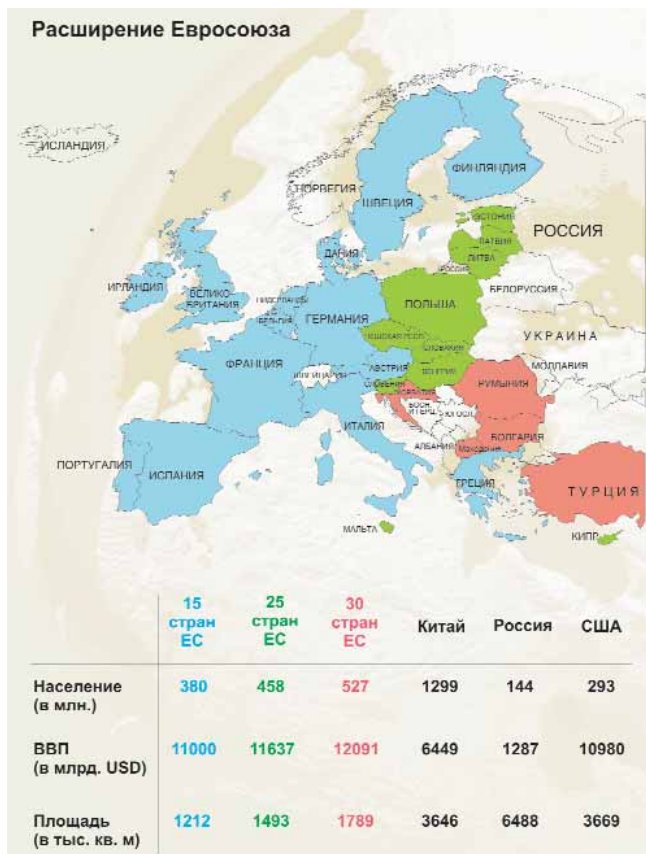
Увеличение числа легальных иммигрантов и улучшение интеграции рабочих, которые скорее всего будут приезжать в основном из Северной Африки и с Ближнего Востока. Даже если Западная Европа не пусти к себе новых рабочих, ей придется принимать меры по интеграции растущего мусульманского населения. Запрет на растущий легальный приток иммигрантов может привести только к увеличению нелегальных, которых будет еще труднее интегрировать, превратившись в долгосрочную проблему. Можно представить себе, что европейские страны успешно адаптируют свою рабочую силу и систему социального обеспечения к этим новым реалиям, однако труднее представить, например, как Германия может за короткое время успешно ассимилировать миллионы вновь прибывших рабочих-мусульман.

Увеличение гибкости в отношении рабочих мест, включающее такие меры, как поощрение молодых женщин брать многолетний отпуск для создания семьи в обмен на гарантию сохранения рабочего места. Поощрение продолжения работы «молодых пенсионеров» (людей в возрасте 50–65 лет) или их периодического возвращения в ряды рабочей силы также поможет преодолеть нехватку рабочих рук.

Эксперты полагают, что существующий уровень социального обеспечения будет трудно поддерживать, а отсутствие какого-либо экономического оживления может привести к дроблению, а в худшем случае дезинтеграции Европейского союза, что подорвет амбиции европейцев играть роль тяжеловеса на мировой арене.

По мнению экспертов, темпы экономического роста Евросоюза отстают по вине Германии с ее сдерживающим экономическое развитие трудовым законодательством. Проведение структурных реформ в этой стране – а также в меньшей мере во Франции и в Италии – остается ключевым в вопросе о том, сможет ли ЕС в целом изжить свою экономическую модель с характерным для нее медленным ростом. Как показывает успешный опыт Швеции, создавшей более гибкие условия для функционирования бизнеса при сохранении многих прав трудящихся, для этого не обязательно понадобится полный отказ от сформировавшейся в послевоенные годы

Расширение Евросоюза

модели «государства всеобщего благосостояния». Эксперты сомневаются в том, что существующее политическое руководство готово к тому, чтобы отказаться от привычной модели хотя бы в отношении этой частности, склоняясь к мысли, что импульсом для проведения реформ скорее послужит надвигающийся бюджетный кризис, который может разразиться в ближайшие пять лет.

Если не будут произведены перемены, Европа может столкнуться с дальнейшим замедлением темпов экономи-

ческого роста, а отдельные страны могут пойти по своему пути, в частности во внешнеполитической сфере, даже если номинально они будут продолжать оставаться членами Евросоюза. При таком сценарии расширение Евросоюза, возможно, остановится, сделав маловероятным вступление в него Турции и Балканских стран, не говоря уже о далеких перспективах вступления в него России или Украины. Если странам Евросоюза удастся поддерживать ежегодный рост на уровне 1–2%, то он может несколько расширяться, но при этом объединенная Европа не сможет играть на международной арене соизмеримую с ее масштабами роль.

Вдобавок к необходимости увеличения экономического роста и проведения реформы системы социального обеспечения многие эксперты считают, что ЕС должен продолжить поиск более эффективных процедур принятия решений взамен существующего сложного процесса, который затрудняет проведение коллективных акций. При этом превращение Европы в федерацию (это маловероятно во временных рамках до 2020 года) не является необходимым условием для того, чтобы ЕС смог обрести больший вес в международной политике. Для этого ЕС достаточно мобилизовать имеющиеся ресурсы и объединить расходящиеся точки зрения, сформировав целенаправленную коллективную политику. Эксперты считают, что экономический скачок вперед, который повысит энтузиазм европейцев и укрепит их веру в европейский проект, может послужить толчком к такому масштабному международному действию.

Рост потребностей в энергообеспечении

Рост энергетических потребностей, в особенности со стороны поднимающихся держав, к 2020 году будет оказывать все большее воздействие на взаимоотношения в рамках геополитики. Самым важным из факторов, определяющих спрос на энергию, будет глобальный экономический рост, в частности в Китае и в Индии.

Несмотря на тенденцию к более эффективному использованию энергии, общее потребление энергии в мире, веро-

ятно, возрастет на 50% в течение следующих двадцати лет по сравнению с 34-процентным увеличением за период с 1980 по 2000 год, нефть в мировом энергетическом балансе будет занимать все большую долю.

Обновляемые энергоресурсы, такие как водород, солнечная энергия и энергия ветра, по-видимому, будут составлять лишь около 8% от общего количества энергии, потребляемой в 2020 году. В то время как Россия, Китай и Индия планируют расширение своего сектора ядерной энергетики, в глобальном масштабе доля ядерной энергии в следующем десятилетии будет уменьшаться.

Международное энергетическое агентство (IEA) утверждает, что при наличии серьезных инвестиций в освоение новых мощностей общих запасов топлива будет достаточно для удовлетворения мировых потребностей.

Однако продолжающиеся затруднения с доступом международных нефтяных компаний к основным месторождениям могут ограничить эти капиталовложения, а многие месторождения (Каспийское море, Венесуэла, Западная Африка, Южно-Китайское море), с которыми связаны надежды на увеличение добычи нефти, оказались в зоне повышенных политических или экономических рисков. Тра-

диционные поставщики нефти на Ближнем Востоке также становятся все более нестабильными. Таким образом, вызванное растущим спросом обострение соперничества за ресурсы, которому, возможно, будут сопутствовать серьезные перебои с поставками нефти, является одной из ключевых неопределенностей.

Китай и Индия – страны, не располагающие достаточными собственными энергетическими ресурсами, должны обеспечить себе постоянный доступ к внешним поставщикам; таким образом, потребность в энергии будет главным фактором в формировании их внешней и оборонной политики, включая наращивание военно-морской мощи.

Эксперты считают, что Китай будет вынужден увеличить потребление энергии примерно на 150%, а Индия должна будет почти удвоить потребление к 2020 году, чтобы обеспечить устойчивый уровень экономического роста.

Постоянно возрастающие потребности Пекина в энергии могут подтолкнуть Китай к принятию на себя более активной роли в международных делах – в частности на Ближнем Востоке, в Африке, в Латинской Америке и Европе. В своем стремлении максимизировать и диверсифицировать свои энергетические ресурсы Китай опасается стать уязвимым и подверженным давлению со стороны Соединенных Штатов – страны, которую китайские официальные лица рассматривают как государство, проводящее агрессивную энергетическую политику, которая может быть направлена против Пекина.

На протяжении более десяти лет китайские официальные лица открыто утверждали, что продукция китайских фирм, инвестирующих средства за границей, более безопасна, чем продукция, приобретаемая на международном рынке. Китайские фирмы подталкиваются к инвестированию в проекты, расположенные в регионе Каспия, России, в странах Ближнего Востока и Южной Америки, с целью обеспечения более безопасного и надежного к ним доступа.

«Газовая» геополитика

Поставщики газа и поставщики нефти получат более сильные рычаги влияния, чем сегодня, но взаимоотноше-

ния между поставщиками и потребителями газа скорее всего будут особенно прочными из-за жестких ограничений на механизмы доставки. Газ, в отличие от нефти, пока не является заменяемым источником энергии, и зависимость от газопроводов (поставщики должны быть связаны с потребителями, и, как правило, ни те ни другие не имеют особых альтернатив) содействует укреплению региональных альянсов.

Более 95% производимого в мире газа и три четверти продаваемого газа распределяются по трубопроводам, протянутым напрямую от поставщика к потребителю; что касается технологии транспортировки сжиженного газа, то она вряд ли существенно изменит эти пропорции к 2020 году.

Европа будет иметь доступ к газовым ресурсам России и Северной Африки, в то время как Китай сможет получать газ из восточной части России, Индонезии, а также из потенциально обширных месторождений в Австралии. Соединенные Штаты будут обращаться исключительно к Канаде и другим поставщикам Западного полушария.

Потребности Европы в энергии, похоже, не будут возрастать в такой же мере, как потребности развивающихся стран, – отчасти по причине более низких прогнозируемых темпов экономического роста Европы и свойственного ей более эффективного использования энергии.

Растущее предпочтение Европы натуральному газу в совокупности с истощением запасов Северного моря придаст дополнительный импульс уже предпринимающимся политическим усилиям, направленным на укрепление связей с Россией и Северной Африкой, так как торговля газом предполагает более высокий уровень политического сотрудничества с обеих сторон для решения вопросов проектирования и создания необходимой инфраструктуры. Согласно исследованию, проведенному под эгидой Еврокомиссии, доля потребностей Евросоюза в энергии из иностранных источников возрастет с половины в 2000 году до двух третей к 2020 году. Потребление газа будет возрастать довольно резко в связи с озабоченностью охраной окружающей среды и ликвидацией большей части ядерных мощностей ЕС.

Поставки по трубопроводам «Ямал – Европа» и «Голубой поток» (Blue Stream) помогут России увеличить продажи газа ЕС и Турции более чем на 40% по сравнению с показателями 2000 года уже в первой декаде XXI столетия. В результате этого доля России в удовлетворении совокупных потребностей европейских стран возрастет с 27% в 2000 году до 31% в 2010 году. Более того, Россия, как самый крупный за пределами ОПЕК поставщик энергии, будет находиться в чрезвычайно выгодной позиции, оперируя своими нефтяными и газовыми резервами для достижения своих целей во внешней и внутренней политике.

«...многие месторождения, с которыми связаны надежды на увеличение добычи нефти, оказались в зоне повышенных политических или экономических рисков. Таким образом, вызванное растущим спросом обострение соперничества за ресурсы, которому, возможно, будут сопутствовать серьезные перебои с поставками нефти, является одной из ключевых неопределенностей».

Алжир располагает восьмыми в мире по величине запасами газа и также рассчитывает увеличить свой экспорт в Европу на 50% к концу текущей декады.

Единоличное господство США – как долго оно продлится?

Мир с одной сверхдержавой уникален для современной истории. Несмотря на рост антиамериканизма, большинство серьезных игроков сегодня полагает, что никакие контрмеры, такие как, например, балансирование этого влияния США, не сработают в ситуации, когда Соединенные Штаты контролируют так много рычагов власти. Более того, политика США не кажется достаточно угрожающей, чтобы обосновать такие ходы.

Все большее число людей на Земле, особенно на Ближнем Востоке и, шире, в мусульманском мире, верят, что США намерены установить свое господство над их регионами либо прямое политическое и экономическое господ-

ство над другими государствами и их ресурсами. В будущем растущее недоверие может побудить правительства занять более агрессивную позицию, включая организацию противодействия на международных форумах и развитие асимметричного военного потенциала для защиты от США.

«Существует не так много политически значимых концепций, предлагающих государствам ту или иную программу действий для совладания с ситуацией, когда США продолжают быть единственным наиболее влиятельным действующим лицом в экономической, военной и технологической сферах».

Многие страны, наверное, будут экспериментировать с различными стратегиями – от более или менее ярко выраженных форм сопротивления до объединения в целях оказать влияние на то, как используется американская мощь. Ожидается, что многие страны попытаются применить стратегию, призванную исключить или изолировать Соединенные Штаты – возможно, временно, – в расчете принудить или уговорить Америку играть по другим правилам. Многие страны проникаются все большей уверенностью в том, что самый надежный способ обрести рычаги воздействия на Вашингтон – это выдвинуть угрозы отказа от сотрудничества. Многие правительства также будут всячески «торговаться», пытаясь найти способ «прицепиться к американскому локомотиву» или каким-то образом связать свои политические цели с целями США – например, в борьбе с терроризмом – и таким образом нейтрализовать противостояние США по другим вопросам.

СЦЕНАРИЙ РАХ AMERICANA

Приведенный ниже сценарий отражает то, как доминирование США может пережить радикальные изменения мирового политического ландшафта, а Вашингтон остаться в центре международной политики. Сценарий представлен в форме записи в дневнике вымышленного Генерального секретаря ООН в 2020 году. Соглас-

но этому сценарию, ключевые альянсы и взаимоотношения США с Европой и Азией претерпевают изменения. Сотрудничество между США и Европой возобновляется, в том числе и по вопросу Ближнего Востока.

Появились новые меры по обеспечению безопасности в Азии, однако Соединенные Штаты все еще выполняют в этой сфере основную работу. В сценарии также отражается то, что Вашингтону приходится бороться за то, чтобы удержать за собой лидерство во все более многообразном, сложном и быстро изменяющемся мире. В конце сценария мы извлекаем уроки из описанного в сценарии развития событий.

Из частного дневника
Генерального секретаря ООН

11 сентября 2020 г.

Сегодня исполнилось ровно девятнадцать лет с того дня, когда вид с 38-го этажа нашего здания изменился с разрушением башен-Близнецов. Когда позвонил Президент Соединенных Штатов, я сказал, что изменился не только вид из окна. Дело не столько в том, что на месте Близнецов были возведены небоскребы, частично скрывшие разрушения 11 сентября; важнее то, что США поднялись из пепла, как Феникс – пусть и окруженный недругами, – и снова возвышаются как скала, стоящая на страже мирового порядка.

Я бы сказал, что дела пошли на поправку с того момента, когда Европа и Америка стали снова сближаться. Окажется, орбиты Венеры и Марса время от времени пересекаются. Террористический акт 2010 года в Европе имел прямое отношение к такому повороту событий. Европейцы изменили свою позицию и сразу лучше увидели, что терроризм представляет собой гораздо более страшную угрозу, чем им казалось ранее. Население было настроено весьма решительно – тем более что нападение террористов казалось абсолютно ничем не спровоцированным. Последствия теракта были настолько серьезными, что Америка и Европа оставили в стороне взаимные претензии, и теперь уже Европа стала призывать Америку перестать церемонить-

ся с террористами. Сплочение трансатлантических рядов было вызвано не только этим. Неожиданно выяснилось, что Европа куда более сплоченная сила, чем это представлялось многим нашим американским друзьям. Оказалось, что новая Европа, объединившаяся вокруг Брюсселя, не так уж сильно отличается от старой. Альянсу НАТО пришлось пережить тяжелые времена, но теперь ему удастся лучше сотрудничать с ЕС. С обеих сторон, хотя и со скрипом, зародилось понимание того, что НАТО обладает необходимым военным инструментом, а Евросоюз может привнести в общее дело свой опыт государственного строительства.

Со стороны Европы многое зависело от вступления в нее Турции, чего я лично никогда не ожидал увидеть. Это привело к осознанию того факта, что Европа непосредственно граничит с Ближним Востоком, а это означало, что ЕС должен быть готов иметь дело с проблемами терроризма, фундаментализма, переизбытка молодежи и т.д.

Сплотившись, Европа помогла убедить Соединенные Штаты, что должны быть приняты решительные меры для обуздания насилия в Палестине. Для европейцев этот регион всегда был источником головной боли, но разногласия и отсутствие политической воли всегда стояли на пути консолидированных действий.

Нехватка энергоресурсов и климатические изменения стали играть все большую роль в динамике отношений между США и Европой, но привели к довольно неожиданному результату. Какое-то время казалось, что европейцы пытаются изолировать Америку и настаивают на том, чтобы Вашингтон играл по правилам Евросоюза. Но этого все равно никогда бы не случилось; при этом европейские лидеры не учитывали растущего недовольства со стороны общественного мнения Европы по поводу нарушения Китаем и другими развивающимися странами экологических стандартов. Киотский протокол неожиданно был отброшен, и надо было придумывать новые рамки, в которых нашлось бы место для США.

Роль США в Азии изменилась еще более радикально. Китай значительно укрепил свои позиции, и хотя он и не бросал прямого вызова США, но определенно старался вытес-

нить их из региона, особенно в экономической сфере. Обеспокоенность США делами Ирака и терроризм, казалось, неизбежно приведут к дальнейшему уменьшению их роли. Япония поддержала США в вопросе Ирака, но это ей давалось нелегко из-за экономической зависимости от Китая. В Южной Корее молодое поколение клало вину на США за разделение страны и конфликт с Севером. Казалось, это лишь дело времени, когда США окажутся на задворках мировой политики.

Но тут произошел ряд событий, изменивших общую динамику ситуации. Порожденные беспокойством по поводу затянувшейся безысходной ситуации вокруг Северной Кореи, просочились слухи о том, что Япония всерьез рассматривает вопрос о создании собственного ядерного оружия. Приблизительно в это же время Китай тоже пострадал от экономического спада, что привело к обострению конфронтационной риторики в адрес Тайваня, что вызвало дополнительную тревогу в Японии и в Юго-Восточной Азии. США изначально намеревались вмешаться, но стало ясно, что многие были озабочены вероятностью возгорания американо-китайского конфликта. Все кончилось тем, что Вашингтон сократил свое присутствие в Корее и в Японии. Многие не хотят, чтобы Америка уходила; даже Китай, как мне кажется, тайне видит в присутствии Америки определенные преимущества в том смысле, что оно делает других более снисходительными к растущему политическому и экономическому влиянию Пекина.

Трудно назвать этот брак счастливым, и Америка, как и Китай, должна много работать для того, чтобы не дать ситуации сойти с рельсов. Я вижу новые грозовые тучи над Тайванем. Кажется, что от национализма никто не застрахован. Усилившийся средний класс Китая, кажется, мало заинтересован в демократии, а больше заинтересован в национализме.

Обострившиеся проблемы с энергообеспечением неожиданно обернулись в пользу Америки. Стабильность на Ближнем Востоке в равной мере необходима как Китаю, так и Европе ввиду их зависимости от энергоресурсов. США также все больше играют роль гаранта поддержания

баланса между шиитами и суннитами. Вашингтон, возможно, не был готов к тому, что в освобожденном от тирании Ираке этот баланс станет нарушаться в пользу шиитов, тем самым наращая напряженность в самом сердце региона, в котором находится большая часть нефтяных запасов мира. Американцам в этом отношении не позавидовать.

Иногда мне кажется, что многие американцы уже подустали от того, что им приходится играть роль мирового полицейского. Бремя обеспечения безопасности все еще тяготит их плечи; эта ситуация является источником их чувства неудовлетворенности европейцами, которые не хотят ни о чем думать, кроме ЕС. Американцам казалось, что заключено нечто вроде молчаливого соглашения – Америка возьмет на себя тяжелую работу с Израилем, а европейцы дадут деньги и войска для миротворческих сил на Ближнем Востоке. Но, видимо, это все развалилось.

Как долго продлится Pax Americana? Я не знаю. Эта система не нашла сколько-нибудь адекватного институционального выражения. Конечно, ООН в настоящее время работает немного лучше, чем раньше, потому что ее члены между собой больше сотрудничают, но мы сделали слишком мало для реформирования нашей организации. Индия все больше разочаровывается. Африканцы, латиноамериканцы и жители бедных азиатских стран все еще ощущают себя непризнанными, а некоторые даже недовольны ростом Китая и Индии, которые сократили их собственные возможности. Комиссия по правам человека, которая несколько лет назад была преобразована в Комиссию по правам человека и этике, ведет тяжелую работу над вопросом клонирования человека, генетически модифицированных продуктов и того, должно ли потребление энергии быть глобально регулируемым. Несмотря на все усилия по практическому сотрудничеству в вопросе терроризма, у нас до сих пор нет общепринятого определения, которое могло бы объединить разные страны для выработки антитеррористической стратегии. Ко всему прочему мне приходится вести дурацкую борьбу на два фронта, чтобы усидеть здесь, в Нью-Йорке. С одной стороны, мне приходится отбивать напад-

ки тех, кто выступает под лозунгом «Америка превыше всего» и призывает убрать отсюда ООН, а с другой стороны, приходится противостоять европейцам и азиатам, среди которых широко распространено убеждение, что ООН слишком зависима от Вашингтона.

Остается только удивляться тому, что в некоторых важных областях нам все же удалось достичь ощутимого прогресса. Надо будет поговорить об этом с Президентом США, когда «мы, девочки» снова соберемся вместе...

Геополитическое пространство, в котором в настоящее время доминирует американская мощь, станет более сложным и многообразным.

Подъем Китая может поставить США в другую позицию – заставив их играть роль «балансера» между Китаем, с одной стороны, и Японией и другими азиатскими странами – с другой.

Соперничающие коалиции скорее всего будут спорить по вопросам этики и морали. От США будут требовать лидерства, но данный сценарий предполагает, что им понадобится недюжинная изобретательность, чтобы достигнуть консенсуса.

И еще важно понять то, что Рах Америгана – обязательно понравится самой Америке.

Едва ли удастся изменить глубоко укорененные надежды на то, что Америка возьмет на себя основную работу по обеспечению безопасности в мире, в особенности учитывая тот факт, что только Америка по большому счету располагает необходимой для этого военной мощью.

Этот сценарий наводит на мысль о том, что архитектура международных отношений не приспособлена для того, чтобы разделять бремя обеспечения безопасности. Если верить нашему сценарию, то ни одна другая региональная организация, кроме НАТО, доминирующую роль в которой играют США, не способна взять на себя заботу об обеспечении безопасности.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Государство-нация по-прежнему будет господствующей единицей мирового порядка, однако экономическая глобализация и распространение технологий, особенно информационных, станут тяжелейшим испытанием для государств. Режимы, которые справились с вызовами 1990-х годов, могут не выдержать тех, что грядут в 2020-м. В действии окажутся противоречивые силы: на авторитарные режимы снова будут давить с требованиями демократизации, в то время как хрупким молодым демократическим системам может не хватить умения адаптироваться, чтобы выжить и развиваться.

С ростом миграции по всему миру – из Северной Африки и Ближнего Востока в Европу, из Латинской Америки и Карибского бассейна в США и из Юго-Восточной Азии в северные регионы – многие страны станут многонациональными и многоконфессиональными, столкнувшись с проблемой интеграции мигрантов в свое общество, считаясь при этом с их этнической и религиозной идентичностью.

Замедление темпов демократизации

Глобальный экономический рост – в потенциале хороший стимул для демократического процесса, но существу-

ет вполне реальная вероятность того, что многие страны, считавшиеся частью «третьей волны» демократизации, откатятся назад. В частности, демократический процесс к 2020 году может отчасти дать задний ход в государствах бывшего Советского Союза и Юго-Восточной Азии, некоторые из которых, по сути, никогда и не вставали на путь демократии. Создается впечатление, что Россия и большинство среднеазиатских режимов постепенно возвращаются к авторитаризму, и едва ли сам по себе глобальный экономический рост способен переломить эту тенденцию. Лишь развитие в этих странах многоотраслевой экономики – что отнюдь не является неизбежным – могло бы сыграть решающую роль в укреплении среднего класса, что в свою очередь стимулировало бы демократический процесс.

Будучи уже зажатыми в тиски жесточайшего экономического неравенства, пожилые лидеры среднеазиатских государств вынуждены бороться с крупной и неуправляемой частью населения – молодежью, страдающей от недостатка широких экономических возможностей. Скорее всего среднеазиатские правительства подавят инакомыслие и «закрутят гайки», чтобы сохранить порядок, повысив тем самым риск вооруженных восстаний.

«...существует вполне реальная вероятность того, что многие страны, считавшиеся частью «третьей волны» демократизации, откатятся назад».

Китайские лидеры столкнутся с дилеммой: поддаться давлению плюрализма и ослабить политический контроль или же оставить все как есть, рискуя вызвать негативную реакцию со стороны народа. Пекину также необходимо учитывать свои амбиции стать основным игроком на мировой арене, которые возрастут, если его правители предпримут шаги в направлении политических реформ.

Китай может выбрать «азиатский путь к демократии», который предусматривает выборы на местном уровне и совещательный механизм на национальном уровне с ве-

роятным сохранением контроля Коммунистической партии над центральным правительством.

Более молодые китайские лидеры, уже занимающие влиятельные посты мэров и региональных руководителей, обучались в университетах западного образца и хорошо понимают международные стандарты управления.

Однако большинство экспертов, присутствовавших на нашей конференции по регионам, убеждены, что нынешние и будущие лидеры являются агностиками в вопросах демократии и гораздо больше заинтересованы в построении того, что они считают наиболее эффективной моделью управления.

Демократические преобразования могут получить успешное развитие в ключевых странах Ближнего Востока, которые до настоящего момента были исключены из этого процесса своими репрессивными режимами. Успех установления подлинной демократии в Ираке и Афганистане и демократическая консолидация в Индонезии могут послужить примером другим мусульманским и арабским государствам и стать стимулом для перемен.

Однако проведенное в 2001 году исследование Freedom House показало огромную и расширяющуюся пропасть по уровню свободы и демократии между исламскими странами и остальным миром. Отсутствие экономического роста в других секторах, помимо энергетического, является одной из главных причин низких темпов развития на Ближнем Востоке. Большинство региональных экспертов не возлагают особых надежд на то, что смена поколений в некоторых ближневосточных режимах способна сама по себе продвинуть вперед демократические реформы.

Размах роста радикального ислама и реакция на это давление со стороны режимов будет также иметь далеко идущие последствия для демократизации и развития институтов гражданского общества, хотя радикалы могут использовать избирательный процесс для укрепления власти.

Сохранение высоких цен на нефть в течение продолжительного периода времени позволит режимам отложить экономическую и финансовую реформу.

Управление под давлением высоких технологий

Сегодня у отдельных пользователей персональных компьютеров в руках больше возможностей, чем было у НАСА, когда оно использовало компьютеры для запуска первых летательных аппаратов на Луну. Тенденция к еще большему увеличению возможностей, скорости, доступности и мобильности будет иметь огромные политические последствия. Бесчисленные множества частных лиц и небольших групп, многие из которых прежде не обладали такой властью, будут не только устанавливать контакт друг с другом, но и планировать операции, мобилизовать людей и завершать дела, в потенциале достигая большего успеха и результативности, чем это может сделать государство. Это почти наверняка отразится на том, как граждане будут относиться к своим государствам, и на их взаимоотношениях с ним, вынуждая некоторые правительства действовать более оперативно.

Согласно Международному союзу телекоммуникаций, Китай характеризуется едва ли не самыми быстрыми темпами роста пользователей Интернета и мобильных телефонов в мире, а также лидирующим положением на рынке широкополосных коммуникаций.

Сообщения о росте во многих ближневосточных странах государственных инвестиций в развитие высокоскоростных информационных инфраструктур, пока, правда, недоступных широким слоям населения и не имеющих прочной связи с остальным миром, демонстрируют очевидный потенциал для распространения демократических и недемократических идей.

Некоторые государства будут стремиться контролировать Интернет и его содержимое, но будут сталкиваться со все большими трудностями, поскольку новые сети предлагают разнообразные способы коммуникации.

Рост связанности компьютерных систем будет также сопровождаться распространением транснациональных виртуальных сообществ по интересам – тенденция, которая может не только осложнить способность государственных и глобальных институтов добиваться согласия внутри

стран и проводить в жизнь решения, но даже поставить под вопрос сам их авторитет и легитимность. Группы, основанные на общности религиозных, культурных, этнических или иных принадлежностей, могут разрываться преданностью национальным идеям и другими разновидностями идентичности. У таких групп есть весомый потенциал для продавливания на национальном и даже глобальном уровне нужных решений по широкому спектру вопросов, обычно находящихся в компетенции государственных структур.

Интернет, в частности, подстегнет к созданию глобальных движений, которые могут заявить о себе в качестве мощной силы в сфере международных отношений. Например, общение диаспор с помощью современных технологий в группах на родном языке способствует не только сохранению национального языка и культуры в условиях широкомасштабной эмиграции и культурных перемен, но и формированию их политической и экономической мощи.

Ожидается распространение популистских идей в качестве мощной политической и социальной силы, тем более что глобализация угрожает усилением социальной разобщенности по линиям экономического и этнического раскола. В частности, в некоторых частях Латинской Америки неспособность элит адаптироваться к растущим требованиям свободного рынка и демократии, вероятно, спровоцирует новый всплеск популистских настроений и вынудит местные движения, до сей поры стремившиеся добиваться перемен демократическими средствами, пойти на более радикальные меры ради получения того, что они считают своей «справедливой долей» политической власти и благосостояния.

Однако, как и в случае с религией, популизм неизбежно будет враждебен политическому развитию – он может послужить делу расширения участия в политическом процессе. Угрозы общего возврата к режимам военных хунт на территории Латинской Америки опасаются лишь немногие эксперты.

Те страны Латинской Америки, которые успешнее других адаптируются к переменам, выстраивают более прочные и эффективные демократические институты, чтобы

разрабатывать более универсальные и оперативные политические стратегии и укреплять доверие граждан и инвесторов. Ощущение экономического прогресса и надежда на его продолжительность являются необходимым условием для поддержания долгосрочного кредита доверия к демократическим системам.

Всплеск национализма и склонность к популизму могут стать проблемой и для азиатских государств. Многие из них, такие как Лаос, Камбоджа и Бирма, неспособны справляться с растущими запросами населения и рискуют потерпеть крах.

Эксперты отмечают, что в Африке из частного сектора экономики выходит новое поколение лидеров; эти лидеры намного комфортнее себя чувствуют в демократии, чем их предшественники, и в будущем могут придать развитию демократии мощный внутренний динамизм.

Изменение климата и его последствия к 2020 году

Политические разногласия, связанные с изменением климата, скорее всего будут занимать важное место в многосторонних отношениях, и в частности Соединенным Штатам наверняка придется испытать серьезное двустороннее давление, направленное на изменение своих внутренних экологических норм, и стать лидером глобальных усилий по защите окружающей среды. Все научное сообщество солидарно во мнении, что парниковый эффект реален и что средняя температура поверхности за прошлый век возросла, однако остаются разногласия касательно причин этого процесса и возможных оздоровительных мер.

По оценкам экспертов конференции, финансируемой НИС, обеспокоенность по поводу парниковых газов, крупнейшими производителями которых являются Китай и Индия, будет неуклонно расти вплоть до 2020 года. Ожидается, что будут иметь место разнообразные аномальные погодные явления, которые будут связывать, не всегда правильно, с глобальным потеплением. Любое из этих событий может вызвать волну призывов к США как к само-

му главному источнику парниковых газов предпринять решительные шаги, направленные на сокращение потребления ископаемого топлива.

Перед стратегами встанет дилемма: экологическая система, основанная исключительно на экономических стимулах, вероятно, не принесет необходимых технологических преимуществ, поскольку фирмы окажутся в нерешительности – стоит ли вкладываться в исследование, когда получение прибыли стоит под большим вопросом. С другой стороны, система, основанная на государственном регулировании, как правило, оказывается затратной и недостаточно гибкой. К многочисленным трудностям, мешающим выработке совместных мер, относятся: сопротивление стран ОПЕК, зависящих от доходов от ископаемого топлива; точка зрения развивающихся стран, согласно которой изменение климата – проблема, порожденная миром индустриальным, которую они не могут решить из-за ограниченных возможностей своих экономик; и, наконец, необходимость существенных технологических нововведений с целью максимального повышения энергетического КПД.

Судя по комментариям участников, оптимизм внушает тот факт, что мир с готовностью и энтузиазмом относится к лидерству США и что для решения этого вопроса не понадобится учреждать новые многосторонние институты. В самом деле, разработку стратегии ограничения выбросов CO₂ может упростить тот факт, что три политические единицы – США, Евросоюз и Китай – несут ответственность более чем за половину всего CO₂, выбрасываемого в атмосферу. Договоренность между этими тремя сторонами, а также Российской Федерацией, Японией и Индией покрывала бы две трети всех выбросов.

Политика идентичности

Отчасти давление на власть будет исходить от новых форм политики идентичности, основанных на религиозных убеждениях и этнической принадлежности. В течение ближайших пятнадцати лет религиозная идентичность скорее всего будет становиться все более значимым фактором самоопределения человека. Тенденция к росту поли-

тики идентичности связана с повышенной мобильностью, увеличением разнообразных враждебных групп внутри одной страны, а также с распространением современных коммуникационных технологий.

Приоритетный статус этнической и религиозной идентичности предоставит своим последователям готовые сообщества, которые служат своеобразной «сеткой безопасности», так необходимой в трудные времена, что особенно важно для переселенцев. Подобные сообщества также обрастают организационной структурой, что создает дополнительные возможности для трудоустройства.

«В течение ближайших пятнадцати лет религиозная идентичность скорее всего будет становиться все более значимым фактором самоопределения человека».

Хотя мы не располагаем достоверными данными о количестве людей, принявших ту или иную веру или перешедших от одной веры к другой за последние годы, тенденции демонстрируют рост числа новообращенных и более глубокие религиозные убеждения у многих последователей.

Например, в таких странах, как Китай, влияние марксизма ослабевает, тогда как христианство, буддизм и другие религии получают широкое распространение, а в традиционно сугубо католической Латинской Америке растет процент новообращенных евангелистов.

К 2020 году в Китае и Нигерии будут одни из самых крупных христианских общин в мире – такой сдвиг изменит лицо христианских институтов, традиционно укорененных на Западе, и придаст ему африканский или азиатский колорит, или, говоря шире, черты развивающегося мира.

Западная Европа находится в стороне от этой растущей глобальной «религиозности», за исключением общин мигрантов из Африки и с Ближнего Востока. Многие функции, традиционно осуществляемые церковью: образование, социальные услуги и т. д., теперь выполняются госу-

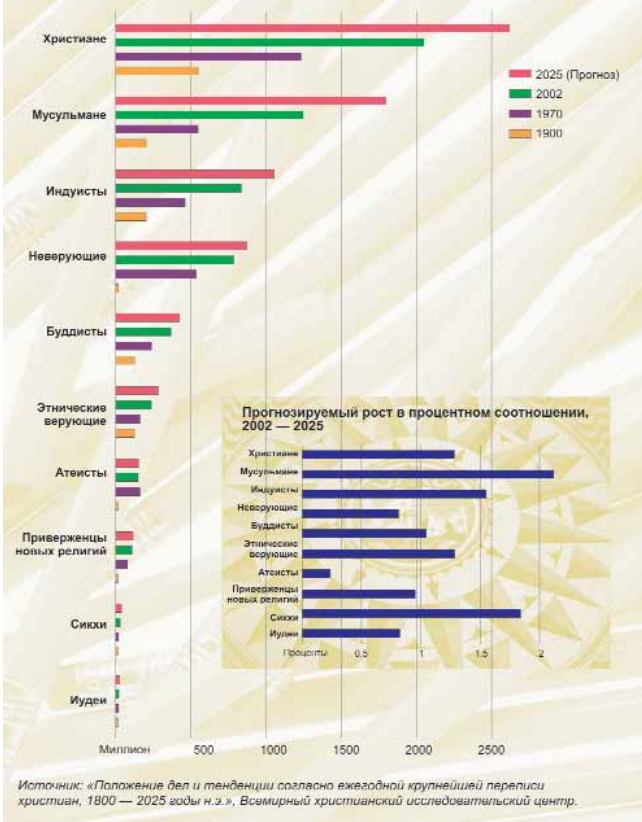
дарством. Однако всепроникающий настойчивый антиклерикализм вряд ли поможет культурной ассимиляции новых иммигрантов-мусульман, которые считают дискриминационным запрет на публичное проявление своей религиозной принадлежности, установленный в некоторых западноевропейских странах.

Многие адепты религиозных течений – будь то индуисты-националисты, последователи христианских евангелических церквей в Латинской Америке, иудейские фундаменталисты в Израиле или мусульманские радикалы – становятся «активистами». Согласно их мировоззрению, существует необходимость изменения общества, проведения резких границ между добром и злом в духе манихейства, а их система религиозных верований связывает конфликты местного значения с неким сражением большего масштаба.

Такие движения с религиозной подоплекой были распространённым явлением во времена общественных и политических смут в прошлом и нередко становились толчком для позитивных перемен. К примеру, ученые считают, что рост популярности евангелизма в Латинской Америке создает

Численность приверженцев различных религий в 1900—2025 годах

для беженцев, расово угнетенных и зачастую беднейших слоев населения, в том числе и женщин, «социальную структуру, которой иначе могло бы и не быть... [Эта структура] предоставляет своим членам необходимые навыки для выживания в стремительно развивающемся обществе... (и помогающую) развивать гражданское общество в регионе»¹.

¹ См. Philip Jenkins. *Consultations with the National Intelligence Council, August 4, 2004.*

Вместе с тем стремление групп активистов изменить общество зачастую приводит к еще большим общественным и политическим беспорядкам, порой насильственным. В частности, существует вероятность возникновения трений в смешанных общинах, поскольку активисты пытаются переманивать людей из других религиозных групп или более старых религиозных институтов. В соответствии с фанатичными религиозными убеждениями многих таких движений их активисты идентифицируют себя через противопоставление «чужакам», не входящим в группу, что может приводить к раздору.

Радикальный ислам. В большинстве регионов, которые испытают на себе увеличение числа религиозных активистов, также наблюдается рост доли молодежи в обществе, с чем эксперты и связывают большое количество радикальных адептов вероучений, включая мусульманских экстремистов¹.

Ожидается, что проблема переизбытка молодежи особенно остро встанет в большинстве ближневосточных и западноафриканских стран по меньшей мере до 2005–2010 годов, однако последствия будут ощутимы и долгое время спустя.

На Ближнем Востоке растущее влияние радикального ислама отражает политическую и экономическую отчужденность многих молодых мусульман от косных и не представляющих интересов народа правительств, а также связанную с этим неспособность многих, преимущественно мусульманских, государств извлечь значительные экономические преимущества из глобализации.

Распространение радикального ислама будет оказывать значимое влияние на весь мир вплоть до 2020 года, объединяя при этом очень разные этнические и национальные группы, при этом возможно даже появление органа власти,

¹ Мы выделяем мусульманских экстремистов как подвид исламских активистов. Они полны решимости коренным образом перестроить политическую систему общества в соответствии со своим видением мусульманского права и готовы ради этого прибегнуть к насилию.

переступающего пределы государственных границ. Отчасти притягательность радикального ислама объясняется тем, что он призывает мусульман вернуться к его истокам.

токам, когда исламская цивилизация была в авангарде глобальных перемен. Коллективное чувство отчуждения и разобщенности, к которому апеллирует радикальный ислам, едва ли исчезнет, пока мусульманский мир не станет снова более глубоко интегрированным в мировую экономику.

«Радикальный ислам будет оказывать значимое влияние на весь мир... объединяя при этом очень разные этнические и национальные группы, при этом возможно даже появление органа власти, переступающего пределы государственных границ».

Радикальный ислам сохранит привлекательность для многих мигрантов-мусульман, которые тянутся на Запад из-за больших возможностей трудоустройства, но чувствуют себя неуютно в чужой, по их мнению, культуре.

Исследования показывают, что, по мере того как западноевропейские страны становятся более открытыми, иммигранты-мусульмане интегрируются, однако многие иммигранты во втором и третьем поколениях оказываются

втянутыми в радикальный ислам, потому что сталкиваются с препятствиями на пути к полной интеграции и барьерами в осуществлении того, что они понимают под нормальной религиозной практикой.

Религиозные и этнические разногласия также внесут свою лепту в будущие конфликты, а если не уделить им должного внимания, они могут стать причиной регионального раздора. Регионы, в которых трения рискуют перерасти в более обширный гражданский конфликт, включают в себя Юго-Восточную Азию, где историческое противостояние христиан и мусульман охватывает несколько государств, включая страны Западной Африки, Филиппины и Индонезию.

Внутрирелигиозные расколы, даже если они давно делятся и имеют долгую историю, также могут привести к конфликтам в эту эру обостренного религиозного самосознания. Ирак, где господствует религиозное течение шиитов, наверняка будет поощрять активистские шаги шиитских меньшинств в других ближневосточных странах, например в Саудовской Аравии и Пакистане.

Страны Евразии: каждый идет своей дорогой?

Региональные эксперты, посетившие нашу конференцию, считают, что политическое развитие России после краха коммунизма усложняется продолжающимся поиском постсоветской национальной идентичности. Путин все чаще апеллирует к русскому национализму, а порой и к ксенофобским настроениям для определения российской идентичности. Возможно, его преемники станут определять российскую идентичность, делая акцент на имперском прошлом России и превосходстве над соседями, отбросив при этом коммунистическую идеологию.

По мнению экспертов, государства Средней Азии слабы и имеют значительный потенциал для религиозных и этнических конфликтов, которые могут вспыхнуть в ближайшие пятнадцать лет. Религиозные и этнические движения могут дестабилизировать весь этот регион. Похоже, Евразия станет более разобщенной, несмотря на тот факт,

что противоположные демографические тенденции – такие как нехватка рабочей силы в России и Западной Европе и в то же время ее переизбыток в Средней Азии – могли бы содействовать сплочению региона. Более того, вполне вероятно, что Россия будет сотрудничать со среднеазиатскими государствами в развитии транспортных коридоров для энергетических поставок.

По утверждению участников конференции, среди стран, богатых естественными ресурсами, Россия имеет наилучшие перспективы для расширения своей экономики за рамки добычи ресурсов и более глубокой интеграции в мировую экономику. Чтобы развить многоотраслевую экономику, России понадобится произвести структурные реформы и учредить правовое государство, что, в свою очередь, стимулирует прямые зарубежные инвестиции в иные секторы помимо энергетического. Зная, что Европа, вероятно, захочет выстроить «особые отношения» с экономически более сильной Россией, Москва, скорее всего, проявит большую терпимость к факту сближения бывших советских республик с Европой. Если России не удастся всесторонне развить свою экономику, она сполна испытает на собственной шкуре, что такое нефтяное государство с его несбалансированным экономическим развитием, гигантским неравенством доходов, оттоком капитала и нарастающими социальными проблемами.

Меньше оптимизма выказали региональные эксперты касательно потенциала для всестороннего экономического развития на ближайшие пятнадцать лет богатых ресурсами стран Средней Азии и Южного Кавказа – в частности Казахстана, Туркменистана и Азербайджана. Для стран с более ограниченными природными ресурсами, таких как Украина, Грузия, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, главная проблема будет состоять в эффективном развитии отраслевых проектов и услуг, что потребует более качественного управления.

Среднеазиатские страны – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – сталкиваются с суровым вызовом: как сохранить социальный мир в условиях высокого роста населения, относительно молодого

населения, ограниченных экономических перспектив и усиления влияния радикального исламизма. Руководители этих стран могут ослабить напряженность, если будут меньше ограничивать эмиграцию. Россия могла бы воспользоваться миграцией для того, чтобы компенсировать сокращение своего населения (вплоть до 2020 года цифра будет составлять около миллиона человек в год). Однако у России почти нет опыта интеграции мигрантов из других культур; результатом этнических волнений внутри страны стал рост русского национализма, и наши эксперты полагают, что любые попытки расширения иммиграционных правил будут использованы в своих целях политиками националистического толка.

По иронии судьбы, согласно прогнозу экспертов Евразия станет более сплоченной, если глобальная экономическая ситуация ухудшится и этот регион окажется в изоляции. В этом случае переживающая застой Россия могла бы стать опорой для других стран в деле поддержания порядка вдоль южных границ региона, если тем или иным странам Средней Азии – Туркменистану, Таджикистану и Кыргызстану – будет угрожать потенциальный коллапс.

Латинская Америка в 2020 году: вызовет ли глобализация раскол региона?

Эксперты, с которыми мы консультировались в Латинской Америке, утверждали, что глобальные изменения в ближайшие пятнадцать лет могут углубить разногласия и расколоть Латинскую Америку с точки зрения экономической, инвестиционной и торговой политики. В то время как страны Южного конуса, особенно Бразилия и Чили, завоевывают новых партнеров в Азии и Европе, Центральная Америка, Мексика и страны, расположенные в области Анд, могут отставать в развитии и остаться зависимыми от США и Канады как главных торговых партнеров и источников экономической поддержки.

Неэффективность государственного правления в странах Латинской Америки отчасти не позволила мно-

гим странам в полной мере осознать экономические и социальные выгоды от большей интеграции в мировую экономику в последние десятилетия. Вместо этого пропасть между богатыми и бедными, теми, кто представлен в органах управления, и теми, кто из них исключен, только возросла. В течение последующих пятнадцати лет влияние продолжающегося экономического роста и глобальной интеграции скорее всего будет неравномерным и фрагментарным. В самом деле, региональные эксперты прогнозируют взлет харизматичных, самозванных популистских лидеров, имеющих исторические прецеденты в этом регионе, которые сыграют на негодовании общественности несправедливым делением на «имущих» и «неимущих», – такой риск вероятен в самых слабых государствах Центральной Америки, странах, расположенных в области Анд, и в некоторых частях Мексики. В самых безнадежных из них, особенно там, где криминализация общества и даже государства наиболее очевидна, лидеры могут обнаружить диктаторские наклонности и занять более жесткую антиамериканскую позицию.

Эксперты сделали следующие наблюдения относительно перспектив региона в других сферах.

Политика самоопределения. Все большие доли населения идентифицируют себя в качестве представителей коренных народностей и вскоре потребуют не только права голоса, но в потенциале и нового общественного договора. Многие отвергают глобализацию в том виде, в каком она развернулась в регионе, видя в ней уравнивающую силу, которая разрушает их культурную самобытность, а также как навязанную США неolibеральную экономическую модель, несправедливо распределяемые плоды которой произрастают на древе эксплуатации труда и окружающей среды.

Информационные технологии. Универсализация Интернета одновременно как средства массовой информации и межличностной коммуникации поможет просветить, связать, мобилизовать и наделить полномочиями тех, кто прежде всегда был исключен из процесса управления.

ВООБРАЖАЕМЫЙ СЦЕНАРИЙ «НОВЫЙ ХАЛИФАТ»

В приведенном ниже воображаемом сценарии показано, как на основе радикальной религиозной идентичности может возникнуть всемирное движение. Согласно этому сценарию, провозглашен новый Халифат, который успешно продвигает влиятельную контридеологию, апеллирующую к широким массам. Сценарий представлен в форме гипотетического письма, написанного воображаемым внуком Бен Ладена своему родственнику в 2020 году. Он рассказывает о том, как халиф борется, чтобы одержать верх над традиционными режимами, и о конфликте и беспорядках, сопровождающих эту борьбу как внутри мусульманского мира, так и за его пределами – между мусульманами и США, Европой, Россией, Китаем. В то время как халифу с переменным успехом удастся мобилизовать поддержку, регионы, удаленные от главного очага ислама на Ближнем Востоке – в Африке и Азии, – лихорадит от его призывов. Сценарий заканчивается прежде, чем халифу удастся установить духовную и мирскую власть над территорией – как исторически это случилось и с предыдущими халифатами. В конце сценария мы определяем, какие уроки из этого следует извлечь.

Личное письмо родственнику
от Саида Мухаммеда Бен Ладена

САИД МУХАММЕД БЕН ЛАДЕН

Во имя Господа милостивого и милосердного!

3 июня 2020 года

Дедушка был бы расстроен. Провозглашение Халифата не стало еще нашим Освобождением. Как ты знаешь, дорогой брат, дедушка верил в возврат эпохи Праведных Халифов, когда исламские лидеры правили империей как истинные Защитники Веры. Он предвидел, что Халифат вновь будет править всем исламским миром, отвоюет утерянные

земли в Палестине и Азии, изгнав с них несправедные влияния Запада, или «глобализацию», если пользоваться эвфемизмом Крестоносцев. Наступит день, когда духовный и светский миры вновь объединятся, подчиняясь воле Аллаха, отринув западное разделение Церкви и Государства. В итоге, как мы видим, провозглашение Халифата еще не преодолело этого разделения, несмотря на то что оно внушило Крестоносцам страх перед Аллахом (и дедушка был бы рад этому). Безусловно, вестернизация для многих мусульман потеряла свою привлекательность, а Халифат разнес в пух и прах множество придуманных государств-наций, которые были игрой воображения колонизаторов.

Мысленно возвращаясь к этому, я не могу понять, как мы проглядели появление молодого халифа, как поразил он всех нас – и правоверных, и неверных. Молодой проповедник внезапно обрел последователей во всем мире. Даже до того, как он провозгласил себя халифом, преемником Пророка, да пребудет с Ним мир, повсюду правоверные признавали его. Возможно, из-за того, что он был не из «Аль-Каиды» и не возглавлял никакого политического движения в отличие от дедушки. Он был невероятно одухотворенным. Он не был запятнан убийствами невинных, которые, признавал это дедушка или нет, отвращали многих людей от поддержки «Аль-Каиды». Из мусульманских земель всего Восточного полушария – из Филиппин, Индонезии, Малайзии, Узбекистана, Афганистана и Пакистана – потекли деньги и заверения в лояльности. Отдельные фигуры из правящих элит также приняли его, надеясь поддержать свои пошатнувшиеся позиции у власти. В Европе и в Америке мусульмане, ведущие светский образ жизни и не посещающие мечети, пробудились, осознав свою принадлежность к исламу, а некоторые из них бросили своих изумленных родителей-«западников» и вернулись в родные земли. Его одухотворенность произвела впечатление даже на некоторых неверных: Римский Папа, например, попытался начать с ним межконфессиональный диалог. Он превратился в идола западных антиглобалистов. Вскоре стало ясно, что провозглашению нового Халифата, к которому столь многие давно стремились, нет альтернативы.

О, какой беспорядок мы посеяли среди Крестоносцев! Почти забытое слово вновь вошло в западный лексикон, и истории о халифах прошлого вдруг стали бестселлерами на Amazon.com. Они наивно полагают, что мы обязаны тащиться за ними по изрядно протоптанной дорожке к секьюляризму, а то и сразу уверовать в так называемую иудео-христианскую систему ценностей. Представьте себе выражение их лиц, когда атлеты из исламских стран на Олимпийских играх пренебрегли лояльностью своим государствам и объявили о своей верности Халифату. Все пошло прахом, в том числе и сами структуры, которые породил Запад, чтобы заточить нас в плен своего мировоззрения, – демократия, государства-нации и международная система, управляемая ими, – все это оказалось в руинах.

Еще их интересовала нефть, и нам удалось подчинить их баррелю так, как никогда прежде. Когда на рынке господствовала неопределенность, ходили слухи, что США или НАТО захватят нефтяные районы, для того чтобы обезопасить их от захвата Халифатом. Позднее мы слышали, что США не смогли получить поддержку союзников для военного вторжения и в самом Вашингтоне испугались ответного удара со стороны мусульман всего мира.

Тогда начались беспорядки с шиитами – что довольно подозрительно, так как это еще более преумножило хаос. Халиф подозревал, что конфликт подогревает Иран. Дело в том, что Иран был недоволен возникновением Халифата с самого момента его провозглашения. Особенно уязвима была богатая нефтяными месторождениями восточная провинция Саудовской Аравии, населенная в основном шиитами. Свою роль здесь тоже сыграли главы государств Персидского залива.

Тогда мы заподозрили, что конфликт разжигает Ирак, в котором преобладают шииты, а также США и ЦРУ. Но если за этим стояли американские неверные – а я уверен, что так и было, – они сами пострадали от последствий. Хрупкий мир в Ираке, который Америка скроила столь искусно, рассыпался после внезапно вспыхнувшего с новой силой мятежа суннитов; повстанцы провозгласили сами себя под-

линным Халифатом и снова вступили в схватку как с шиитами, так и с американскими гарнизонами.

Это был серьезный вызов халифу. Халифат представляет собой единое целое, но мы рискуем утратить это единство, если не сможем преодолеть многолетнее противостояние суннитов и шиитов. Мне, суннитскому арабу, не следует выказывать какое-либо сочувствие приверженцам Али, внесшим раскол в Дар аль-Ислам (мусульманский мир. – Прим. переводчика) много веков назад, но, как и тогда, нежелание преодолевать разногласия оказалось большой ошибкой. Некоторые их новые мыслители присоединяются к единомышленникам-реформаторам среди суннитов и зарабатывают тем самым похвалу и поддержку неверных. Восстановление пусть даже не дружеских, но партнерских отношений между персами и американцами может представлять для нас опасность.

Еще одно искушение и соблазн для нашего народа – западный материализм. К примеру, Интернет – и благо, и в то же время сети, расставленные дьяволом. Именно он вплотную приближает халифа к абсолютной власти, расширяя его призыв по всему миру. Но в то же время это и оружие в руках наших врагов. Все больше и больше правых, видя, как живут на Западе другие, хотят жить так же, не понимая пороков, которые с этим сопряжены.

Все это в сочетании с жесткими столкновениями суннитов и шиитов беспокоит представителей среднего класса. Они стали пытаться покинуть наши священные земли. По иронии судьбы это расстроило лидеров Крестоносцев в Европе и в Америке. Они не прочь видеть Халифат в беде, но принять миллион или более беженцев – большинство из которых привыкли к высокому уровню жизни – это другое дело. Перед ними дилемма: увеличение числа мусульман в их среде может вызвать волнение, но не принимать их – значит еще раз расписаться в своем лицемерии.

Беспорядок господствует повсюду. Когда Халифат был провозглашен, ждали, что эти режимы немедленно развалятся. Но этого пока не произошло. Существуют лишь отдельные очаги последователей, ведущие подрывную деятельность во многих государствах, но пока не преуспевшие

в развале режимов. Мы очень близки к этому в Средней Азии, частично в Афганистане и в Пакистане, где бушует гражданская война. Россия увязла в межнациональных конфликтах и в поддержке авторитарных режимов в Средней Азии. Парадокс в том, что на этот раз США выступают союзником России: но теперь вместо снабжения деньгами и оружием моджахедов для борьбы с советским режимом они помогают русским сражаться с моджахедами. В некоторых странах у власти две группировки, ни одна из которых не имеет полного контроля. Паштунистан провозглашен, но еще не полностью установил свою власть. Все это отпугивает Крестоносцев от эксплуатации наших ресурсов. Новых трубопроводов сейчас не строится, а некоторые из старых уже не эксплуатируются. Из-за приостановки строительства новых трубопроводов подъем Азии был остановлен. Китай, избежавший любой помощи от США, начал проявлять все большую обеспокоенность растущим в своей среде мусульманским «ирредентизмом» – стремлением разорванного этноса воссоединиться.

Юго-Восточная Азия и части Восточной и Западной Африки идут практически по тому же пути. Провозглашение Халифата ободрило повстанцев, но пока его влияние сильнее всего проявилось в том, что они сеют рознь внутри государств, создавая очаги, где правят Халифат и Шаритат. С азиатами сложнее. Они полагают, что открыли особый азиатский путь.

Борьба продолжается и в Палестине, несмотря на создание Палестинского государства. Сионисты по-прежнему оккупируют мусульманские земли и совместно с мусульманами контролируют Иерусалим. Европейцы думали, что смогут уклониться от столкновения цивилизаций, но теперь они видят, что растущее число мусульман в их среде поворачивается в сторону халифа. В США также есть последователи халифа из неверных, среди них дочь одного из сенаторов. США оказались меж двух огней – они пытаются подкупить сторонников Халифата, чтобы с их помощью усмирить иракских суннитов, но в то же время не хотят отдаляться от Израиля. Европа впервые оказывает давление на сионистов, говоря о санкциях против Израиля.

Весь этот шум и неразбериха очень нам на руку. Поначалу с появлением нового Халифата наши ряды сильно поредели и ядро «Аль-Каиды» оказалось не у дел, но затем началось великое множество новых сражений. Мы можем бороться, чтобы вновь завладеть мусульманскими землями, даже если халиф отступит в некоторых сражениях и проявит опасную слабость. Мы налаживаем связи с местными полевыми командирами, пользуясь их гостеприимством или выплачивая им дань, и, как правило, взамен получаем возможность делать то, что считаем нужным. Я полон надежд...

Халифату вовсе не обязательно добиться полного успеха для того, чтобы стать серьезной угрозой мировому порядку. Этот сценарий акцентирует внимание на серьезном идеологическом споре между разными культурами, который будет обостряться по мере роста религиозного самосознания.

Революция в информационных технологиях скорее всего усилит конфликт между западным и мусульманским миром.

Влияние Халифата на мусульман будет неодинаковым в разных регионах, что должно побудить западные страны выработать дифференцированный подход для борьбы с ним. Там, где мусульмане получили выгоду от глобализации, например в некоторых странах Азии и Европы, они будут поставлены перед сложным выбором между идеей духовного Халифата и материальными преимуществами глобализованного мира.

Провозглашение Халифата не приведет к снижению террористической угрозы. Наоборот, еще больше разжигая конфликт, оно может породить новое поколение террористов, готовых вести войну против врагов Халифата как внутри исламского мира, так и за его пределами.

ВСЕОБЪЕМЛЮЩАЯ НЕНАДЕЖНОСТЬ

К 2020 году мы предвидим усиление всеобъемлющего чувства ненадежности, в основе которого будут лежать как психологические восприятия, так и физические угрозы. К психологическим аспектам, на которых мы ранее останавливались в данном докладе, можно отнести опасения по поводу проблем с трудоустройством, а также страхи, связанные с миграцией населения – как среди коренных жителей, так и среди переселенцев.

Терроризм и международные конфликты могут прервать процесс глобализации, существенно увеличив расходы на безопасность при осуществлении торговли между странами, ужесточив пограничный контроль, что плохо скажется на мировой торговле и финансовых рынках. Хотя столкновение великих держав – куда менее вероятный сценарий, чем внутренние конфликты, оно также может поставить под угрозу безопасность во всем мире. Возможность распространения оружия массового поражения (ОМП) еще больше усугубит всеобъемлющее чувство незащищенности.

Трансформация международного терроризма

В течение следующих 15 лет ничто не предвещает исчезновения или ослабления основных факторов, породивших

международный терроризм. По оценке экспертов, большинство международных террористических групп будут и дальше отождествляться с радикальным исламом. Возрождение мусульманского самосознания создаст основу для распространения радикальной исламской идеологии как на Ближнем Востоке, так и за его пределами, включая Западную Европу, Юго-Восточную и Среднюю Азию.

Это возрождение сопровождается ростом солидарности между мусульманами, втянутыми в национальные или региональные сепаратистские конфликты, продолжающиеся в Палестине, Чечне, Ираке, Кашмире, Минданао или Южном Таиланде. Эти конфликты возникли как реакция на репрессии со стороны государства, коррупцию и неэффективность власти.

Захват власти радикалами в одной из мусульманских стран на Ближнем Востоке может подхлестнуть распространение терроризма в регионе и убедить людей в том, что новый Халифат – это не пустая мечта.

Неформальные сети благотворительных фондов, мадрасы, хавали и другие механизмы будут и дальше распространяться и использоваться радикалами.

Отчуждение в среде безработной молодежи станет причиной пополнения рядов террористов.

«Наибольшее беспокойство у нас вызывает тот факт, что (террористические группы) могут приобрести биологические средства или, что менее вероятно, ядерный заряд. И то и другое может привести к массовой гибели мирного населения».

Существуют явные указания на то, что нескрываемое желание исламских радикалов спровоцировать транснациональный мятеж, иными словами, стремление мусульманских экстремистов свергнуть ряд якобы отступнических светских правительств в странах с преобладанием мусульманского населения, будет находить отклик в сердцах многих мусульман.

Сопrotивление глобализации и политике США может сплотить и расширить ряды тех, кто сочувствует террори-

стам, сотрудничает с ними и финансирует террористические структуры.

«Мы ожидаем, что к 2020 году на смену «Аль-Каиде» придут не менее фанатичные, но более децентрализованные группы исламских экстремистов».

Множество действующих лиц

Давление со стороны объединенных контртеррористических сил, а также новые достижения в области информационных технологий приведут к увеличению децентрализации террористической угрозы, которая эволюционирует в эклектичный набор группировок, ячеек и отдельных личностей. Террористы не будут нуждаться в стационарном штабе для планирования и осуществления своих операций, пользуясь убежищами, рассредоточенными по всему миру. Учебные материалы, определение объектов для нападения, инструкции по созданию и обращению с оружием, а также сбор финансовых средств будут все в большей степени становиться виртуальными и распространяться по Интернету.

Костяк «Аль-Каиды», возможно, будет и дальше уменьшаться, но другие региональные группировки, вдохновленные «Аль-Каидой», а также отдельные личности, которых обычно называют «джихадистами» (объединенные общей ненавистью к умеренным режимам и Западу), скорее всего и будут проводить террористические атаки. Члены «Аль-Каиды», которые прошли подготовку в лагерях Афганистана, постепенно уступят место опытным бойцам, прошедшим через иракский конфликт. Мы ожидаем, что к 2020 году на смену «Аль-Каиде» придут не менее фанатичные, но более рассредоточенные группы исламских экстремистов. Все они будут сопротивляться распространению глобализации в исконно мусульманских обществах.

Ирак и другие вероятные зоны конфликтов смогут обеспечить в будущем приток свежих новобранцев, лагеря подготовки, технические навыки и хорошее владение языком для нового поколения «профессиональных» террористических отрядов, для которых политическое насилие станет самоцелью.

Иностранцы джихадисты – люди, готовые воевать всюду, где, как им кажется, мусульманские земли находятся под ударом тех, кого они называют «неверными захватчиками», получают все большую поддержку со стороны мусульман, вовсе не обязательно одобряющих терроризм.

Даже если количество экстремистов уменьшится, террористическая угроза скорее всего останется. Через Интернет и другие технологии беспроводной связи злоумышленники смогут быстро находить и собирать сторонников в более широком, даже всемирном масштабе, причем делать это незаметно. Быстрое распространение биологических и других смертельно опасных технологий увеличит возможности человека, не связанного ни с какой конкретной террористической группировкой, учинить гибель многих людей.

Оружие, тактика и цели

В прошлом террористические организации полагались на государственную поддержку в деле подготовки, вооружения, материально-технического снабжения, обеспечения необходимыми документами и финансирования их операций. В глобализирующемся мире такие группы, как «Хизбаллах», становятся все более независимыми в удовлетворении своих потребностей и могут действовать подобно государствам, при этом «правдоподобно отказываясь от ответственности», снабжая другие группы, действуя через третьих лиц для достижения своих целей, и даже сотрудничать с правительствами по дипломатическим каналам.

Большинство террористических актов будет по-прежнему совершаться преимущественно конвенциональными видами оружия, но с использованием новых приемов, сбивающих с толку тех, кто планирует контртеррористические мероприятия. Скорее всего террористы проявят наибольшую изобретательность не в применении технологий или видов вооружения, а в оперативных идеях их осуществления, иначе говоря, в том, что касается размаха, замысла или логистики своих атак.

Одна из таких идей, которая скорее всего получит дальнейшее развитие, заключается в проведении большого ко-

личества одновременных терактов в как можно более удаленных друг от друга местах.

Хотя импровизированные взрывные устройства, смонтированные на транспортных средствах, по-прежнему останутся популярными в качестве асимметричного оружия, террористы скорее всего поднимутся выше по технологической лестнице и будут применять новые взрывчатые вещества и беспилотные воздушные аппараты.

«Следовательно, использование террористами биологически активных веществ весьма вероятно, и диапазон их будет расширяться».

Религиозное рвение мусульманских экстремистов будет усиливать их желание совершать теракты, приводящие к большому числу жертв. Как известно из истории, терроризм, имеющий религиозную подпитку, наиболее губителен, поскольку такие группы не связывают себя почти никакими ограничениями.

Наиболее тревожным трендом является сильное стремление некоторых террористических группировок завладеть оружием массового поражения. Самое большое беспокойство вызывает то, что эти группы могут приобрести биологически активные вещества или, что менее вероятно, ядерное устройство, что может стать причиной массовых жертв.

Биотерроризм, очевидно, больше всего подходит для небольших, хорошо информированных групп. На самом деле лаборатория биотеррориста может вполне уместиться на домашней кухне, а созданное там оружие может быть по размеру меньше тостера. Следовательно, использование террористами биологически активных веществ весьма вероятно, а их диапазон будет расширяться. Так как диагностика сибирской язвы или оспы производится лишь через определенный период времени после заражения, при «кошмарном сценарии» террористическая атака может быть успешно проведена задолго до того, как власти о ней узнают.

Применение устройств радиологического рассеивания может быть эффективным для создания паники из-за ши-

роко распространенного заблуждения касательно реальной возможности гибели множества людей в результате такой атаки.

По мере продвижения исследований в области создания упрощенного ядерного оружия террористы продолжают искать способы заполучить ядерное топливо для конструирования своего ядерного оружия. Одновременно с этим следует ожидать, что они будут продолжать попытки закупить или украсть ядерное оружие, особенно в таких странах, как Россия или Пакистан. Учитывая вероятность того, что террористы сумеют заполучить ядерное оружие, нельзя исключать и возможности его применения экстремистами до 2020 года.

Мы также ожидаем, что террористы попытаются освоить или развить свои способности проведения кибератак с целью нанесения физического вреда компьютерным системам и разрушения важных информационных сетей.

Главной целью террористов останутся Соединенные Штаты и их интересы за рубежом, но может также увеличиться число терактов, направленных против ближневосточных режимов и западноевропейских стран.

Организованная преступность

Изменяющиеся геостратегические паттерны будут определять глобальный характер преступной активности на протяжении следующих 15 лет. Скорее всего организованная преступность будет процветать в странах, богатых природными ресурсами, претерпевающих существенные политико-экономические преобразования, таких как Индия, Китай, Россия, Нигерия и Бразилия, а также Куба, если в ней будет покончено с однопартийной системой. Некоторые из бывших стран Советского Союза и Варшавского Договора также будут оставаться подверженными высокому уровню организованной преступности.

Государства, переходящие к однопартийным системам – например, любое вновь образованное исламское государство, – будут уязвимы для коррупции и сопровождающей ее организованной преступности, особенно если их идеология предусматривает существенное участие государства в экономике.

Меняющиеся миграционные потоки могут способствовать возникновению некоторых видов организованной преступности в странах, в которых до этого она не была развита. Преступные группировки, организованные по этническому принципу, обычно выходят на членов собственных диаспор и используют их для укрепления своих позиций в новых регионах.

Некоторые синдикаты организованной преступности будут образовывать временные альянсы друг с другом. Они будут пытаться коррумтировать лидеров нестабильных, экономически слабых или разваливающихся государств, проникать в проблемные банки и компании, эксплуатировать информационные технологии и сотрудничать с повстанческими движениями для установления контроля над значительными географическими областями.

Обычно группы организованной преступности не стремятся к ниспровержению правительств, напротив, они процветают в тех странах, где правительства коррумпированы, неспособны или не желают последовательно утверждать власть закона.

Преступные синдикаты, особенно те, которые занимаются наркоторговлей, могут устанавливать, по сути дела, полный контроль над теми регионами внутри слабых государств, которые центральная власть не способна контролировать.

Если правительства стран, обладающих ОМП, утратят контроль над частью своего арсенала, опасность торговли ядерным, биологическим или химическим оружием мафиозными группировками значительно увеличится в период от настоящего момента до 2020 года.

Мы ожидаем, что между террористами и членами преступных банд будут возникать преимущественно деловые отношения, то есть террористы будут обращаться к преступникам за поддельными документами, контрабандным оружием или тайной помощью в перемещениях по земному шару в тех случаях, когда они не смогут самостоятельно добывать эти товары и услуги. Однако маловероятно, что организованные преступные группировки будут образовывать долговременные стратегические альянсы с терро-

ристами. Главным мотивом организованной преступности является стремление делать деньги, и она склонна считать любую деятельность, мешающую ей получать прибыль, вредной для бизнеса. Со своей стороны лидеры террористов обеспокоены тем, что связи с «нейдейными» партнерами увеличивают шансы полиции на успешное проникновение в их замыслы, а также тем, что прибыль может развратить идейных членов.

Кибервойны?

В течение следующих 15 лет все большее число действующих лиц, включая террористов, смогут приобретать и развивать возможности для осуществления физических и кибератак на узлы мировой информационной инфраструктуры – Интернет, телекоммуникационные сети и компьютерные системы, управляющие важными промышленными процессами, такими как электросети, нефтеперерабатывающие заводы и механизмы защиты от наводнений. Террористы уже определили своей мишенью информационную инфраструктуру США и в настоящее время способны осуществлять физические атаки, которые могут вызвать как минимум кратковременные, не связанные между собой сбои. Для реагирования на эти атаки потребуется создание особых технологий, которые позволят закрыть брешь между нападающим и защищающимся.

Главным кибернетическим полем битвы будущего станет информация в самих компьютерных системах, которая является куда более ценной и уязвимой, нежели сами системы. Обозначившиеся на горизонте новые технологии дают возможность доступа к данным посредством беспроводного перехвата, вторжения в системы, подключенные к Интернету, или путем прямого доступа к ним неблагонадежных сотрудников.

Углубление внутренних конфликтов

Отсталые экономики, этнические объединения, крайние религиозные убеждения и непропорциональное число молодежи – все эти факторы в совокупности создадут идеальные негативные условия, которые с большой вероятно-

стью могут вызвать внутренний конфликт. Тем не менее от способности государств управлять ситуацией будет фактически зависеть как сама возможность возникновения, так и максимальный размах этих конфликтов. Те государства, которые не отвечают ожиданиям своих народов и не способны разрешить или умиротворить их противоречивые требования, скорее всего столкнутся с наиболее тяжелыми и частыми всплесками насилия. Большей частью эти наиболее подверженные насилию государства расположены в «большом полумесяце нестабильности», протянувшемся от африканских стран, расположенных к югу от Сахары, через Северную Африку на Ближний Восток, Балканы, Кавказ, через Южную и Центральную Азию вплоть до некоторых частей Юго-Восточной Азии. Страны этих регионов в основном находятся «вне контура» глобализации.

Число внутренних конфликтов значительно уменьшилось по сравнению с концом 80-х и началом 90-х годов, когда развал СССР и падение коммунистических режимов в Центральной Европе дали возможность разгореться пожару этнической и националистической вражды. Несмотря на то что было достигнуто некоторое равновесие, продолжающееся преобладание неблагоприятных и слабых в институциональном смысле государств создает благоприятные условия для возникновения таких конфликтов в будущем.

«Отсталые экономики, этнические объединения, крайние религиозные убеждения и непропорциональное число молодежи – все эти факторы в совокупности создадут идеальные негативные условия, которые с большой вероятностью могут вызвать внутренний конфликт».

Зачастую внутренние конфликты оказываются особенно жестокими, затяжными и не поддающимися урегулированию. Они часто порождают внутреннюю миграцию и потоки беженцев-эмигрантов, которые дестабилизируют обстановку в соседних странах.

В африканских странах, расположенных к югу от Сахары, по-прежнему велик риск возникновения новых или

усугубления уже имеющихся гуманитарных катастроф, вызванных разнообразными конфликтами. Конфликты, которые носят характер геноцида, направленные на полное или частичное истребление расовой, религиозной или этнической группы, и конфликты, вызванные другими преступлениями против человечества – такими как насильственное крупномасштабное изгнание местного населения, – особенно чреваты возникновением больших миграционных потоков и крупных гуманитарных катастроф.

«В 2020 году Африка... будет все больше напоминать лоскутное одеяло ввиду значительных различий в политических и экономических аспектах».

Некоторые внутренние конфликты, особенно конфликты с участием этнических групп, разделенных государственными границами, рискуют обернуться региональными конфликтами. В своем самом крайнем проявлении внутренние конфликты могут привести к ослаблению или развалу государства, в результате чего большие территории лишатся эффективного государственного контроля. В таких случаях эти территории могут стать прибежищем для транснациональных террористических организаций (таких как «Аль-Каида» в Афганистане) или для преступников и наркокартелей (как это происходит в Колумбии).

Возвышение держав – залог конфликтов?

Вероятность того, что конфликт между великими державами может перерасти в мировую войну в течение следующих 15 лет, в настоящее время меньше, чем в любой период прошлого столетия, не говоря уже о предыдущих веках, когда от искры местных конфликтов вспыхивали мировые войны. Жесткие системы союзов до Первой мировой войны и в период между двумя войнами, а также противостояние двух блоков во время холодной войны практически гарантировали, что местные конфликты будут приобретать более широкий характер. Однако теперь, даже если вспыхнет конфликт по поводу Тайваня или между Индией и Пакистаном, сторонние державы, да и сами за-

действованные в нем стороны попытаются ограничить его масштабы.

Кроме того, растущая зависимость от глобальных финансово-торговых сетей будет все больше сдерживать конфликты между великими державами — Соединенными Штатами, Европой, Китаем, Индией, Японией и Россией. Однако это не исключает возможности конфликта между великими державами. Отсутствие в некоторых регионах эффективных механизмов разрешения конфликтов, рост национализма в ряде государств, а также эмоциональная напряженность с обеих сторон некоторых конфликтов увеличивают вероятность просчетов.

Хотя военная конфронтация между Китаем и Тайванем будет означать крах усилий Пекина добиться признания своей роли региональной и мировой державы, мы не можем полностью исключить такой возможности. К примеру, провозглашение Тайванем независимости может заставить Пекин предпринять шаги, от которых он в противном случае воздержался бы, точно так же, как и наращивание военной мощи Китая будет усиливать у его лидеров желание применить ее против Тайваня, увеличивая риск возникновения вооруженного конфликта.

«Прогресс в области современного вооружения — более широкий радиус действия, точность доставки и возросшая разрушительная сила конвенциональных боеприпасов — создает условия, провоцирующие упреждающее применение военной силы».

Похоже, что Индия и Пакистан понимают, какую цену им обоим придется заплатить в том случае, если между ними вспыхнет вооруженный конфликт. Однако националистические эмоции в этих странах очень сильны и вряд ли будут идти на спад. Согласно одному из вероятных сценариев, Пакистан может применить ядерное оружие, чтобы не допустить успешных действий индийских вооруженных сил, которые численно значительно превосходят пакистанскую армию, особенно если учесть отсутствие у Пакистана основательной стратегической глубины.

В случае возникновения конфликта с участием одной или более великих держав последствия могут быть значительными. Прогресс в области современного вооружения – более широкий радиус действия, точность доставки и возросшая разрушительная сила конвенциональных боеприпасов – создает условия, провоцирующие упреждающее применение военной силы. Увеличение радиуса действия новых ракет и авиационных систем доставки зарядов обеспечивает неуязвимость тем, кто владеет этим оружием.

До тех пор пока стратегическая оборона не станет такой же прочной, как стратегическое наступательное вооружение, расширение географических рамок конфликтов будет таить в себе большие преимущества, так как в этом случае нападающие могут лишиться своего безопасного положения. Кроме того, ряд последних высокотехнологичных конфликтов продемонстрировал, что исход первых сражений в крупных конфликтах часто предопределяет успех всей кампании. Поэтому военные эксперты считают, что упреждающий удар необходим для достижения стратегического успеха.

Как могут встать на путь прогресса африканские страны, расположенные к югу от Сахары?

Большинство региональных экспертов считают, что в соответствии с наиболее вероятным сценарием в 2020 году Африка будет все больше напоминать лоскутное одеяло ввиду того, что различия в политических и экономических условиях между разными странами будут очень велики.

Способность Африки извлечь пользу из положительных сторон глобализации будет зависеть от того, в какой мере отдельным странам удастся положить конец конфликтам, улучшить управление, обуздать коррупцию и установить власть закона. Если в этих областях будет достигнут прогресс, станет возможным расширение иностранных инвестиций, которые в настоящий момент в основном ограничиваются нефтяным сектором. Наши региональные эксперты выразили убеждение, что если бы африканские лидеры использовали эти инвестиции для стимулирования

экономического роста, открыв иные – помимо государственной мощи – пути к обогащению, они смогли бы смягчить уйму других проблем, с которыми сталкиваются их страны, снижая уровень конфликта в обществе перспективами грядущего процветания.

Ключевым моментом будет оставаться расширенное развитие имеющихся или новых источников богатства. Хотя минеральные и природные ресурсы неравномерно распределены между этими странами, в целом они богаты ими и имеют возможность не только обеспечить своих жителей продовольствием, но и стать крупными экспортерами сельскохозяйственной, животноводческой и рыбной продукции. Снижение или устранение тарифных барьеров и сельскохозяйственных субсидий в Европейском союзе и Соединенных Штатах в сочетании с потребностями в сырье со стороны быстро растущих экономик Китая и Индии может дать мощный импульс африканским экономикам и позволить им преодолеть десятилетия заниженных цен на товары.

Африканские эксперты соглашаются с тем, что экономическая реформа и хорошее управление – необходимые условия высокого экономического роста. Кроме того, эксперты приходят к выводу, что африканские страны должны взять на себя инициативу обсуждения новых условий оказания им помощи и торговых отношений, которые до недавнего времени диктовались преимущественно международными финансовыми институтами и развитыми странами. Новое Партнерство для Развития Африки (NEPAD) с его механизмом экспертных оценок является одним из таких механизмов, необходимых для осуществления экономического преобразования. Нужно только, чтобы отдельные его члены уважали взятые на себя индивидуальные и коллективные обязательства.

В течение следующих 15 лет демократические реформы в Африке по-прежнему будут протекать медленно, оставаясь несовершенными во многих странах по причине множества социально-экономических проблем. Однако крайне маловероятно, что демократия как норма жизни в Африке будет поставлена под сомнение. Африканские лидеры

сталкиваются с альянсами международных и внутренних негосударственных организаций, порой старающихся подменять собой правительственные службы, с криминальными сетями, не знающими границ, и, наконец, с исламистскими группировками, желающими создать для себя надежное убежище. Некоторые государства в результате этого могут потерпеть крах, но в других странах качество демократии будет возрастать. Новое поколение лидеров включает в себя многих деятелей частного сектора, которые чувствуют себя намного комфортнее в условиях демократии, чем их предшественники, и могут придать развитию демократии мощный внутренний динамизм.

Самым непредсказуемым фактором будет оставаться руководство. Даже при самом неблагоприятном раскладе хорошее руководство может сыграть в высшей степени положительную роль. Хотя странам с плохим руководством будет трудно избежать неудач, государства с хорошим руководством, которое укрепляет правопорядок, государственные институты и успешно разрешает внутренние конфликты, по крайней мере, получают шанс двигаться вперед.

Фактор ОМП

Ядерное оружие. В течение следующих 15 лет ряд стран продолжат свои программы по созданию ядерного, химического и биологического оружия и в некоторых случаях увеличат свои возможности. Страны, обладающие в настоящее время ядерным оружием, продолжают повышать живучесть своих сил сдерживания и почти наверняка увеличат надежность, точность и поражающую мощь систем доставки, а также разовьют способности преодоления ракетной обороны. Открытая демонстрация ядерных возможностей со стороны какого-либо государства еще больше дискредитирует нынешние договоренности о нераспространении, вызовет сдвиг в балансе сил и повысит риск перерастания конфликтов в ядерное противостояние.

Страны, не имеющие ядерного оружия, особенно государства Ближнего Востока и Северо-Восточной Азии, могут принять решение любой ценой приобрести его, когда

станет ясно, что их соседи и региональные соперники уже работают в этом направлении.

Помощь распространителей, включая бывших частных предпринимателей, таких, как А.К. Хан со своей сетью, сократит время, необходимое другим странам для того, чтобы обзавестись собственным ядерным оружием.

«Страны, не имеющие ядерного оружия... могут принять решение любой ценой приобрести его, когда станет ясно, что их соседи и региональные соперники уже стремятся к этому».

Химическое и биологическое оружие. Разработки в области химически и биологически активных средств и распространение связанных с этой областью знаний будут представлять существенную угрозу, особенно со стороны террористов, как мы уже отмечали выше.

Учитывая цель некоторых террористических группировок использовать оружие, которое можно применять скрытно, нанося ощутимый удар исподтишка, мы ожидаем, что террористы применят некоторые легкодоступные виды биологического и химического оружия.

Страны продолжают осуществлять программы по производству химически и биологически активных средств в легитимных коммерческих инфраструктурах, чтобы лучше скрыть их от проверок, и при осуществлении этих программ они будут меньше полагаться на зарубежных поставщиков.

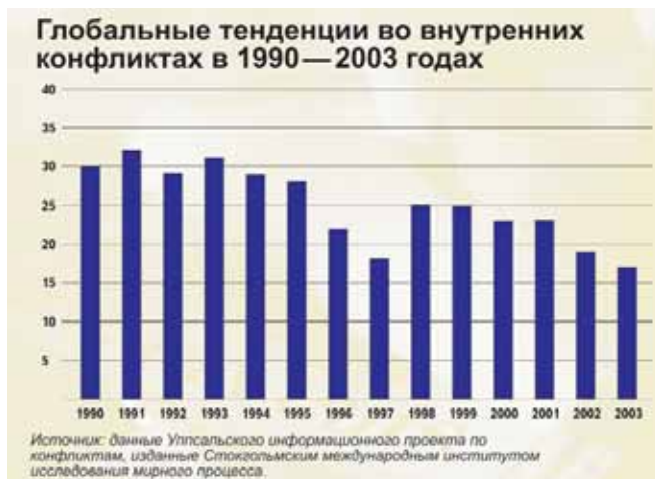
Крупные достижения в области биологических наук и информационных технологий, возможно, ускорят темпы разработки биологического оружия. Они также повысят возможности создания таких средств, которые намного труднее обнаружить и от которых труднее защититься. Вплоть до 2020 года некоторые страны продолжают попытки разработать химические средства в обход режима инспекций, введенного в соответствии с Конвенцией о запрещении химического оружия.

Системы доставки. Безопасность будет по-прежнему под угрозой со стороны все более совершенных и смертоносных баллистических и крылатых ракет, а также со стороны

беспилотных летательных аппаратов (БЛА). Государства почти наверняка продолжат увеличивать радиус действия, надежность и точность ракетных систем, имеющих в их арсенале. К 2020 году еще несколько неблагоденственных стран, возможно, приобретут крылатые ракеты для ударов по наземным целям, способные представлять угрозу для безопасности США, если их доставить ближе к американскому побережью.

«Разработки в области химически и биологически активных средств и распространение связанных с этой областью знаний будут представлять существенную угрозу, особенно со стороны террористов...».

Как Северная Корея, так и Иран станут обладателями межконтинентальных баллистических ракет (МБР) задолго до 2020 года и будут работать над усовершенствованием таких возможностей, хотя новые режимы в обеих странах могут пересмотреть эти цели. Несколько других стран скорее всего разработают средства вывода на орбиту космических аппаратов к 2020 году, для того чтобы за-

пустить свои спутники и повысить свой национальный престиж. Системы запуска космических аппаратов являются главной ступенью на пути создания МБР, они могут использоваться в качестве ракеты-носителя в разработке МБР.

Кризис международных институтов

Растущее давление на международные организации сделает многие из них недееспособными, и эта ситуация может быть изменена только путем радикальной их перестройки с целью учета новых игроков и новых приоритетов. Перед региональными организациями встанет особо острая задача противостояния транснациональным угрозам, которые возникают в связи с экономическими потрясениями, терроризмом, организованной преступностью и распространением ОМП. Такие послевоенные образования, как Организация Объединенных Наций и международные финансовые учреждения, рискуют стать безнадежно устаревшими, если не будут учитывать растущую мощь поднимающихся держав.

Как сторонники, так и противники принципа многосторонних отношений согласны с тем, что события в Руанде, Боснии и Сомали продемонстрировали неэффективность, неподготовленность и слабость глобальных и региональных институтов в деле погашения такого типа конфликтов, которые скорее всего в будущем станут наиболее распространенными.

Проблема недееспособности государства, которая служит источником или инкубатором целого ряда транснациональных угроз, требует лучшей координации между этими организациями, в том числе международными финансовыми институтами и учреждениями региональной безопасности.

Достижение мирового консенсуса в вопросе о том, как и когда нужно вмешиваться, скорее всего будет тяжелейшим, но необходимым, по мнению многих экспертов, условием более эффективной работы международных учреждений, если только они хотят реализовать весь свой потенциал и возлагаемые на них надежды. Многие госу-

дарства, особенно формирующиеся державы, обеспокоены созданием прецедентов внешнего вторжения, которые могут быть использованы против них. Тем не менее большинство таких проблем, как, например, угроза существованию государства, могут быть успешно решены лишь посредством своевременного распознавания и принятия превентивных мер.

Другие вопросы, которые скорее всего будут включены в международную повестку дня, будут оказывать дополнительное давление как на коллективный мировой порядок, так и на отдельные страны. Эти «новые» вопросы могут стать главным содержанием международной дипломатии, подобно тому как вопросы прав человека стали главным предметом обсуждения в 70-е и 80-е годы. Этические вопросы, связанные с биотехнологическими открытиями, такими как клонирование, ГМП и доступ к биомедицинским препаратам, могут вызвать жаркие дебаты между отдельными странами и целыми регионами. По мере наращивания технологических возможностей государства осуществлять слежение за террористами мировую общественность будут все больше беспокоить такие вопросы, как защищенность сферы личной жизни и экстерриториальность. Точно так же дебаты по проблемам экологии, связанные с потеплением климата, представляют угрозу для мирового порядка, сталкивают США с их традиционными европейскими союзниками, усиливают негативное отношение развивающегося мира к развитым странам. Только налаживание более эффективного международного сотрудничества позволит избежать обострения этих отношений. Поднимающиеся державы могут усматривать в этических и экологических спорах стремление богатых стран замедлить их прогресс и навязать им «западные» стандарты и ценности. Возможно, все острее будет ощущаться необходимость институциональной реформы. Многие в странах развивающегося мира считают, что полномочия международных организаций отражают не нынешние реалии, а те, которые сложились после окончания Второй мировой войны.

Экологическая обстановка после боевых действий представляет собой серьезную проблему

Судя по событиям прошедшего десятилетия, ведение военных действий и победа конвенциональными методами не будут представлять особой трудности для Соединенных Штатов в грядущие 15 лет в свете наших избыточных возможностей ведения такой войны. Однако усилия мирового сообщества по предотвращению возникновения войн и гарантированию того, чтобы конфликты становились прелюдией к новым войнам, могут остаться труднодостижимыми.

Национальное строительство в лучшем случае является несовершенной идеей, тем более с ростом значения культурных, этнических и религиозных идентичностей.

«Такие послевоенные образования, как Организация Объединенных Наций и международные финансовые учреждения, рискуют стать безнадежно устаревшими, если не будут учитывать растущую мощь поднимающихся держав».

Усилия Африки по созданию региональных миротворческих сил несколько обнадеживают, но африканским странам, расположенным к югу от Сахары, будет трудно привлечь достаточные ресурсы и политическую волю.

Колоссальные материальные и временные затраты, необходимые для осмысленного национального строительства или проведения операций по стабилизации положения после конфликта и/или краха государственного устройства, скорее всего будут накладывать серьезные ограничения на такую коалицию или международные обязательства.

Правила ведения войны: вторжение на «ничейную территорию»

Учитывая, что большинство вооруженных конфликтов принимают нетрадиционные или необычные формы, такие как гуманитарные интервенции и операции с целью искоренения баз и лагерей террористов в отли-

чие от традиционных военных действий с участием противоборствующих стран, принципы применения и использования военной силы будут все больше ставиться под сомнение. Международное право, свято охраняющее территориальную целостность государств, и Женевская конвенция, регламентирующая ведение войн, были разработаны до возникновения угроз международной безопасности наподобие тех, с которыми мы столкнулись в XXI веке.

В конце 90-х годов ажиотаж вокруг сербского президента Милошевича, плохо обошедшегося с косовскими албанцами, способствовал большему принятию принципа международных гуманитарных интервенций. Сторонники традиции «справедливых войн», доказывавшие сразу после создания ООН и до этого, что долг мирового сообщества – вмешиваться в такие ситуации с целью предотвращения массовых нарушений прав человека, получили сильные козыри в свои руки. Однако этот принцип энергично оспаривается другими странами, обеспокоенными возможностью нарушения принципа национального суверенитета.

Юридический статус и права людей, взятых в плен во время военных операций и подозреваемых в террористической деятельности, будут также предметом споров, как случилось во время военной операции в Афганистане. Споры о том, в какой степени можно считать террористами религиозных лидеров и других лиц, подстрекающих к насилию, также выйдут на передний план.

Война в Ираке подняла вопрос о статусе растущего числа контрактников, используемых американскими военными для обеспечения безопасности, для укомплектования центров содержания под стражей военнопленных, а также для допроса военнопленных или задержанных лиц.

Защита негосударственных организаций (НГО) во время конфликта – это еще один вопрос, который становится все более запутанным ввиду того, что благотворительная деятельность, осуществляемая, например,

ваххабитскими миссионерами, финансирующими террористов, вызвала бурю критики и принудительные действия, в то время как западные и другие НГО стали легкоуязвимыми мишенями в зоне конфликтов.

Роль Соединенных Штатов в попытке установить свои нормы сама по себе является вопросом, который может усложнить усилия мирового сообщества прийти к согласию касательно нового набора правил. Отсутствие четких и понятных правил будет препятствовать сдерживанию и ограничению масштабов и жестокости конфликтов.

ВООБРАЖАЕМЫЙ СЦЕНАРИЙ «КОНТУР СТРАХА»

Сценарий пытается представить, что может случиться, если озабоченность по поводу распространения ОМП дойдет до такой точки, что заставит предпринимать крупномасштабные меры безопасности. В таком мире будет все труднее осуществлять свою деятельность нелегальным торговцам оружием, но в то же время по мере распространения ОМП все большее число стран захотят вооружиться им для защиты своих интересов.

Этот сценарий построен на серии текстовых посланий, которыми обмениваются между собой два торговца оружием.

Основа идеологической позиции одного из них состоит в том, что игра должна вестись на равных, и поэтому мусульманский мир должен обладать своим арсеналом ОМП, в то время как другой работает только ради денег.

Ни один из них не знает точно, кто является конечным получателем их товара – государственный клиент или террористический фронт. По мере развития этого сценария контур страха, начало которому положила террористическая атака с применением ОМП, стремительно развивается к пущей выгоде торговцев оружием, у которых наклеиваются очень выгодные сделки.

Однако страх порождает страх. Драконовы меры, к которым все чаще прибегают правительства ради того, чтобы остановить распространение ОМП и защититься от терроризма, вселяют страх в сердца торговцев оружием. Главной жертвой такого сценария становится глобализация.

Два торговца оружием заняты противозаконными действиями неопределенного характера...

А: Ты тут?

Б: На меня уже вышел Марко. Это будет трудно.

А: Что? С доставкой будет трудно?

Б: Нет, с транспортировкой. За мной следит слишком много глаз.

...и понимают, что их дело становится все более сложным.

А: Не смей меня. Ты же в одной из самых бедных стран.

Б: Без тебя знаю. В Дубае все было очень цивилизно, а сейчас там невозможно работать.

А: Эти террористы нас разоряют. Эта цепочка терактов всполошила всех, не только американцев.

Б: Откуда ты знаешь, что сам к этому непричастен?

А: Не могу быть уверен, но думаю, что мои целевые клиенты все же другие.

Посредник А склонен считать, что работает на правительство некой страны. Возможно, интересующий его товар – это ядерные технологии. В то же время он признается, что и террористы заинтересованы в сотрудничестве с ним.

Б: Знаю, ты внутри системы. Я в этом деле исключительно из-за денег. Наплевать, кто их платит, главное, чтоб платили.

А: Я хочу, чтобы мой народ и мою веру уважали. Бомба нужна для этого.

Б: Отмстить крестоносцам?

А: В том числе. Кстати, янки нам подфартили. Их воинственная риторика задела моего клиента. Теперь ему не терпится. Чем больше разговоров о военных действиях, тем лучше, по-моему. У меня есть и другие заинтересованные покупатели. Скажем прямо – сомнительные типчики.

Посредник Б предупреждает о том, что под влиянием терактов

мировое общественное мнение склоняется в пользу более жестких мер против распространения ядерного оружия из-за случившихся террористических атак...

Б: Зря ты так уверен. Благодаря террористам Америка получила большую поддержку. К тому же люди опасаются атак, особенно биологических.

А: Ага, это был сокрушительный удар по сверхдержаве. Даже если это и не ОМП, все думают, что это оно и есть. Я слышал, что это обыкновенный ящур. Поначалу еще трудно отличить одно от другого.

Б: Да, выкинуло за борт. И все-таки мне тревожно. Даже в мусульманских странах многим тревожно. Америке ведь тоже досталось по-настоящему. Большой удар случился еще до истории с ящуром. Их новый закон о патриотизме такой, что даже после 11 сентября и трудно было представить.

Оба посредника явно встревожены новыми техническими средствами, с помощью которых их деятельность можно отследить.

А: Я вот чипа опасуюсь.

Б: Тебе внедрили чип?

А: Нет, но я не верю их разглагольствованиям про защиту приватности. Слишком много всего случилось. Комендантский час. Разговоры об упредительных атаках. Прошлогодние военные действия – начало длинной цепочки.

Б: Американцам нельзя доверять, а у них по всему миру куча помощников.

А: Может, и не такая уж куча, как им хочется думать, ну ты меня понял.

Посредник А пытается посмотреть на вещи оптимистично. Хотя в результате терактов и жесткого закручивания гаек в мире начинается спад, он думает, что может заняться легальным бизнесом.

А: Но ведь для бизнеса это неплохо.

Б: Для какого именно бизнеса? У меня есть несколько бизнесов.

А: Ты прав. Множество легальных дел всплывает кверху

брюхом. Где она, эта глобализация-то? Хе-хе.

Посредник А возвращается к вопросу о том, почему участвовавшие теракты повлекли за собой повышение интереса со стороны правительства к программам производства ОМП.

А: Многие страны не прочь застраховаться.

Б: От действий Большого Брата.

А: Большого Брата и всякой рыбешки помельче.

Б: То есть?

А: Мой клиент жутко боится террористов с их возможностями.

Б: Да, кое-кто из них стал сам себе мини-государство.

А: ...или ими управляет.

На этом беседа прерывается.

Месяц спустя. Посредник А снова разговаривает с посредником Б. Марко, мельком упомянутый в предыдущей беседе, сменил реквизиты и теперь известен как Саид – настоящее ли это его имя, неизвестно. Замечание посредника о том, что между Марко и Саидом нет ничего общего, несомненно, шутка, понятная обоим собеседникам. Затем первый посредник возвращается к своей излюбленной мысли о том, что коллапс мировой экономики сильно поспособствовал развитию незаконного бизнеса. Легальные производители оружия теперь склонны закрывать на многое глаза и продавать технологии двоякого назначения даже тогда, когда не уверены в том, кто именно является целевым покупателем. Посредники обновили свои средства коммуникации.

А: На тебя Саид выходил?

Б: Ага. Ничего общего с Марко, конечно.

А: Кризис нам на руку.

Б: То есть?

А: До корпораций стало легче добраться.

Б: Сознательно или неосознанно?

А: Пожалуй, сознательно, но с правдоподобными отмазками.

Б: Протащил товар?

Посредник А, несомненно, намеренно шифруется, говоря о предмете разговора, опасаясь, перехвата. Вероятно, товар имеет отношение к ядерным технологиям или иным незаконным товарам.

А: Некоторая заминка с сертификацией. Парень из корпорации сказал, что его приперли к стенке вопросами. Но он молоток. Говорит, фэбээровцы ничего не заподозрили.

Б: При чем тут фэбээровцы? Ведь транзит был не через Америку.

Отсюда следует, что власти в некоторых странах до сих пор оказывают посредникам содействие, несмотря на закручивание гаек и декларируемое сотрудничество с США.

А: Да, но те отслеживали транзит через партнеров. В той стране им кое-кто помог. Надо быть особенно осторожными эти дни. Они путаются в наших именах. Не могут уследить – Марко, Сауд, Мохаммед. Непривычно для уха.

Еще месяц спустя.

А: Эй, ты там? Ты где?

Непонятно – то ли сообщение не дошло до адресата, то ли посредник Б ушел в подполье, то ли был задержан органами безопасности. Посредник А начинает нервничать.

Контур страха, генерируемый широким распространением ОМП и террористических атак, будучи запущен, станет «крепким орешком». Возросшее чувство незащищенности может побудить многие страны к приобретению ОМП для защиты и сдерживания.

Борьба с распространением ОПМ будет осложняться идеологическим фактором, суть которого объясняется на примере одного из посредников в приведенном выше сценарии. Некоторые посредники будут заниматься этим делом не ради денег, а ради того, чтобы уравновесить возможности мусульманского мира и Запада.

Важно будет не позволить чрезвычайным мерам безопасности встать на пути международной торговли, так как любое существенное снижение экономической активности может побудить законопослушных предпринимателей и ученых прибегнуть к очень высокодоходной, хотя и нелегальной деловой активности.

Развитие и поддержание международного сотрудничества будет трудной задачей в условиях, когда контур страха будет подталкивать некоторых к обособленным действиям.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В период, отделяющий нас от 2020 года, мировой порядок будет претерпевать гораздо больше изменений, чем за все время, прошедшее после окончания Второй мировой войны. Прогнозируя будущее, мы видим, что перспектива глобального процветания и низкая вероятность конфликта между великими державами обеспечивают в целом благоприятную обстановку для решения лежащих на пути трудностей. Невзирая на серьезные проблемы, Соединенным Штатам, в частности, будет легче, чем большинству других стран, приспособиться к изменяющейся обстановке в мире.

Как показывают наши сценарии, существует несколько путей формирования основных глобальных изменений, их углубления или поддержания силами, работающими на перемены, в грядущие 15 лет. В некотором смысле эти сценарии представляют собой четыре разных увеличительных стекла, которые помогают выделить в событиях будущего именно тот ряд основных факторов, непоследовательных изменений и неопределенностей, которые и будут формировать новый мировой порядок. Через одно такое стекло мы видим глобализацию экономики, через второе – роль гаранта безопасности в мире, которую играют Соединенные Штаты, через третье – роль социальной и религиозной идентичности, и, наконец, че-

рез четвертое мы видим разрушение мирового порядка по вине возрастающей небезопасности. Эти линзы помогают нам сфокусироваться на лежащих впереди «стрелках», после которых события «покатятся» по тем или иным рельсам. К таким наиболее важным поворотным моментам относятся влияние устойчивого экономического роста и распространения технологий, сущностный смысл и масштабы терроризма, жизнеспособность или слабость государств, в частности на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и в Африке, а также потенциальная угроза распространения конфликтов, включая межгосударственные конфликты.

В конечном счете, например, согласно развитию ситуации по сценарию «Давосский мир», устойчивый рост экономики, вероятно, сможет помочь преодолеть барьеры и вовлечет большее количество стран и регионов в новый мировой порядок. С другой стороны, стремительные перемены могут также породить беспорядки. Одним из уроков, извлекаемых из этого и других сценариев, является то, что процесс глобализации нуждается в управлении, призванном не дать ему «сойти с рельсов».

Формирующаяся в международной политике система взглядов согласно всем сценариям заставляет думать, что роль «негосударственных игроков» будет неизменно возрастать, хотя они не вытеснят с арены государство-нацию. К таким игрокам можно будет отнести как террористов, которые будут продолжать угрожать мировой безопасности, так и неправительственные организации, а также транснациональные корпорации, которые являются примерами сил положительного в целом характера благодаря тому, что они участвуют в распространении технологий, содействуют социальному и экономическому прогрессу и предоставляют гуманитарную помощь.

Соединенные Штаты Америки и другие страны мира будут по-прежнему оставаться уязвимыми для международного терроризма. Как мы показали в анализе сценария «Контур страха», террористические кампании беспрецедентных масштабов, особенно с использованием ОМП, являются одним из немногих вариантов развития событий, который может угрожать процессу глобализации.

Усилия по обузданию террористической угрозы, исходящей от самых разнообразных террористических групп, связанных в большей степени общей идеологией и технологией, чем географическим положением, станут в грядущие годы значительно более трудной задачей, чем борьба против относительно централизованных организаций типа «Аль-Каиды». Чем более неопределенными будут становиться связи между отдельными террористами и различными ячейками, тем труднее будет обнаруживать и предотвращать террористические заговоры.

Согласно одному из наших сценариев, а именно – Рах Americana, между США и Европой возникнет прочный консенсус относительно борьбы с терроризмом, однако согласно другим сценариям, включая гипотетический «Новый Халифат», интересы США, России, Китая и европейских стран разойдутся, вероятно, ограничив при этом возможность их сотрудничества в деле борьбы с терроризмом.

«Соединенным Штатам придется иметь дело с мировым общественным мнением, которое радикально изменилось со времен окончания холодной войны».

Успех возглавляемой Соединенными Штатами глобальной антитеррористической кампании будет зависеть от готовности отдельных стран бороться против терроризма на своей собственной земле. Усилия Вашингтона по усилению возможностей местных сил безопасности в других странах и совместная работа с ними над решением их наиболее приоритетных проблем (таких как рост преступности), по всей вероятности, приведут к активизации сотрудничества.

Защита безопасности на территории США будет начинаться за ее пределами. Поскольку террористам становится все труднее проникать в Соединенные Штаты, они, по всей вероятности, будут пытаться нанести удар по США с территории соседних стран.

Наилучшие шансы сдержать – и в конечном счете снизить – угрозу терроризма принесет стратегия антитеррористической борьбы, основанная на многостороннем подходе к решению этой проблемы. Создание более открытых политических систем представительства, расширение экономических возможностей, а также наделение властью исламских реформаторов будут позитивно восприняты широкими слоями мусульманской общественности, не поддерживающими радикальные планы исламских экстремистов. В сценарии «Новый Халифат» делается ударение на трудности задачи обращения к первопричинам насилия экстремистов, а не только к его видимым проявлениям.

По всей вероятности, борьба между силами экстремизма и реформаторами будет проходить не только на территории стран ближневосточного региона. Мусульмане в странах Европы и эмигранты с Ближнего Востока играли важную роль во внутренних идеологических конфликтах, а степень интеграции представителей исламского меньшинства в европейские общества, вероятно, окажет влияние на то, будут ли они рассматривать столкновение цивилизаций как неизбежность или же нет. В последние годы терроризм также все больше заявляет о себе в странах Юго-Восточной Азии.

С террористической угрозой тесно связана проблема распространения ОМП и потенциально высокая мотивация некоторых стран к приобретению ядерного оружия в случае, если их соседи и региональные соперники прилагают усилия к его приобретению. Сценарий «Контур страха» иллюстрирует ситуацию, когда будут сохранять свою актуальность глобальные усилия по возведению более высоких барьеров на пути распространения ОМП и пресечению попыток со стороны других стран заполучить в свое распоряжение ядерное оружие или иные виды ОМП для самозащиты. Ряд рассмотренных нами сценариев подчеркивает тот факт, что революция коммуникаций предоставляет распространителям ОМП определенные преимущества при заключении сделок в обход правоохранительных органов, а оказываемое ими «содействие» существенно сокра-

щает время, необходимое странам на самостоятельную разработку ядерного оружия.

«Наилучшие шансы сдержать – и в конечном счете снизить – угрозу терроризма принесет стратегия антитеррористической борьбы, основанная на многостороннем подходе к решению этой проблемы».

С другой стороны, одним из наиболее вероятных положительных сдвигов, которые можно прогнозировать на следующие 15 лет, будет расширенный доступ к высоким технологиям не только для тех, кто их изобрел. Как мы попытались показать в нашем сценарии «Давосский мир», лидеры высоких технологий окажутся не единственными, кто может ожидать выгоду от своих разработок, но также успеха добьются и те общества, которые сумеют их освоить и внедрить. Так, например, согласно нашему сценарию применение новых технологий в странах Африки создаст положительный эффект и поможет искоренить нищету. Как уже отмечалось ранее, транснациональные корпорации будут играть ведущую роль в повышении благосостояния и распространении технологических инноваций во многих уголках мира.

Радикальные изменения геополитического ландшафта также представляют сложную проблему как для международной политической системы, так и для Соединенных Штатов Америки, которые являлись гарантом безопасности в послевоенном мировом порядке. Вероятные контуры нового миропорядка остаются неопределенными и переменчивыми по мере развития множества тенденций, которые включают в себя подъем экономических гигантов в Азии, перегруппировку на евразийском пространстве, волнения на Ближнем Востоке и разногласия в трансатлантическом партнерстве.

По мере ослабления связей, сформировавшихся во времена холодной войны, все более вероятным становится появление нетрадиционных, подчиненных определенной цели альянсов. Например, некоторые ученые видят предпо-

сылки к возникновению более близких отношений между Европой и Китаем в разделяемых ими взглядах относительно перспективности принципа многосторонних отношений, который составляет основу их международной политики. Например, по мнению некоторых ученых, разделяемая Европой и Китаем заинтересованность в принципе многосторонних отношений в качестве краеугольного камня международных отношений может стать основой для перспективного сотрудничества между этими державами.

Согласно сценарию Pax Americana, трансатлантическое партнерство станет основным фактором, от которого будет зависеть перспектива сохранения за Вашингтоном центральной роли в международной политике. На сегодняшний момент неясно, до какой степени Европа готова принять на себя еще больший груз ответственности в международной политической сфере, и ее отношение к данному вопросу будет зависеть от ее способности преодолеть экономические и демографические проблемы, а также выработать стратегическое видение своей роли в современном мире. Хотя во всех других отношениях Европа с ее высокими ВВП, выгодным географическим положением, стабильными правительствами и коллективными военными расходами вполне может укрепить свою роль на мировой арене.

«Для Вашингтона одной из наиболее трудных региональных задач может стать взаимодействие с испытывающей подъем Азией».

В грядущие 15 лет Азия будет играть особо важную роль в изменениях, происходящих в мире. Основной неопределенностью остается вопрос о том, будет ли подъем Китая и Индии происходить гладко. Множество факторов будут играть роль в этом процессе: динамика развития мировой торговой системы, технологические достижения, а также формы и масштабы, которые примет глобализация. Для Вашингтона одной из наиболее трудных региональных задач может стать взаимодействие с испытывающей подъем Азией. Можно представить ряд вариантов развития событий – от увеличения роли США в качестве «балансера» ме-

жду противоборствующими сторонами до потери Вашингтоном всего своего влияния на регион. Проблемы Кореи и Тайваня, по всей вероятности, перейдут в решающую фазу, и то, какую роль в них сыграют США, станет важным фактором в формировании отношений США и азиатских стран и определит роль США во всем регионе. Позиция Японии, вероятнее всего, также изменится, поскольку ей придется играть более независимую роль в обеспечении собственной безопасности.

«Основной неопределенностью остается вопрос о том, будет ли подъем Китая и Индии происходить гладко».

В результате подъема азиатских гигантов США могут потерять свои экономические и технологические превосходства.

В то время как многосторонняя взаимозависимость будет расширяться, увеличение объема инвестиций в высокотехнологические исследования в сочетании со стремительным ростом азиатских рынков повысит конкурентоспособность всего региона по широкому спектру экономических и технических аспектов деятельности.

Зависимость США от поставок нефти из других стран с ростом конкуренции за энергоносители также делает их значительно более уязвимыми, возрастают риски возникновения перебоев с поставками по вине стран – экспортеров нефти и газа.

На Ближнем Востоке рыночные реформы, развитие демократии и прогресс в деле установления мира между арабами и Израилем будут препятствовать политическому сдвигу в сторону большего радикализма и способствовать укреплению согласия между трансатлантическими партнерами. Некоторые из наших сценариев фокусируются на вероятности того, что Ближний Восток может остаться в центре «полумесяца нестабильности», протянувшегося от Африки через Центральную Азию и до самой Юго-Восточной Азии, который станет плодотворной почвой для терроризма и распространения ОМП.

Осуществление сценария, подобного тому, который мы назвали «Новый Халифат», создаст наиболее тяжелую ситуацию, поскольку в этом случае будут отвергнуты за неадекватностью сами основы того, что мы привыкли считать международной политической системой. Такая перспектива наталкивает нас на вывод о необходимости найти пути для взаимодействия и интеграции тех регионов и обществ, которые чувствуют себя исключенными или обойденными процессом глобализации. Одно лишь предоставление экономических возможностей не будет достаточным для того, чтобы «неимущие» получили выгоды от глобализации. Судя по росту тенденции к утверждению религиозной и культурной самобытности, в глобализованном мире должно найтись достойное место для разного рода идентичностей помимо государства-нации.

Взаимозависимость множества сторон, возникающая в процессе глобализации, выводит на первое место не только обеспечение стабильности в тех странах, которые являются движущей силой развития мировой экономики, где проживает около двух третей населения планеты, но также и помощь раскиданным по всему миру очагам бедности и упадка, тем, кому еще только предстоит модернизироваться и присоединиться к мировому сообществу. Два из наших сценариев – *Rax Americana* и «Давосский мир» указывают на две разные роли, которые предстоит сыграть США: обеспечивать безопасность и быть финансовым стабилизатором.

Евразия, в особенности Центральная Азия и Кавказ, весьма вероятно, останется регионом, вызывающим растущую обеспокоенность ввиду большого количества расположенных здесь потенциально нестабильных государств, радикализма в форме исламского экстремизма и того, что там сосредоточены жизненно важные как для Запада, так и для Востока энергоресурсы или пути их транзита. Траектории развития этих евразийских государств будут находиться под сильным влиянием со стороны внешних сил, таких как Россия, Европа, Китай, Индия и Соединенные Штаты, которые, возможно, смогут сыграть роль стабилизаторов. Россия скорее всего будет наиболее активна в этом регионе, препятствуя

распространению его негативных влияний, одновременно решая свои собственные чрезвычайно серьезные внутренние проблемы. Расположенные западнее от нее Украина, Беларусь и Молдова могут попытаться отчасти компенсировать уязвимости, присущие недавно обретшим государственность странам, более тесными связями со странами Европы и с Европейским союзом.

Многие страны Африки находятся в таком же положении, как и ослабленные государства евразийского региона, и они будут продолжать оставаться частью протянувшегося от Африки до Азии «полумесяца нестабильности». Согласно гипотетическому сценарию «Давосский мир», выраженная в терминах роста цен на товары и широком экономическом развитии глобализация может принести желанные плоды в странах, где установлено добросовестное управление. Страны Северной Африки могут выиграть от более тесного сотрудничества с Европой.

В Латинской Америке произойдет более четкое разделение стран на две группы: те из них, которым удастся извлечь выгоду из возможностей, предоставляемых глобализацией, будут процветать, в то время как другие – такие как большинство государств, расположенных в Андах, – которые не смогут этого сделать, отстанут в своем развитии. Качество управления и руководство страны, зачастую представляющие собой полные неопределенности, станут определяющим фактором того, будет ли общество процветать или прозябать, не получив возможности адаптироваться к новым условиям. И в том и в другом регионе есть страны, которые являют собой примеры успеха, к примеру, Бразилия и Южная Африка. Эти страны могут служить образцом для подражания другим. Положение Соединенных Штатов по отношению к странам Латинской Америки позволяет им способствовать развитию данного региона и его интеграции, предотвращая возможные тенденции к распаду.

В целом количество межгосударственных и внутренних конфликтов в последнее время пошло на убыль, но нами отмечено, что конфликты стали более кровопролитными, а их последствия становятся все более тяжелыми.

В то время как ни одна страна к 2020 году не окажется мало-мальски способной соперничать с США в сфере военной мощи, в своих собственных регионах все большее количество стран сможет отстаивать свои интересы. Наличие химического, биологического и/или ядерного оружия у большего количества стран к 2020 году повысит цену любой военной операции со стороны США и их партнеров по коалиции.

Большинство противников США, будь то государства или негосударственные фигуры, будут вынуждены признать военное превосходство Соединенных Штатов. Но вместо того чтобы смириться с этим фактом, они будут стараться действовать в обход и минимизировать силу США, пользуясь их видимыми слабостями, прибегая к асимметричным стратегиям, включая терроризм и незаконное приобретение ОМП, как показано в сценарии «Контур страха».

«...ни одна страна к 2020 году не окажется мало-мальски способной соперничать с США в сфере военной мощи».

Как видно из разработанного нами сценария Рах Америгана, к помощи Соединенных Штатов, по всей вероятности, будут и дальше прибегать в разрешении конфликтов в Палестине, Северной Корее, на Тайване и в Кашмире – в надежде на то, что даже если и не удастся найти способа их мирного урегулирования, то по крайней мере они будут локализованы. Однако из проанализированных нами сценариев развития глобальной политической ситуации и связанных с ними тенденций видно, что к делу обеспечения безопасности в мире можно будет при определенном старании привлечь и некоторые другие страны, облегчив тем самым задачу, стоящую перед США. Такие изменения будут означать начало нового этапа в международной политике.

Увеличивающиеся затраты на военные расходы Китая и, в меньшей степени, Индии, а также их инвестиционные перспективы позволяют надеяться, что они смогут в будущем сыграть более значительную роль в деле обеспечения безопасности в мире.

Для этих же целей придется реформировать некоторые международные и региональные институты, позволив им более активно участвовать в процессе обеспечения мира на планете.

Попытки приспособить мировой порядок к новой реальности могут столкнуться с трудностями по причине растущего числа трудноразрешимых этических проблем, которые способны вызвать разногласия в мировом сообществе. К таким проблемам относятся вопросы экологии и изменения климата, исследования в области клонирования и стволовых клеток, потенциальная возможность вторжения с помощью биотехнологий и информационных технологий в частную жизнь, права человека, международное законодательство в отношении конфликтов и роль международных институтов.

Многие этические вопросы, приобретая все большую актуальность, идут вразрез с устоявшимися альянсами или группировками, возникшими главным образом для решения вопросов обеспечения безопасности. Подобного рода расхождения в интересах акцентируют те трудности, с которыми придется столкнуться мировой обществу, включая США, когда придется иметь дело с многочисленными конкурирующими между собой коалициями с целью разрешения некоторых из упомянутых проблем.

Киотский протокол об изменении климата вне зависимости от успешности его претворения в жизнь является примером того, как нетрадиционные политические вопросы могут приобретать первостепенную важность и служить основой для возникновения новых оперативных альянсов и партнерских отношений.

Бурное развитие средств массовой информации окажет двоякое воздействие: с одной стороны, влияние СМИ затруднит формирование консенсуса по многим вопросам, поскольку СМИ имеют тенденцию преувеличивать расхождения во мнениях; а с другой стороны, СМИ могут облегчить дискуссии и достижение консенсуса.

Соединенным Штатам придется бороться с мировым общественным мнением, которое претерпело радикаль-

ные изменения со времен окончания холодной войны. Некоторая доля нынешнего антиамериканизма, возможно, отчасти рассеется, по мере того как глобализация будет приобретать все менее прозападный характер. В то же время у молодого поколения вождей – в отличие от периода после Второй мировой войны – нет личных воспоминаний о США как о своих «освободителях». Из этого следует, что они с большей вероятностью, чем их предшественники, будут расходиться во мнениях с Вашингтоном по целому ряду вопросов.

И наконец, согласно сценарию *Rax Americana*¹, Соединенным Штатам придется все больше сталкиваться с проблемой управления – приемлемой для себя ценой – отношений с Европой, Азией и Ближним Востоком и другими в отсутствие единой всеобщей угрозы, которая может служить основой для достижения консенсуса. Хотя впереди их ждут очень серьезные трудности, США по-прежнему будут пользоваться колоссальными преимуществами, играя центральную роль в решении широчайшего спектра вопросов – экономических, технологических, политических и военных, – на которую в 2020 году еще не сможет претендовать ни одно другое государство. Несмотря на то что существующий порядок находится под угрозой, у Соединенных Штатов будет множество возможностей для того, чтобы обустроить новый мировой порядок.

Останутся ли США лидером технологического прогресса?

Инвестиции Соединенных Штатов в фундаментальные исследования и инновационное применение технологий явились непосредственной причиной того, что они стали лидирующей экономической

¹Проведенные центром Пью (*Pew*) исследования отношения в мире свидетельствуют о резком росте антиамериканизма, в особенности в мусульманском мире, однако согласно тем же исследованиям люди в мусульманских странах высоко ставят такие демократические ценности, как свобода выражения, свобода прессы, многопартийная политическая система и равноправие перед лицом закона. Большинство людей почти во всех мусульманских странах с одобрением относятся к свободным рыночным экономическим системам и верят в то, что демократии западного типа могут прижиться в их странах.

и военной державой в послевоенную эпоху. Например, именно американцы разработали и сделали коммерчески доступными такие изобретения, как полупроводники, персональные компьютеры, Интернет, в то время как другие страны следовали за ними по пятам¹. Хотя США и сохраняют свое лидирующее положение, появились некоторые признаки того, что в будущем они рискуют его потерять.

Количество выпускников высших учебных заведений по инженерно-техническим специальностям в США достигло пика в 1985 году и с тех пор сократилось на 20 процентов. Процент студентов, желающих специализироваться в инженерно-технических дисциплинах, поставил страну на предпоследнее место среди развитых стран мира. Количество дипломированных инженеров, выпускаемых учебными заведениями Китая, превосходит их число в США в три раза. Более того, меры безопасности, принятые после террористической атаки 11 сентября, затрудняют привлечение иностранных студентов в американские вузы, а в некоторых случаях не дают возможности иностранным специалистам работать на американские компании². Университеты за пределами США, где не возникает подобных трудностей с получением визы, пытаются использовать создавшуюся ситуацию и усилить свои позиции.

Объем частных инвестиций в промышленные исследования и развитие (составляющий 60% всех инвести-

¹ «Теряет ли Америка свои преимущества? Инновация в глобализованном мире». Адам Сегал, издательство *Международные отношения*, ноябрь – декабрь 2004; Нью-Йорк, с. 2

² «Наблюдения за научно-техническими тенденциями и их потенциальным влиянием на будущее». William Wulf (President, National Academy of Engineering). Доклад представлен Центру стратегических и международных исследований (CSIS) в поддержку усилий Национального разведывательного совета по исследованию глобальных перспектив на 2020г., лето 2004.

³ «Теряет ли Америка свои преимущества?», с. 3

ций, выделяемых в США на эти цели), хотя и возрос в текущем году, переживал спад на протяжении трех прошедших лет³. Далее, ведущие транснациональные корпорации создают свои собственные «исследовательские центры» за пределами США.

Хотя эти симптомы и являются угрожающими, интеграционный характер гло-

бализации и присущая американской экономике стабильность не позволяют сделать скоропалительные выводы о грядущей потере США своих позиций в мире технологий. По последним оценкам, Соединенные Штаты все еще являются наиболее конкурентоспособным в мире обществом среди передовых экономик¹. В глобализованном мире, где идет стремительный обмен информацией – в том числе и поверх национальных границ, практикуемый транснациональными компаниями, – создатель новой науки или технологии необязательно станет тем, кто будет пожинать плоды своих усилий на международном рынке.

Какими видит Соединенные Штаты остальной мир?

В ходе организованных нами шести региональных конференций мы расспрашивали участников о том, что они думают о роли США в качестве силы, формирующей развитие событий в их регионе и глобальных масштабах.

Азия

Опрошенные участники конференций считали, что усердие США в борьбе с терроризмом не имеет прямого отношения к заботам большинства азиатов о своей безопасности. Основной вопрос, который Соединенным Штатам следует задать самим себе, состоит в том, могут ли они предложить азиатским государствам привлекательное для них видение региональной безопасности и правопорядка, которое может быть сравнимо или даже превосходить то, что предлагает им в данной связи Китай.

Отказ США от концентрации своих усилий на том, что действительно важно для их союзников в Азии, может привести к тому, что они дружно примкнут к Пекину и позволят Китаю создать свою собственную региональную систему безопасности, в которой для США не будет места.

Участники опроса подчеркивали, что рост Китая необязательно будет несовместим с международным порядком под эгидой США. Главный вопрос состоит в том, является

¹ *Global Competitiveness Report 2004-2005, World Economic Forum, www.weforum.org, October 2004*

ли такой мировой порядок достаточно гибким для того, чтобы приспособиться к изменениям в соотношении сил на глобальном уровне. Недостаток гибкости в рамках такого порядка будет означать большую вероятность политических конфликтов между поднимающимися державами и Соединенными Штатами. С другой стороны, при гибком подходе можно будет обустроить отношения с новыми региональными державами и таким образом укрепить мировой порядок.

Страны Африки, расположенные к югу от Сахары

Лидеры африканских стран, расположенных к югу от Сахары, обеспокоены тем, что Соединенные Штаты и другие развитые страны «поднимут разводной мост» и покинут регион.

Участники опроса считают, что Соединенные Штаты и другие западные страны могут в какой-то момент принять решение отказаться от самого «успешно экспортируемого товара Африки», от ее рабочей силы. Новые африканские диаспоры во многих уголках мира почти целиком состоят из экономических мигрантов, а не политических мигрантов, как это было в прошлую эпоху.

Некоторые из опрошенных говорили об озабоченности африканцев тем, что западные страны в грядущие 15 лет «поставят крест» на некоторых африканских странах как на «безнадежных» ввиду преобладающих в них экономических условий, экологических проблем и политических обстоятельств.

Участники опроса также выразили опасение, что Соединенные Штаты сосредоточат все свое внимание только на успешно развивающихся странах.

Латинская Америка

Участники опроса признавали тот факт, что США являются ключевым экономическим, политическим и военным игроком в Западном полушарии. В то же время, по их мнению, Вашингтон по своему обычаю не уделяет устойчивого внимания региону и, вместо того чтобы реагировать на

системные проблемы, реагирует главным образом на кризисы. Участники опроса также отмечали фундаменталистские тенденции в Вашингтоне, которые приведут к изоляции страны, односторонности ее политики и недостатку сотрудничества. Большинство из участников разделяли мнение о том, что «война с терроризмом» имеет весьма далекое отношение к существующим в Латинской Америке проблемам безопасности.

Эмигранты из Латинской Америки рассматриваются как сила, стабилизирующая отношения с США. Эмигранты являются важной частью резерва рабочей силы США, к тому же они не только переводят домой заработанные ими доллары, но и делятся новыми взглядами на преимущества демократического управления страной и индивидуального предпринимательства, которые окажут позитивное влияние на регион.

Проводимая США политика может оказывать и положительный эффект. Некоторые из опрошенных заявили, что этому региону пошло бы на пользу применение Соединенными Штатами региональных механизмов для разрешения проблем, а не карательные санкции против неудобных им режимов, как в случае с Фиделем Кастро.

Ближний Восток

Участники опроса отметили, что роль внешней политики США в их регионе будет оставаться решающей. Очевидная поддержка Соединенными Штатами коррумпированных режимов в обмен на надежный доступ к нефтяным ресурсам сама по себе уже привела к продолжительному периоду стагнации. Маловероятно, что США уйдут из региона, но если это и произойдет, то последствия такого шага будет невозможно предсказать.

Касательно перспектив развития демократии в регионе участники опроса отметили, что США придают слишком большое значение проведению выборов, которые, хотя сами по себе и очень важны, не являются единственной составляющей процесса демократизации. Все сошлись во мнении, что если бы США и европейские страны смогли установить связь с лидерами-реформаторами и поддержа-

ли бы их усилия, вместо того чтобы противостоять им и запугивать, то настоящая демократия была бы достигнута скорее.

Некоторые эксперты по Ближнему Востоку утверждали, что лишь США усилили свою политику беспроигрышной игры с нулевым результатом, сосредоточив все свое внимание на самой верхушке арабских стран, не развивая при этом отношений с перспективными лидерами внутри и вне правительственной сферы.

Несмотря на то что страны Ближнего Востока могут получить большие экономические выгоды от процесса глобализации, участники опроса выразили общее мнение, что арабы/мусульмане обеспокоены некоторыми аспектами глобализации, особенно широко распространяющимся влиянием западных, в частности американских, ценностей и морали, которые рассматриваются как угроза традиционным культурным и религиозным ценностям.

Европа и Евразия

Участники опроса приняли участие в оживленной дискуссии по вопросу о том, насколько вероятно в течение следующих 15 лет возникновение раскола между США и Европой. Некоторые из них утверждали, что крах партнерства между США и странами Европейского союза станет частью коллапса всей международной политической системы. Некоторые из участников утверждали, что если США сместят центр своих интересов в Азию, то отношения между США и ЕС могут достигнуть критической точки.

Мнения разделились по вопросу о том, приведет ли подъем Китая к сближению между Европой и США.

Разногласия возникли также в оценке важности общих экономических, экологических и энергетических проблем для этого альянса.

На семинаре, посвященном странам евразийского региона, участники опроса сошлись во мнении, что США способны оказывать лишь весьма ограниченное влияние на внутреннюю политику государств Центральной Азии, хотя успех или провал США в Ираке отразится и на странах Центральной Азии. Страны Западной Евразии, по их мне-

нию, будут продолжать искать равновесия между Россией и Западом. Согласно мнению участников опроса, Украина несомненно будет продолжать стремиться войти в НАТО и в ЕС, и к этому же скорее всего будут стремиться Грузия и Молдова.

Россия-2020: будущее страны в условиях гло- бальных перемен

Развитие России в начале XXI века — результат взаимодействия внутрirosсийских и глобальных тенденций. Поэтому начнем с краткого перечисления проблем российского и мирового развития в первой четверти XXI века, от решения которых зависит состояние России в 2020 году.

В этом очерке мы рассмотрим эти и связанные с ними проблемы, что позволит в итоге сформулировать три модельных сценария развития России в 2020 году и вокруг этой даты.

Россия на рубеже XX и XXI веков: текущие тенденции

Начнем наш анализ с внутренних факторов развития России.

Практически все социальные структуры и институты современной России сочетают в себе элементы и черты как прежней советской, так и новой либерально-рыночной системы периферийного типа. Новые государственные структуры унаследовали черты коммунистической номенклатуры, институты социального государства и гражданского общества своими корнями уходят в систему «реального социализма» и в неформальные движения СССР, в культуре современной России возникла ситуация «постсоветского

Россия	Мир
<p>Сохранится ли периферийный характер экономики и социальной структуры? Насколько устойчив восстановительный рост, начавшийся в 1999 году? Каковы его пределы, возможно ли преодолеть уровень ВВП 1990 года? Будет ли меняться место России в мировом разделении труда?</p>	<p>Каковы пределы роста и прочности современной глобализации? Может ли наступить новая Великая депрессия?</p>
<p>Как будет меняться социальная структура России? Продолжится ли рост имущественного расслоения и кризис социального государства? Возможно ли участие России в процессе постиндустриального перехода или продолжится ее превращение в типичную страну третьего мира?</p>	<p>Произойдет ли до 2020 года переход одной или нескольких стран к качественно новому постиндустриальному обществу? Каким образом будет происходить «третья волна» такого перехода, и как это скажется на мировых процессах? Каковы будут варианты нового общества в различных странах?</p>
<p>Возможно ли восстановление научного и интеллектуального потенциала России? Может ли Россия принять полноценное участие в новой научно-технической революции?</p>	<p>Когда начнется новая НТР и в каком направлении будет развиваться.</p>
<p>Продолжится ли ухудшение экологической ситуации? Произойдет ли лавинообразный рост количества техногенных катастроф? Превратится ли Россия в «экологическую свалку»?</p>	<p>Существует ли угроза планетарной экологической катастрофы в ближайшие десятилетия? Каково направление и темпы изменения климата?</p>
<p>Есть ли возможность остановить размывание рационального сознания? Каково будет соотношение наследия русской, советской, вестернизированной и других культур?</p>	<p>Каким будет соотношение крупнейших глобальных субкультур и культурных тенденций?</p>
<p>Как изменится политическое устройство России? Существуют ли перспективы «бархатной революции», «советского возрождения», подавления террористической активности? Сохранится ли внешнеполитическая субъектность России?</p>	<p>В каком направлении будет происходить сдвиг власти по мере глобализации политической борьбы? Как будут меняться политические структуры в ходе и по завершении кризиса глобализма и «третьей волны»?</p>
<p>Сохранится ли территориальная целостность России, изменятся ли ее границы? К чему приведет демографическая яма?</p>	<p>Как будет протекать «демографический взрыв», «конфликт цивилизаций» и «эпох»? Насколько серьезны будут социальные потрясения в странах Юга? Какими будут направления основных миграций?</p>

постмодерна», когда хаотически противоборствуют и сочетаются стереотипы советской, американизированной западной, дореволюционной русской и русской эмигрантской, а также восточных культур. Причем в начале столетия советская культура укрепляет позиции по сравнению с 90-ми годами XX века. В ближайшие годы продолжится противоборство вестернизированных и внутрицивилизационных факторов.

Противоречивые социально-экономические сдвиги

При переходе от советской экономической модели к рыночно-капиталистической произошло разрушение части индустриального потенциала страны. От уровня 1980 года производство промышленной продукции упало в 1998 году до 60% и в 2001 году восстановилось только до 80%. При этом произошла перестройка отраслевой структуры экономики в пользу сырьевого блока. Производство телевизоров за этот период упало в четыре раза, а производство гражданского машиностроения (без учета легковых автомобилей) сократилось в 1991–1999 годах в шесть раз. Передовые отрасли промышленности, связанные с производством наукоемких технологий, были практически заморожены и в значительной степени разрушены. Важным исключением остается производство военной и космической техники.

В результате общественная система России занимает промежуточное положение между среднеразвитыми индустриальными обществами и переходными социальными системами стран третьего мира. Это ставит Россию перед экономической альтернативой:

1. Дальнейшее сползание к общественной структуре третьего мира (деградация к полутрадиционному обществу с депрессивными зонами и сырьевыми и индустриальными анклавами, ориентированными на глобальный рынок).
2. Укрепление индустриального комплекса, социального государства и научно-технической базы как подготовка к полноценному участию в переходе к постиндустриальным отношениям.

Предпочтительность второго пути не вызывает сомнений, но возможность его осуществления в условиях глобализма является проблемой.

Несмотря на либерализацию, экономика России по-прежнему остается высокомонополизированной, что позволяет говорить об олигархическом характере современного российского капитализма. Сохраняется высокая степень контроля чиновничьей элиты над частным бизнесом, сращивание чиновничьих кланов и бизнес-групп. Экономика отличается высокой степенью криминализации и теневого хозяйствования. Российский капитализм является разновидностью периферийного государственно-монополистического капитализма. Эти черты предопределяют хрупкость социально-экономической системы перед лицом внешних вызовов.

Россия вовлечена в некоторые модернизационные процессы, связанные с компьютеризацией. Однако Россия пока остается преимущественно пассивным рынком сбыта для передовых технологий. Несмотря на восстановление в начале века части наукоемких производств, они пока могут играть лишь роль вспомогательных цехов в «мировой фабрике».

Ископаемые ресурсы России останутся полем конкуренции ТНК и объектом внимания промышленных держав. Разведанные запасы оцениваются в 30 триллионов долларов, и борьба за них будет одной из движущих пружин российской истории начала столетия. Имея 3% населения мира, Россия располагает 13% территории и, оценочно, около 40% природных ресурсов Земли. Это соотношение представляет угрозу для России в XXI веке, так как борьба за ресурсы будет обостряться.

С 1999 года начался восстановительный рост экономики. Он позволил компенсировать часть разрушений индустриального сектора. Но превышение советского уровня промышленного развития в условиях сузившегося рынка невозможно без качественной модернизации технологий. Уже в 2004 году стало заметно исчерпание возможностей

восстановительного роста. Неустойчивый рост обеспечивают прежде всего добывающие отрасли в условиях мирового дефицита энергоносителей. Но сложившаяся система распределения доходов от их экспорта не позволяет получить достаточные средства для инвестирования в научные исследования и модернизацию производства. Износ основных фондов в России (более трети оборудования — старше 20 лет) просто не оставляет другой возможности для возрождения промышленности, кроме обновления технологий. В противном случае в ближайшие десятилетия промышленность ждет прогрессирующий распад, сопровождающийся лавиной техногенных катастроф. Уже в начале века техногенные катастрофы составляли две трети чрезвычайных ситуаций. Технологическая модернизация затрудняется тем, что Россия не располагает возможностями финансового инвестирования за счет населения (доля сбережений в личных доходах упала до 5–7%). Надежды на внешние источники финансирования широкой модернизации страдали наивностью. Напротив, финансовая открытость страны способствовала оттоку капиталов (за 90-е годы — до 170 миллиардов долларов), которые не спешат возвращаться даже в период восстановительного роста.

В первом десятилетии отягощающим фактором развития России остаются выплаты по долгам (теоретически Россия может воспользоваться нефтяными сверхдоходами и существенно снизить долговую зависимость, тем самым облегчив положение во втором десятилетии).

Большие перспективы имеет развитие транспортной инфраструктуры России, что может позволить ей использовать свое географическое положение для предложения транспортной альтернативы морским перевозкам между востоком и западом Евразии.

Россия сохраняет относительно высокую степень хозяйственного самообеспечения. Импорт составляет около половины розничного товарооборота, и в случае необходимости отечественное производство может заместить до половины импорта. Это создает благоприятные перспективы для развития отечественной экономики, если понадобится защитить внутренний рынок от глобальных экономических потрясений.

Социальная структура

Радикальная общественная перестройка 90-х годов привела к тому, что миллионы людей были выбиты из привычных социальных условий и вынуждены были искать новую социальную нишу. Часть населения сумела добиться благоприятного положения в новой рыночной системе, часть — на время смирилась с ухудшением своего положения. Этот процесс породил большую усталость от перемен, массовый скепсис в отношении преобразований. Однако население, прошедшее через потрясения 90-х годов, обладает высокой адаптивностью, что может сыграть важную роль в том случае, если новая волна социальных сдвигов все же станет неизбежной.

Реформы практически не изменили соотношение между городским и сельским населением. В 2002 году оно составило 73,3% на 26,7%. В долгосрочной перспективе число людей, занятых в сельском хозяйстве, будет падать. Однако до 2020 года может снизиться и число жителей городов в связи с процессом деурбанизации.

Структура городского населения в 90-е годы изменилась существенно — уменьшилась доля работников индустрии

стриального сектора. В ближайшие годы может произойти частичное восстановление занятости в индустрии, но в долгосрочной перспективе снижение занятости в промышленности продолжится.

В условиях распада части индустриальных производств и крупных аграрных предприятий восстановился мелкокрестьянский сектор. 18,2 миллиона человек вынуждены жить продуктами со своих огородов. Система «дач» оказалась важной «подушкой», которая стабилизирует развитие урбанизированного общества в периоды кризисов.

Результаты экономического роста распределяются крайне неравномерно, что предопределяет сохранение социальной напряженности. Если в 2000 году доходы 10% наиболее богатых россиян были в 13,9 раза больше, чем доходы 10% наиболее бедных, то в 2003 году они стали больше в 14,3 раза. Разница в доходах 20% наиболее и наименее обеспеченных также очень высока — в 8–8,5 раза. Для сравнения, в западных странах этот показатель — четыре-пять раз, в СССР начала 80-х годов — около трех раз. По этому показателю Россия продолжает погружаться в параметры третьего мира.

В условиях кризиса социального государства в России продолжится противоборство между двумя тенденциями найма (а значит, и организации труда) — социально-корпоративной и контрактно-рыночной. По мере развития постиндустриальных тенденций, при которых функции работника интеллектуализируются, диверсифицируются и становятся более творческими, корпоративная структура может трансформироваться в самоуправляющийся коллектив, а совокупность контрактников — в самоорганизующуюся сеть. В условиях глобальной неустойчивости корпоративные структуры будут укрепляться не только в производственной сфере, но и в организации всей жизни человека. В то же время автономный контрактник будет иметь возможность сам организовать свою работу. Обе тенденции будут с разных сторон вести к преодолению разрыва между трудом и досугом.

Имущественный средний слой деинтеллектуализировался и типологически вернулся к мещанству начала века.

Этот слой в силу своего консерватизма способствует укреплению стабильности социальной системы. Средние слои крайне разнообразны и разбросаны по уровню доходов. К ним относятся мелкие предприниматели, большая часть чиновничества и менеджеров, меньшая часть интеллигенции и служащих. Средние слои советского периода в имущественном отношении отброшены вниз. В результате произошел отток квалифицированных специалистов из индустрии, науки и структур социального государства и «утечка мозгов» за границу. Но эти процессы носят обратимый характер.

В России сохраняется высокий уровень образования. В 2002 году 16% жителей старше 15 лет имели высшее образование (в 1989 году — 11%), но качество образования снизилось. Основное и высшее образование имеют 90% жителей старше 15 лет. Если в ближайшие годы будет остановлен процесс эрозии интеллектуального потенциала страны, он станет одной из предпосылок ее участия в процессах мирового постиндустриального обновления.

Большая часть интеллектуального слоя в имущественном отношении относится к бедноте. Но в случае восстановления социального государства это положение может измениться. Сложившаяся социальная система способствует отчуждению интеллигенции от власти и формированию, как и в начале XX века, общественного мнения, направленного против мероприятий режима. Эту ситуацию может изменить только кардинальное изменение политики в отношении интеллектуального слоя. Альтернатива в первые десятилетия XXI века будет такова: завершение разрушения постсоветского интеллектуального слоя с резким сокращением количества интеллигенции (признак перехода в третий мир) или восстановление доходов интеллигенции, приведение в соответствие ее функционального и имущественного положения, гарантии гражданских прав и свобод. Второй вариант позволит обеспечить формирование постиндустриального креативного интеллектуализированного среднего класса. Пока возможности для этого еще сохраняются. Начали формироваться новые общественные отношения, основанные на корневых, часто неформальных информационных структурах (ин-

формальных структурах). Быстро развивается российский Интернет и подобные ему информационные сети (в дальнейшем мы будем для краткости именовать Интернетом все подобные сети).

Противоречивые тенденции развиваются в образовании и воспроизводстве культуры в целом. С одной стороны, происходит постмодернистское размывание и разрушение мировоззренческой целостности знания, его фрагментация на несвязанные элементы. С другой стороны, происходит сдвиг от прямого навязывания «единственно верного знания» к возможности творческого выбора и принципу «учить учиться». Роль школы падает в сравнении с телевидением и Интернетом, но возникает возможность соединения школьного и дистанционного образования, применения новых технических средств.

Результат противостояния этих тенденций имеет не только локальное, но и мировое значение. Свойство отечественной культуры генерировать гуманитарное знание придает ей особую роль в условиях осознания новых задач человечества и способов их решения, создания новых смыслов и информационных технологий. Отечественная культурная традиция с накопленным ею потенциалом (православная и исламская духовность, психологизм русской литературы, посткапиталистический советский проект, наследие освободительного движения и др.) как нельзя лучше соответствует задачам мировоззренческого синтеза XXI века. В современной России тенденции субкультурного противостояния традиций пока преобладают над синтезом и согласованием. В целом осознана невозможность «перенастройки» культурных кодов на общемировые, то есть вестернизированные. Вестернизированная культура неизбежно будет сдавать позиции в мире в первой четверти XXI века.

В России 58,5 миллиона человек живут на различные виды государственного обеспечения (пенсии, стипендии и т. д.). В условиях продолжающегося распада институтов социального государства эти доходы могут обеспечить существование на уровне ниже прожиточного. Из-за

старения населения, характерного для позднеиндустриальных обществ, нагрузка на систему социального обеспечения будет возрастать.

Несмотря на восстановительный рост последних лет, одной из наиболее острых социальных проблем России остается бедность.

25–26% населения располагают доходами в 2,5–4 тысячи рублей в месяц на человека, которых хватает лишь на еду и необходимую одежду. Ниже прожиточного минимума живет более трети населения.

Усиливается тенденция «застойной бедности», при которой люди, имеющие доходы ниже прожиточного минимума, уже не пытаются выбраться из нищеты, у них теряется стимул к образованию, ухудшается здоровье. Здесь создается криминогенная среда и очаги погромных настроений.

На грани бедности или за ее чертой находится значительная часть учителей, военных, пенсионеров, крестьян, рабочих, особенно в депрессивных отраслях и регионах. Такая структура бедности является особенностью европейских постсоветских стран и нетипична как для индустриальных стран, так и для третьего мира.

«Застойная бедность» и бедность людей с высоким уровнем образования серьезно затрудняет развитие страны. В-первых, бедные слои, особенно локализуемые в своеобразных гетто (идет процесс вытеснения бедных из престижных районов в непрестижные), способны стать «горючим материалом» социально-политической нестабильности, питательной средой террористических и погромных движений. В-вторых, непрестижность профессий, связанных с высоким уровнем образования, подрывает стимулы к получению образования, без чего невозможно развитие передовых отраслей экономики и науки, что и по этому параметру превращает Россию в страну третьего мира, занимающую в мировом разделении труда нишу источника сырья и экологической свалки.

Смертность населения в 1992–1994 годах выросла с 12,2 до 15,7 человека на 1000 жителей, и только в 1997–1999 го-

дах стала падать. В 1990–2002 годах рождаемость упала с 16 до 9 новорожденных на 1000 населения. Падение рождаемости является следствием как неуверенности в завтрашнем дне, так и вхождения страны в стадию позднеиндустриального общества, для которого вообще характерна низкая рождаемость.

В 2000–2001 годах начался рост рождаемости и смертности одновременно. Эти противоречивые тенденции показывают, что смертность напрямую не зависит от экономического роста. Сохраняется нестабильное положение в системе здравоохранения и действие других социальных факторов смертности. Серьезными проблемами России являются алкоголизм и наркомания, которыми охвачены до трех миллионов человек. Продолжение разрушения институтов социального государства может привести к дальнейшему росту смертности. Но в случае благоприятного для этой системы политического выбора ситуация может быть стабилизирована.

Демографическая яма 90-х годов приведет уже в 10-е годы XXI века к существенному дефициту рабочей силы. Это явление может иметь двойные последствия — либо

стать фактором депрессии, дальнейшего углубления кризиса институтов социального государства, либо способствовать научно-технической модернизации, автоматизации, росту производительности труда и социально-политической стабилизации. Какая из этих альтернатив возобладает — зависит от характера политического курса на грани первого и второго десятилетий.

Политическая система, СМИ и гражданское общество

Итоги реформ 90-х годов показали, что социально-психологические стереотипы большинства населения России не способствуют внедрению либерально-западнических ценностей и в большей степени отзывчивы ценностям общественно-корпоративной солидарности и державности. Сформировавшаяся в РФ политическая система является своего рода компромиссом либеральных и традиционных для России и постсоветского пространства политических форм. Авторитет института выборов и партийных механизмов снижается. Несмотря на то что большинство россиян разделяет ценность народовластия, более половины граждан не считают, что существующие представительные органы отражают их интересы. Это создает опасный кризис доверия к власти как системе и открывает возможности для политических реформ в направлении делегированных, общественно-корпоративных и интерактивных механизмов обратной связи между властью и населением. В качестве паллиативных мер могут применяться такие реформы, как изменение соотношения полномочий президента и правительства.

Особенностью России является отсутствие устойчивого левого центра, несмотря на очевидное наличие соответствующего электората. Преодоление этой особенности — задача соответствующих идейно-политических сил на ближайшее десятилетие. В случае кризиса глобальной экономической системы актуализируется поиск моделей посткапиталистического развития, что будет способствовать росту влияния идей альтернативного демократического социализма. В случае либерализации избирательного законода-

тельства на политической арене могут появиться партии, являющиеся политическими крыльями гражданских движений (например, партия «зеленых»).

В условиях снижения авторитета и значения официальных представительных институтов решающую роль в приобретении политического влияния играют связи со структурами исполнительной власти и присутствие на телеэкране. Роль печатных СМИ стремительно падает, их функции берет на себя Интернет. Совершенствуется технология и искусство манипулирования информацией. Политика информационного вакуума сменилась перенасыщением информационного пространства недостоверной информацией, создающей мировоззренческий хаос (это связано и с более общей культурной тенденцией постмодерна). Перепроизводство смыслов, версий, не нуждающихся в аргументах теорий, внешне не связанных друг с другом, разрушает как рациональную, так и традиционно-религиозную картину мира. При сохранении политической цензуры заказчика журналистам в остальном предоставлена свобода в создании информационной перегрузки. В случае необходимости информационный хаос позволяет достичь быстрой концентрации внимания дезориентированного сознания на нужной детали (так называемая раскрутка, когда нужные образы, факты или слухи бесконечно повторяются и за счет этого выделяются на общем фоне).

Однако воздействие телевидения на разные слои населения неодинаково. Можно выделить «доверчивые» слои, которые фактически управляются через телевидение (10–15% российских зрителей); слои, которые доверяют телевидению по отдельным вопросам и избирательно относятся к телеканалам с различной политической ориентацией; слои, равнодушные к политической информации, а также относящиеся к СМИ как к «империи лжи» и действующие от обратного — в противоположном направлении по сравнению с рекомендациями тележурналистов. Роль этих «информационных классов» в обществе будущего будет не меньше, чем роль социальных слоев.

В последующие годы можно прогнозировать дальнейший рост влияния телевидения на массового зрителя за счет внедрения новых виртуальных эффектов, вызывающих дополнительное доверие. Несмотря на то что наиболее вероятным является углубление указанных тенденций в ближайшие годы, существуют и факторы, которые могут привести к уменьшению манипулятивной роли телевидения.

Во-первых, в случае смены государственной стратегии на просветительскую произойдет введение научных фильтров в государственных СМИ. Это позволит сделать телевидение столь же мощным инструментом просветительского проекта, насколько сегодня телевидение является каналом разрушения рациональности массового сознания.

Во-вторых, развитие Интернета в обозримой перспективе позволит ему составить конкуренцию телеканалам в информировании и применении видеосредств, что будет вести к ослаблению целенаправленного манипулирования сознанием, вынудит применять более тонкие и изощренные формы борьбы за мнения зрителей (пользователей). Продолжится рост влияния интернет-изданий на интеллектуальный слой.

Возникшее в период «перестройки» гражданское общество сохранило разветвленную структуру. Резко упала массовость гражданских движений, но сохранилась их инфраструктура и профессионализовавшийся кадровый костяк. Это позволяет прогнозировать, что в условиях нового подъема социальной активности населения гражданские организации смогут нарастить численность и усилить свое влияние.

По своей организации гражданские движения в наибольшей степени приближены к модели горизонтальных (упорядоченных сетевых или спонтанно переплетенных корневых) отношений, которые гипотетически составят одну из основ постиндустриального общества. Неформальная среда продолжит генерировать кадры, по своим

навыкам и психологии склонные к участию в информационно-сетевых проектах.

Значительно расширилась роль религии и церкви в жизни общества. С конца 90-х годов нарастает тенденция противодействия нетрадиционным вероисповеданиям («борьба с сектами»). В РПЦ присутствует стремление к активизации вмешательства в политический процесс, которое может иметь заметное развитие в предстоящие годы, что существенно повлияет на баланс политических сил и общественную атмосферу.

Эволюция общественно-политической системы при сохранении существующих социально-экономических условий стоит перед альтернативой:

1. Усиление авторитарных черт при сохранении существующих конституционных институтов и формальных демократических процедур. Усиление политической роли контролируемого государством телевидения, пиар-технологий и административного ресурса. При этом авторитаризирующийся режим может носить как олигархический, так и популистский характер.
2. Укрепление либеральных политических институтов, манипулятивности управления и политической «прозрачности». Рост политического влияния бизнес-групп, связанных с транснациональным капиталом, с одной стороны, и гражданских организаций — с другой.

Перспективы «бархатной революции»

Выбор пути социально-политического развития России после серии произошедших в начале XXI века переворотов рассматривается в контексте «бархатной революции». Существует ли ее перспектива в России?

Исходя из опыта «классических» революций, революцию можно кратко охарактеризовать как социально-политическую конфронтацию по поводу принципов организации общества, преодолевающую существующую легитимность. Социально-политический, массовый характер действий, слом легитимности — это форма революции. Изменение (необязательно слом) системообразую-

щих элементов, принципов организации общества — ее содержание.

Технология «бархатных революций», выработанная в 80-е годы в ходе реальных революций в Восточной Европе, была клонирована в XXI век для нужд переворотов, практически не затрагивающих структуру общества и выполняющих задачи смены правящей группы и передела сфер влияния мировых сил.

Такие «бархатные революции» являются не революциями в собственном смысле слова, а их имитацией.

В результате событий начала 90-х годов в России сложился режим «нормализации». Такие режимы, уже существовавшие в ряде стран Запада и Восточной Европы в 70–80-е годы, призваны стабилизировать общество после потрясений кризиса индустриального общества. Этот режим имеет собственную инерцию и после выполнения своих задач может устраняться с помощью политических скандалов (вариант «Уотергейта») и «бархатных революций» или преодолеваться в ходе сознательно проводимых властью социал-либеральных реформ.

В период правления Владимира Путина были выполнены задачи «нормализации» после потрясений конца 80-х — начала 90-х годов. Была «заморожена» обреченная на разложение неустойчивая модель олигархического (высокомонополизированного, бюрократизированного и коррумпированного) капитализма.

Но замораживание не могло быть длительным, и в 2004 году процесс либеральных реформ активизировался. Руководство страны сочетает курс на интеграцию в глобальное сообщество с использованием некоторых советских традиций. Пока эта политика проводится односторонне — сохранение и приумножение государственно-бюрократического наследия СССР (в смысле «державности», широты полномочий чиновников, номенклатурных привилегий и льгот) и в то же время разрушение нижней постсоветской социальной ткани.

Эта односторонность приводит к социально-политическому кризису, благоприятному для проведения «бархатной революции». С одной стороны, укрепление бюрокра-

тических структур вызывает недовольство как значительной части интеллигенции, так и глобальной элиты, требующей прозрачности управления в России. Электоральные механизмы теряют авторитет, СМИ и крупный бизнес могут в любой момент отказаться от лояльности президенту. С другой стороны, продолжение социально-экономической интеграции в глобальное пространство приводит к дальнейшему разрушению институтов социального государства и привычного постсоветского образа жизни (монетаризация и т. п.). В результате создаются полюса активного недовольства (пенсионеры, инвалиды, молодежь, научные работники, группы по месту жительства и др.), которые увязываются между собой гражданскими организациями.

Пока Путин играл роль консерватора и стабилизатора, большинство граждан поддерживало его курс. Поэтому в 2001–2004 годах «бархатная революция» была невозможна. Теперь в ее основе может лежать та же социал-консервативная идея, которая прежде укрепляла режим Путина — недовольство новыми преобразованиями, их неолиберальным, антисоциальным характером. Если понадобится «списать» непопулярные реформы нынешней правящей элиты на Путина, то для «революционной» смены фасада власти есть все предпосылки.

В случае готовности преемников нынешнего руководства проводить более прозрачную социал-либеральную политику «проблема-2008» может быть решена и без инсценирования революции.

Сторонниками сохранения преемственности власти планируется завершить очередной виток социально-экономической либерализации до 2007 года, после чего стабилизировать ситуацию с помощью золотовалютных резервов. Эта политика может привести к тому, что революционная ситуация не перерастет в революцию и российская правящая группа станет более органичной подсистемой мировых элит. Однако необходимым условием успеха такой линии являются высокие цены на нефть и благожелательное отношение к проводимой в России политике со стороны основных групп глобальной элиты.

Если кризис обострится, смена фасада может быть произведена драматично, с использованием технологии «бархатной революции». В зависимости от глубины социального кризиса правящей элитой и ее зарубежными партнерами может быть использован либо более умеренный вариант смены нынешней правящей группы ее «клоном» (во главе с политиками, генетически вышедшими из этой же группы), либо более радикальный вариант выступления контролируемой оппозиции с радикальными лозунгами и умеренной политикой.

Несмотря на фиктивный характер большинства «бархатных революций», следует учитывать, что при наличии серьезной социальной напряженности, действительных предпосылок для революции использование «бархатной» технологии может запустить процесс реальной социальной революции. В этом случае для предотвращения действительно революционных перемен может использоваться провоцирование этноконфликтов и погромов. Использование революционной технологии без революционных социальных сдвигов также может вызвать волну насилия, связанную с разочарованием населения в результатах «революции».

В России существует объективная основа для перерастания «бархатной революции» в реальную, поскольку революционный процесс времен «перестройки», направленный на подготовку социальных условий для постиндустриального перехода, окончился очевидной неудачей. Поэтому попытка применить в России технологию «бархатной революции» может привести к выходу массового движения из-под контроля правящих группировок, манипулирующих движением. Это может вызвать как взрыв погромной активности беднейших слоев с последующей авторитарной реакцией, так и реализацию социально ориентированных стратегий развития России. Сама форма «революции» и связанное с ней некоторое увеличение вертикальной мобильности создает шанс для прорыва в политическое поле «низов», в том числе и носителей вызревающих там альтернативных идей.

В новых условиях «бархатный» удар по режиму «нормализации» способен запустить находящиеся под спудом, но не разрушенные коды советской культуры — «советское возрождение». Низы смогут начать самоорганизовываться и требовать для начала отмены разрушительных либеральных реформ. Если такие структуры (советы и другие структуры самоуправления) возникнут, по окончании «бархатной революции» они могут продолжить работу гражданских движений конца 80-х годов.

Региональная неоднородность и единство России

Для России характерны значительные различия социальной структуры регионов. Наивысший уровень жизни достигнут в Москве, Петербурге, «нефтяных» и «газовых» регионах. Но и там существуют резкие социальные контрасты.

Региональные политические элиты стремятся как можно полнее контролировать ресурсы своих регионов, вступать в прямые отношения с транснациональными корпорациями в обход центра. Но в 90-е годы угроза распада России была преодолена по ряду причин.

Во-первых, региональные элиты сумели занять весомое место в общей структуре российской элиты. Издержки сепаратизма (особенно ярко продемонстрированные на примере Чечни) оказались слишком велики. Проявились преимущества единого экономического пространства и согласования интересов в едином государстве.

Во-вторых, социально-экономические показатели большинства регионов ниже, чем в среднем по стране. Большинство регионов для своего развития нуждаются в дотациях центра (регионы-реципиенты) и лишь несколько способны дотировать общероссийский бюджет (регионы-доноры). Экономически только они могли быть заинтересованы в отделении от России. Но в большинстве случаев это невозможно даже географически. Экономические успехи лишь некоторых республик в составе России связаны с самостоятельной сырьевой базой (Татарстан, Башкортостан, Якутия).

В-третьих, несмотря на многонациональный и многоконфессиональный состав населения России, лишь в не-

скольких регионах национально-религиозные меньшинства проживают компактно.

В-четвертых, федеральный центр стал сдерживающим фактором при конфликтах между этносами, особенно на Кавказе.

В этих условиях лишь в нескольких регионах сепаратизм приобрел серьезное политическое влияние. Многое зависело от региональных элит и результатов их соперничества с более радикальными сепаратистскими группировками. Идеи широкой самостоятельности и создания новых автономных республик выдвигались даже в регионах с преобладанием русского населения («Уральская республика», Приморье), но здесь они даже в случае гипотетического успеха вели не к отделению от России, а к ее дальнейшей федерализации. Отчасти тенденции такого укрупнения были учтены при создании федеральных округов.

Несмотря на успехи интеграции, угроза сепаратизма в XXI веке не может быть снята со счетов. Во-первых, она может быть искусственно подпитана внешними воздействиями (например, давление исламского радикализма на Кавказе). Во-вторых, в случае катастрофических кризисов в центре региональные элиты могут, как и при распаде СССР, стремиться к решению своих проблем путем дистанцирования от Москвы. Маловероятно, что такая инициатива может увенчаться успехом на уровне отдельных субъектов федерации, но она может проявиться на уровне группы субъектов (например, в границах федерального округа).

Особенную опасность для России представляет давление на нее разных цивилизационных блоков — исламского, китайского, западноевропейского.

Низкая заселенность Сибири и Дальнего Востока создает дополнительные угрозы освоения этого пространства народами зарубежной Азии. В то же время за пределами России оказались 17,5% от общего числа русских, проживавших в СССР. Это создает почву для конфликтов России с расширяющимся Европейским сообществом, так как часть новых национальных государств склонна к проведению политики ассимиляции и нарушению гражданских прав русских, что вы-

зывает недовольство в России. Пояс автономий на Кавказе является естественным объектом экспансии исламского радикализма и останется им в ближайшие годы.

Глобальные сдвиги и Россия

Выбор указанных выше альтернатив и развитие внутрироссийских тенденций зависит от обстоятельств, которые развиваются в мировом масштабе. Поэтому для адекватного прогноза развития событий в России необходимо остановиться на перспективах глобального развития.

Глобализм

Глобальный рынок привел к разделению труда в масштабах всей Земли. Возникла своего рода мировая фабрика, связанная товарными потоками и глобальными информационными системами. «Конструкторские бюро», цеха, источники сырья и свалки отходов этой фабрики расположены в разных странах. Россия является пространством, на котором глобальная фабрика заинтересована в источниках сырья, в отдельных цехах и территории для размещения экологически опасных объектов. Основными хозяйственными субъектами являются ТНК.

Ни одно из современных обществ (за исключением некоторых так называемых стран-изгоев) не может существовать изолированно, потому что в этом случае прервется вся цепочка экономических связей. Система глобального рынка и «единой фабрики» очень неустойчива. Отток капитала из лопнувших «мыльных пузырей» экономики может приводить к экономическим катастрофам среднеразвитых или слаборазвитых стран по всему миру. Кризисы, подобные кризису 1998 года, будут повторяться, срывая наметившийся прорыв России в мировом разделении труда. Место российской экономики в существующем глобальном рынке уже определено. Для изменения этого положения должна качественно измениться либо Россия, либо мировая экономика.

Однако длительность глобального роста, обеспечивающего нынешнюю экономическую глобализацию, остается проблемой.

Беспредельный рост глобальной экономики при ограниченности ресурсной базы невозможен. Современная экономика либо должна кардинальным образом перестроиться (а это в любом случае связано с большими потрясениями и хотя бы временным упадком), либо достигнуть пределов своего развития и войти в полосу кризиса и распада глобальных экономических связей (но не глобальных коммуникаций, которые будущее унаследует от нынешней глобализации). Предыдущая глобализация уже привела к Великой депрессии в конце 20-х — первой половине 30-х годов XX века. Однако сроки наступления пределов роста нынешнего глобального хозяйства неизвестны. Они зависят от многих факторов: от доступности ресурсов, от сопротивляемости социальных структур различных стран процессу глобализации, от внутренней ситуации в важнейших регионах (таких как Китай), от интенсивности и результатов противоборства группировок мировой элиты. Время достижения пределов экономического роста также зависит от начала новой НТР и экологической динамики.

Глобальные кризисы человечества тесно связаны между собой. Быстро растущие потребности людей, вовлеченных в общество потребления или проинформированных о его достижениях, слишком сильно опережают возможности человечества и его ресурсную базу. «Мировые правительства» транснациональных корпораций, сосредоточенные в развитых странах, не справляются с управлением слишком сложным мировым хозяйством. Появление новых индустриальных стран увеличивает нагрузку на ресурсную базу. Уже сегодня в основном исчерпаны резервы глобального роста, связанные с освоением пространства бывшего СССР. Гипотетически новые возможности экстенсивного развития глобального рынка может предоставить «открытие» Китая в случае падения коммунистического режима и либерализации ныне закрытых зон страны. Однако начало социально-политического кризиса в КНР первоначально негативно скажется на состоянии глобального рынка.

В случае наступления глобального экономического кризиса, подобного Великой депрессии, произойдет разрушение экспортно ориентированных производств, и наиболее

шие перспективы получат те страны, которые смогут восстановить технологическую цепочку на своей территории. Долгосрочные возможности глобального роста может обеспечить лишь начало новой НТР.

Проблема новой научно-технической революции и экологический ограничитель

Быстрое развитие современных технологий не должно заслонять от нас того факта, что оно является результатом двух завершившихся революций в науке и технике. Первая привела к электрификации и переходу мировой промышленности на новые энергоносители (с угля на нефть и газ), вторая — к массовому распространению компьютерных технологий и глобальных средств коммуникации. На основе этих достижений может произойти новый переворот в технологиях (например, в автоматизации производства и быта, био- и нанотехнологиях, транспорте, создании высокопрочных конструкций и др.), а также переход на новые энергоносители (например, альтернативная энергетика). Но пока этот переворот не произошел, и развитие мировой экономики зависит от ископаемых энергоносителей, количественного (но не качественного) улучшения технологических параметров продукции. Начало новой НТР, сопоставимой по масштабам с НТР середины и второй половины XX века, зависит не только от усилий ученых и инженеров, но и от социальных факторов. Например, внедрение уже имеющихся ресурсосберегающих технологий тормозится по социальным причинам (с этим, в частности, связаны проблемы российского ЖКХ). В то же время возможность развития морально устаревших технологий ограничивается нарастающим экологическим кризисом.

Развитие целых отраслей экономики может зависеть от субъективных факторов. Так, например, использование атомных объектов террористами может привести к свертыванию атомной энергетике. Новые технологии к тому же внедряются быстрее, чем можно проверить их безопасность (например, ГМО).

Необходимо также напомнить, что разрушение социальной системы СССР (успешно преодолевшей барьер НТР в 50–60-е годы) во многом было связано с тем, что эта система не смогла преодолеть новый барьер НТР в 80-е годы. В случае начала новой НТР судьба стран и народов будет зависеть от того, насколько эффективно они смогут перестроить свою социальную структуру.

История России XXI века во многом зависит от времени начала новой НТР, ее направления и от того, сможет ли Россия принять полнокровное участие в этом процессе либо останется пассивным полем распространения новых технологий.

В XXI веке продолжится обострение экологического кризиса. Уже сейчас ежегодно в атмосферу выбрасывается более 150 миллионов тонн углекислого газа, более 250 миллионов тонн пыли. В океан уходит более 10 миллионов тонн нефти и нефтепродуктов. В минуту уничтожается около 15 гектаров леса. Это значит, что катастрофическим образом будет меняться климат, падать концентрация кислорода, расти смертность от различных болезней, вызванных экологическим загрязнением. Обширные территории по всей планете станут непригодными для выращивания культур, которые традиционно выращивались здесь. Все эти глобальные катастрофические процессы будут непосредственно воздействовать на Россию в ближайшие десятилетия.

Около 15% территории России уже непригодно для обитания по экологическим причинам. Дальнейшее игнорирование задач защиты природы будет вести к локальным экологическим катастрофам, гибели населения и массовым актам протеста. Однако в условиях обострения борьбы за ресурсы наступление на природную среду России скорее всего продолжится. Сегодня Россия располагает более 19% площади леса планеты, и продолжающееся уничтожение лесов наносит удар по атмосфере всей Земли. Большие перспективы имеет использование России в качестве места захоронения токсичных и радиоактивных

отходов. Будущее атомной энергетики зависит от количества сбоев и аварий на объектах атомного комплекса — как техногенных, так и вызванных террористическими атаками.

Воздействие человека на природную среду и глобальные природные тенденции приводят к перестройке климата, способной существенно повлиять на условия жизни миллиардов людей и нанести сокрушительный удар по мировому сельскому хозяйству. Эти перемены обозначаются как «глобальное потепление», что верно применительно к общемировой ситуации, но в отношении отдельных регионов может определяться как «дестабилизация климата». Так, климатологи дебатировали вопрос о влиянии глобального потепления на течение Гольфстрим, которое может привести не только к потеплению в отдельных регионах планеты, но и к заметному похолоданию в странах, ныне обогреваемых Гольфстримом.

России, как и другим странам, придется столкнуться с перестройкой климата в ближайшие годы. Однако масштабы климатического воздействия пока трудно определить. К 2020 году для европейской части России наиболее вероятно усиление континентального характера климата.

Становится очевидной недостаточная эффективность мер, принимаемых для стабилизации климата. Киотский протокол, введенный в действие в 2005 году благодаря позиции России, способен лишь незначительно сдержать этот процесс (особенно в условиях предусмотренной протоколом торговли квотами на выбросы).

Глобализация политической борьбы: глобальные партии

XXI век начался как глобальный. Соответственно «империя», которая в этом мире существует или формируется, — это империя не американская и не европейская. Это империя, которая имеет глобальную структуру. В ней существует глобальная элита. Ее штабы располагаются преимущественно в странах Запада, там им удобнее существовать. Но не только. Есть представители этой элиты и в других странах, в том числе и в странах третьего мира. В этом смысле, например, мы можем говорить о взаимоотношении

ях России и Америки только условно. Существуют отношения правящих групп этих стран, но в каждой из них действуют влиятельные силы, играющие против собственных правителей на глобальном поле.

Сегодня борьба идет не между государствами, не между США и Евросоюзом, а внутри Америки, внутри Европы. В глобальном мире будет продолжаться ослабление национально-государственной субъектности даже в ведущих державах. В то же время может возрасти цивилизационно-культурная субъектность (в том числе — общности выходцев из СССР). Значительным фактором может стать захват руководства транснациональных корпораций топ-менеджерами, принадлежащими к одной цивилизационной или религиозной группе (например, китайцами, арабами, индусами), и изменение курса ТНК в соответствии с мировоззренческими принципами руководства.

В глобальном мире происходит снижение реальной роли публичных политиков в принятии решений, которые вырабатываются специализированными экспертными структурами и осуществляются под давлением глобальных факторов. Происходит виртуализация политики, при которой политический процесс воспринимается населением как телевизионная картинка (в реальности не имеющая никакого отношения к выработке решений). При этом деловые качества политика отходят на задний план в сравнении с имиджевыми чертами характера, вызывающими доверие. Символические функции политики расходятся с реальным процессом принятия решений.

Политическая борьба в начале XXI века носит глобальный характер и определяется двумя основными группировками мировой либеральной элиты — социал-либеральной и неоконсервативной. В странах Европы и Северной Америки (кроме Кубы) правящие группы принадлежат к одной из этих «глобальных партий». У них две разные стратегии, два ответа на проблему исчерпания ресурсов. Социал-либеральная стратегия предполагает стабилизацию роста, смягчение социальных конфликтов, снижение социального расслоения, что дает определенную экономию ресурсов.

Неоконсерваторы стремятся более жестко контролировать ситуацию, чтобы «заморозить» кризис, используя рычаги силового воздействия на ситуацию в мире.

Неоконсерваторы при прочих равных условиях стремятся к усилению национально-государственной субъектности, социал-либералы предпочитают прозрачность государственных границ и государственных структур для управления извне, из транснациональных центров.

Неоконсерваторы склонны разрушать низовые социальные нерыночные отношения и укреплять бюрократическую машину национального государства. Социал-либералы предпочитают укреплять глобальные вненациональные структуры управления и более терпимы к остаткам социального государства.

Если у власти в какой-либо стране находится группировка, входящая в социал-либеральную «глобальную партию» (при этом национальная партия, являющаяся ее филиалом, может называться как угодно, не обязательно иметь социал-демократическую самоидентификацию), то с ней борется филиал другой «глобальной партии». Причем для этой борьбы все средства хороши — от «бархатных революций» до терактов, осуществляемых в интересах той или иной глобальной фракции.

Устойчивость коммуникаций мирового террористического подполья может быть объяснена тем, что при сохранении автономности террористических организаций они все же используются в своих интересах представителями господствующих в современном мире глобальных элит. Управление террористическими формированиями осуществляется через посредников или с помощью манипулирования. Несмотря на развитие технических средств сдерживания терроризма, он будет сохранять влияние благодаря своему месту в мировом разделении политических функций. При этом кампания против терроризма может сознательно или бессознательно преследовать ложные цели. Фактор терроризма будет использоваться для авторитаризации политической системы Запада.

Борьба двух фракций глобальной элиты может привести к территориальному размежеванию их влияния, когда в

США будет господствовать одна партия (неоконсервативная), а в Евросоюзе окончательно возобладает другая (социал-либеральная). В этом случае восстановится двухполюсная система. Россия при этом окажется, скорее всего, в европейской сфере влияния как ее периферийная зона (восток страны может оказаться в сфере влияния Китая, а в случае острого кризиса в КНР — Японии или США). Но такое развитие событий до начала новой Великой депрессии является маловероятным, так как глобализация политических процессов препятствует территориальной консолидации властных элит. Поэтому в каждом регионе, важном с точки зрения глобальной политики, может присутствовать влияние всех противоборствующих сил, соперничество которых будет провоцировать конфликты, в том числе и с применением силы.

В случае крушения глобального рынка позиции глобальной либеральной элиты будут значительно ослаблены и резко возрастет роль внутринациональных политических факторов и региональных вызовов. Несмотря на рост авторитарно-националистических тенденций в этих условиях, фактор «глобальных партий» сохранится, так как сохранятся глобальные коммуникации. Но количество влиятельных «глобальных партий» значительно возрастет. Выдвижение альтернативы господствующим идейно-политическим системам возможно и в существующих ныне условиях.

В современном мире государственная субъектность за пределами США возможна только при наличии стратегии, альтернативной неоконсервативной и социал-либеральной. Пока субъектность сохраняют такие страны, как КНР и Куба, но коммунистическая идеология показала свою низкую эффективность при переходе к решению постиндустриальных задач, что позволяет прогнозировать системные кризисы оставшихся коммунистических режимов и падение части из них или даже всех до 2020 года.

Отношение двух «глобальных партий» к России и постсоветскому пространству в целом носит сугубо утилитар-

ный характер. Россия для них — поле противоборства с конкурентом за источники сырья, инструмент дипломатической борьбы, «громоотвод» международного терроризма (точнее, тех его групп, которые не контролируются в данный момент). Усиление глобальных факторов социально-политических событий в большинстве стран мира будет продолжаться даже в случае кризиса мировой экономической системы, так как сохранится глобальное противоборство стратегий, идеологических и мировоззренческих систем.

Неоднородность российской политической элиты приводит к ее распадению на группы, ориентирующиеся на одну из «глобальных партий». Это усиливает «борьбу под ковром» в российской государственно-политической и медиаэлите, в результате которой в России теряется — а при сохранении нынешних тенденций будет полностью утеряна — внешнеполитическая субъектность, устойчивость внешней политики.

В мировом масштабе Россия претендует на особые полномочия и роль в постсоветском пространстве (своего рода «доктрина Монро» для СНГ). Эти полномочия, по мысли российских праволиберальных политиков, должны позволить выстроить «либеральную империю» в северной Евразии. Эта линия встретила понимание у неоконсервативной «партии» в обмен на уход России из дальнего зарубежья (Лурдес, Камрань, Косово), но не была признана социал-либеральной «партией», преобладающей в Евросоюзе. Сближение российской дипломатии с социал-либеральным блоком в период войны в Ираке стало поводом для неоконсерваторов избавиться от обязательств перед Россией. В итоге претензии России на особую роль в СНГ не признаны глобальной правящей элитой в целом, несмотря на уступки со стороны РФ в дальнем зарубежье. Волна «бархатных революций» является, кроме прочего, ответом на претензии России на особую роль в постсоветском пространстве.

Тем не менее постсоветское пространство останется зоной приоритетных интересов России и в последующие годы. Но зримые неудачи российской дипломатии в СНГ вы-

зывают кризис прежней политики компромисса с Западом и обнаруживают системную ущербность проекта российской «либеральной империи» (либо либеральная, либо империя). Кризис политики России в постсоветском пространстве требует либо отказа от «доктрины Монро» в регионе со всеми вытекающими негативными последствиями, либо пересмотра самой внешнеполитической стратегии маневрирования между группировками глобальной элиты. Однако выдвигаемые в качестве альтернативы глобальному либерализму имперские проекты (включая авторитарный реставрационный вариант советского проекта) страдают системными недостатками, которые уже дважды привели к распаду единого государства в Северной Евразии. Реконсолидация этого пространства в современных условиях возможна только на основе укрепления корневых связей, а не верхушечных комбинаций и авторитарных переворотов. Если Россия как государство потеряет свои позиции в ближнем зарубежье, возникнет угроза ее собственной территориальной целостности. Это связано, в частности, с демографическими сдвигами XXI века.

Демографический взрыв, «конфликт цивилизаций» и региональные вызовы

XXI век станет столетием беспрецедентных демографических сдвигов, вызванных взаимодействием постиндустриальной и раннеиндустриальной динамики. В позднеиндустриальных обществах наблюдается падение рождаемости, что ведет к стабилизации численности населения и увеличению его среднего возраста («старение нации»). «Старение» вызывает дефицит рабочей силы, рост нагрузки на институты социального государства. По всем признакам, эта тенденция сохранится и при переходе к постиндустриальному обществу.

В развивающихся странах, переходящих от традиционного общества (с его стереотипом высокой рождаемости) к индустриальному (с возможностью некоторого снижения смертности), происходит стремительный рост населения (демографический взрыв). Но у стран «третьего мира» нет достаточных ресурсов, чтобы прокормить это население,

что может привести к эпидемиям, гражданским войнам, а также внешней экспансии. И не только против соседей, но и против Севера в целом.

Демографический взрыв порождает чудовищные диспропорции в распределении населения на планете и может грозить новым великим переселением народов. Сейчас такое переселение уже началось в относительно мирных формах. Люди покидают страны «третьего мира» в поисках счастья на Севере. Поскольку уровень жизни в России все еще выше, чем на Юге, она является объектом демографического давления. В случае дальнейшего сползания России в «третий мир» эта проблема будет ослабевать, уровень жизни большинства населения сравняется с показателями Африки, и приток гастарбайтеров сократится. Зато возрастет поток россиян на заработки в страны объединенной Европы (включая такие буферные страны, как Украина и Турция). Как приток рабочей силы с Юга, так и отток ее на Запад будут менять этнический состав и тормозить научно-техническую модернизацию российской экономики, стимулируя применение дешевого низкоквалифицированного труда и в то же время снижая уровень квалификации рабочей силы.

При этом демографическое давление на Россию сохранится даже в случае дальнейшего падения уровня жизни.

Низкая заселенность России (в два с половиной раза меньше, чем среднемировые показатели, в 2020 году — в пять–шесть раз меньше) сделает ее привлекательным местом для расселения. При формальном сохранении территориальных границ России в 2020 году ее национальный состав серьезно изменится, что будет влиять и на состав руководящей элиты. Эта проблема не будет решена в случае стимулирования рождаемости, так как рост населения городов Центральной России приведет к увеличению маргинальных слоев города, а не к заселению Сибири. Более равномерному расселению россиян может способствовать социально-технологическое обеспечение деурбанизации.

Непривычные к индустриальной культуре выходцы с Юга часто воспринимаются на Севере (включая Россию) как носители бескультурья, «варварства». Ответная реакция в виде всплеска расизма не заставит себя ждать. Европейские страны принимают решения об ограничении въезда. Для России, связанной множеством семейных, экономических, культурных контактов с постсоветским Югом, такие изоляционистские тенденции неприемлемы, они

лишь увеличивают напряженность и внутренние конфликты. Многонациональный характер населения России и обилие диаспор требует выработки интеграционной политики, учитывающей особое значение постсоветского пространства. Россия обречена на тесную взаимозависимость с территорией нынешнего СНГ и в силу этого будет стремиться контролировать процессы, происходящие там.

Рост мусульманского населения в России происходит быстрее, чем рост населения, принадлежащего к другим конфессиям. При сохранении этой ситуации к 2020 году мусульмане будут составлять почти половину населения России. В этих условиях сохранение единого государства на территории России требует выдвижения светской идеологии, учитывающей ценности традиционных конфессий и обеспечивающей большинство общественно активного населения. В противном случае на роль этого проекта будут претендовать мусульманство и политическое православие с соответствующей перспективой раскола гражданской нации на противостоящие конфессиональные блоки.

Этнодемографические проблемы тесно связаны с темой «конфликта цивилизаций», который является также «конфликтом эпох» — обществ, находящихся на разных стадиях общественного развития.

Переход к индустриализму неизбежно приведет к дальнейшему росту влияния ряда ныне отсталых стран Азии и Африки, увеличению количества среднеразвитых стран с большим населением. Нельзя исключать консолидации ряда исламских стран в единое государственное образование (например, халифат). Сырьевые ресурсы этих стран будут направлены на нужды своего растущего производства, что в условиях общего исчерпания нефтяных и других энергетических ресурсов может вызвать энергетический кризис в странах Запада. Это приведет к обострению борьбы за ресурсы, в том числе на территории России. Одновременно потрясения в третьем мире будут дестабилизировать глобальный рынок.

Тяжелая демографическая ситуация лишь усилит энергию революционного взрыва и агрессивность возникающих в результате авторитарных и тоталитарных режимов Юга. Это чревато «революционным походом» на Север против богатой Европы и Америки, что приведет к росту авторитарных тенденций в западных государствах. Победа такого похода может отбросить мир назад на века. В качестве «громоотвода» этой угрозы западные элиты будут использовать Россию с ее обширной и частично исламизированной территорией.

Судьба Европы зависит не столько от ее военно-экономической мощи (в условиях зависимости от внешних энергетических источников эта мощь может быть быстро подорвана), сколько от духовного насыщения культуры, от ее способности к религиозному возрождению и взаимопониманию с другими культурами. Русская культура в их числе — естественный мост взаимодействия с исламским миром. Однако в условиях позднеиндустриального общества преобладает культурный процесс постмодерна, предполагающий разрушение целостности мировоззренческих систем, что затрудняет их диалог и ведет не к синтезу, а к хаотическому смешению, чреватому мировоззренческой дезорганизацией и социально-психологической непрочностью.

Кроме угрозы с Юга, в России вызывает опасения и политико-демографическая угроза со стороны Китая. Несмотря на то, что отношения с КНР в последние годы развиваются успешно, не все зависит только от руководства КПК. Стадиально Китай завершает переход от традиционного к индустриальному обществу. Апогей индустриализма чреват кризисом, аналогичным перестройке в СССР. В случае неблагоприятного для КПК развития событий страна может столкнуться с масштабной социальной, межрегиональной и межнациональной конфронтацией. Это лишь усилит поток иммиграции в Россию, заселение китайцами сибирских городов. Но китайцы имеют большой опыт мирного сосуществования с населением стран пребывания.

Нестабильность в КНР чревата также конфликтами на границе, но не широкомасштабным военным конфликтом.

В случае успеха политики китайской элиты Китай будет стремиться к усилению своего контроля над ресурсами Сибири и Дальнего Востока. В современных условиях это не требует территориального расчленения России, но несет угрозу кратковременных военных интервенций со стороны Китая, США, Японии, государств НАТО.

Региональные вызовы связаны с военными угрозами. Принципы формирования армии, унаследованные со времен Второй мировой войны, в условиях XXI века уже не обеспечивают надежной обороны и приводят к фактическому разложению вооруженных сил. Успешные военные действия ведутся высокопрофессиональными мобильными силами, оснащенными сложной техникой.

Современные военные угрозы для России связаны прежде всего с партизанскими действиями противника. Фактор оружия массового поражения и относительная развитость российского ВПК продолжают обеспечивать некоторую безопасность России от массированной агрессии, подобной действиям НАТО против Югославии. В то же время война в Ираке показывает, что в современных условиях сохраняется угроза войны типа «блицкрига», которая является синтезом военного давления и политической спецоперации. Если военный противник будет уверен в успехе такой спецоперации, он может нанести по территории России воздушный удар.

Следующий виток развития военной техники, связанный с автоматизацией боевых действий, может изменить положение, снизив эффективность партизанских операций и в то же время создав новые угрозы для России в том случае, если российский ВПК не сможет выдержать военно-технического соревнования. Фактор оружия массового поражения может быть снижен (но не снят) созданием системы ПРО, что приведет к дальнейшей дестабилизации мирового порядка, особенно опасной в условиях «третьей волны» и демографических сдвигов.

«Третья волна» и постиндустриальное общество

В истории человечества выделяются две фазы (условно говоря, «формации»), резко различающиеся по своим фундаментальным чертам, — традиционное (аграрное) и индустриальное общества.

Процессы, происходящие в мире начиная со второй половины XX века, показывают, что индустриальное общество не вечно и может смениться качественно отличным от него постиндустриальным. Пока наше представление о будущем постиндустриальном обществе очень приблизительно, в мире возникли только его элементы. Теоретики концепции постиндустриального общества перечисляют такие черты следующей за индустриализмом формации, как преимущественно креативный (творческий) характер производящей деятельности, демассивизация и деиерархизация цивилизации, деконцентрация производства и населения, резкий рост информационного обмена, диверсификация деятельности, сближение производства и потребления, полицентричные, самоуправленческие политические системы, экологическая реконструкция экономики и др. Такое общество можно условно называть «информационным» или «креативным».

В основе гипотетических признаков новой формации лежит тезис о качественном различии нового этапа развития человечества и предыдущих формаций — традиционного и индустриального обществ. Эти различия будут так же велики, как между аграрным обществом средневековья и индустриальным обществом Нового времени. Соответственно, и переход к новым общественным отношениям («третья волна») является не менее масштабным явлением, чем переход от традиционного общества к индустриальному, сопровождавшийся беспрецедентными социальными потрясениями.

При переходе к постиндустриальному обществу будут преодолены важнейшие черты прежней формации: специализация и стандартизация будут вытесняться многофункциональностью и креативностью, вертикальные формальные отношения управления — горизонтальными корневы-

ми (сетевыми) неформальными связями, прямое подавление и принуждение — манипуляцией, с одной стороны, и самоуправлением — с другой. Пока можно говорить лишь о вызревании, прорастании структур новых отношений в недрах существующей формации (подобно тому, как в свое время капиталистические и индустриальные отношения вызревали в рамках феодального, традиционного, общества).

Современная система глобализма представляет собой скорее финал индустриальной стадии развития человечества, питомник ее предпосылок, нежели начало следующей фазы. Тем не менее бурное развитие качественно новых социальных и экономических структур делает переход к постиндустриальному обществу актуальной задачей ближайших десятилетий. Вероятнее всего, в 2020 году мы будем наблюдать события «третьей волны», которые скажутся и на России. Сроки начала этого этапа мировой истории зависят от устойчивости системы глобализма.

Актуальна ли проблема постиндустриального перехода для России? Безусловно, да, если речь идет о подготовке организационных и социальных предпосылок, о формировании постиндустриального уклада в недрах существующего общества. Эксперты указывают на инвестиционный кризис как на главное препятствие постиндустриального перехода в России. Они совершают при этом ошибку, подобную той, которая привела к срыву «перестройки» — проблема модернизации осознается как чисто технологическая и финансовая, а не как организационная. Между тем постиндустриальное общество — это прежде всего принципиально новая организация общества, которая уже в силу этого открывает благоприятные возможности для взрывного внедрения технологий.

Однако даже в условиях сохраняющихся старых общественных отношений и дефицита средств можно приступить к очаговой модернизации на постиндустриальной основе, если исходить из приоритета создания новой социальной структуры как основы постиндустриального пере-

хода. При этом сам характер перехода предполагает невозможность и ненужность тотальной мобилизации, которая была условием форсированной индустриальной модернизации. Постиндустриальная модернизация будет носить очаговую и сетевую форму, первоначально охватывая лишь незначительную часть населения.

Сами средства, выделяемые на технологический прорыв, необходимо сконцентрировать для создания очагов этого прорыва. Для этого первоначально достаточно лишь части средств, выручаемых от экспорта энергоресурсов. Но контроль за ходом «прорыва» не должен осуществляться руководством сырьевых корпораций.

Формой модернизационного очага может стать наукоград. Идея наукоградов в нашей стране уже успела получить распространение и скомпрометировать себя, так как в существующем виде она игнорирует проблему новой социальной организации. В результате средства в значительной части уходят в песок. Реальный наукоград — это оазис будущего с принципиально новой инфраструктурой, людьми, ориентированными на научное творчество, и его качественное обеспечение. Это модель постиндустриального уклада, креативное сообщество, где все, «от детского сада до кафе», должно обеспечивать воспроизводство и дальнейшее развитие творческой культуры, из которой и вырастают высокие технологии. Для начала следует создать один пилотный наукоград и лишь затем развивать наступление в двух направлениях: формирование устойчивых связей с предприятиями, готовыми перевооружать всю технологическую цепь; создание новых наукоградов в других регионах и их корневой сети — основы постиндустриального социально-креативного уклада.

Рассмотрим основные черты возможного развития образа жизни в передовых странах после прохождения «третьей волны». Эта картина будет характерна и для России — либо в анклавах глобального процветания, либо — в случае успешного преодоления «третьей волны» — для большинства населения страны. В 2020 году

процессы, связанные с постиндустриальным переходом, уже будут оказывать заметное влияние на развитие общества в Европе.

Технологические и социальные изменения будут тесно взаимосвязаны. Широкое распространение альтернативной энергетики может привести к перестройке всей индустриальной и жилищной инфраструктуры, способствовать улучшению экологической обстановки, снимет проблему зависимости экономики от цен на энергоносители, но в то же время осложнит положение стран — экспортеров этого сырья. Возможность обеспечить даровой электроэнергией любой поселок облегчит отток населения из существующих городов. Большое значение будут иметь заповедные и рекреационные природные территории, как приспособленные для отдыха, так и защищенные от посещения людей, в связи со своей экологической ролью. Но одновременно, по мере совершенствования строительных технологий и возникновения новых материалов, могут возникнуть гигантские здания-города, в которых сконцентрируются промышленные производства. Таким образом, произойдет перестройка расселения: новые мегагорода будут сосуществовать с обширной малоэтажной застройкой размером с целые регионы (в том числе и на месте нынешних многоэтажных кварталов). Выбор места обитания будет в большей степени зависеть от предпочтений и доходов, чем от необходимости каждодневного посещения места работы. Возникнет возможность для средних слоев жить в собственном доме за городом, вдали от задымленных городских улиц. При этом люди продолжают успешно работать в своих фирмах, связываясь с партнерами и сотрудниками по телефону или через Интернет. Личное присутствие такого работника в офисе необходимо редко. Наиболее обеспеченная часть человечества возвратится из города в деревню, туда, откуда миллионы наших предков были изгнаны голодом, болезнями, неустроенностью жизни. Но это не возвращение к аграрному обществу. Средние слои общества принесут в свои «деревни», состоящие из современных коттеджей, все достижения технологий, обеспечивающих высокое качество жизни.

Рост роли средних слоев в развитых обществах XXI века, прогнозируемый большинством исследователей, означает и перестройку преобладающего образа жизни.

При оценке роли средних слоев в жизни общества будущего необходимо учитывать различие двух критериев для выделения среднего класса: имущественного (средние доходы) и функционального (соединение креативных, трудовых и управленческих функций в одной группе). Без преодоления существующего ныне в России резкого разделения имущественного и функционального «средних классов» невозможно устойчивое развитие современного общества. Развитие постиндустриального информационного сектора требует соответствующей социальной среды в виде доминирующего в социальной системе интеллектуализированного функционального среднего класса.

Экономической необходимостью продиктованы ослабление диктата управленца, усиление свободы творчества автономного производителя, смена принципов субординации — назначенчество и верховенство собственника будут уступать место критерию знаний и творческих навыков. Это облегчит горизонтальные контакты не только внутри производственной группы, но и вне ее, в корневой структуре гибких связей небольших автономных групп.

Промышленные корпорации будут стремиться подчинить себе автономные креативные ядра. Но опыт показывает, что производство информации требует более гибких форм управления, большей автономии производителя-творца, чем это принято в жестко управляемой индустриальной организации. Информационный продукт производят люди, которые лучше разбираются в своем деле, чем их начальник.

Таким образом, постиндустриальные технологические и социальные тенденции создадут новую производственную среду, основанную на креативности работников, информационно-технологических инвестициях и их защите путем микроэкономической автономии производителя. Информационно-производственная среда новой эпохи допускает интенсивное сотрудничество между коллегами в планетарном масштабе.

В XXI веке более обыденным станет использование космического пространства. В оказании услуг космического транспорта Россия может оказаться на лидирующих позициях.

Удастся победить нынешние болезни, но возникнут новые — в том числе новые эпидемии, связанные с перестройкой климата и глобализацией транспортных потоков. Россия, которая превращается в глобальный перекресток, уже сейчас вынуждена принимать экстренные меры для защиты от эпидемий, идущих как из Азии (например, птичьего гриппа), так и с Запада — коровье бешенство.

Развитие медицины приведет к кризису этики и новым социальным конфликтам, так как продление жизни все в большей степени будет доступно элите, а распространение медицинских достижений на большинство населения приведет к своеобразному демографическому взрыву — росту числа людей старшего возраста. Развернется борьба между сторонниками сохранения элитаризма при оказании эксклюзивной медицинской помощи и поборниками демократических принципов здравоохранения. Уже сегодня черты этих конфликтов будущего заметны и в России при проведении реформ здравоохранения и социального обеспечения.

В период «третьей волны» современные общества столкнутся с системной проблемой социальной адаптации. Для успеха постиндустриального проекта необходим интеллектуализированный средний класс. В то же время в позднеиндустриальном обществе классы индустриального общества размываются, растут маргинальные слои, причем часть их попадает в «яму» системной бедности, не находя применения своим специализированным навыкам после исчезновения или сужения соответствующих социально-производственных ниш. С этой проблемой столкнулась и Россия, и с ее решением связана перспектива выхода из позднеиндустриального социального кризиса.

Социальные преобразования должны обеспечивать втягивание большинства населения в состав функционального среднего слоя. Это возможно путем создания эффективной системы переквалификации и социальной адаптации.

Кризис глобального рынка обнажит устаревание финансового капитала как института глобального управления. Уже сегодня финансовые потоки начинают зависеть от информационных потоков. Усиливается стремление преодолеть отрыв финансовых инструментов от ресурсной базы экономики. Выдвигается идея увязывания валют с их энергетическим и ресурсным обеспечением.

В случае кризиса глобального рынка произойдет сужение рыночной сферы. Однако рыночные отношения могут отмирать только по мере развития информационных технологий, которые позволят потребителю и производителю общаться так же тесно, как в свое время общались горожанин и ремесленник, жившие на одной улице. Поэтому даже в условиях кризиса современного глобализма экономические отношения 2020 года будут основаны на взаимодействии локальных рынков материальных благ и глобального информационного и, в меньшей степени, ресурсного обмена.

Серьезно изменится и политическая система передовых стран мира. Современные информационные потоки не признают границ. Продолжится смещение власти и управления с национального на транснациональный, виртуальный и местный уровни: возрастут полномочия глобальных институтов (возможно, под флагом реформированной ООН) и союзов (Евросоюз и подобные наднациональные объединения в других частях света, включая Северную Европу).

Виртуализация публичной политики и вытеснение телевидения плюралистическими интернет-коммуникациями создадут возможность для появления нескольких наиболее влиятельных виртуальных политических пространств с разными лидерами и системами организации.

В отличие от символической власти реальный контроль над ресурсами будет переходить к двум уровням власти — наднациональному и локальному. Власть национальных партийных и государственных бюрократий будет вытесняться самоуправлением и прямой демократией участия

(локальные референдумы, непосредственное участие людей в решении вопросов, которые их касаются), так как информационные технологии позволят выявлять реальное мнение различных групп населения и их удельный вес. Снижение роли национальной бюрократии создаст возможности для ослабления коррупции. Но для этого необходимы децентрализация процесса принятия решений, приближение уровня принятия решений к населению и предельное ограничение сферы свободы чиновника даже на местном уровне.

Усиление самоуправления может способствовать возрождению общинных традиций, вытесненных массовым обществом.

Возникает возможность использования интерактивных механизмов обратной связи элиты и населения, произойдет перенос центра тяжести социальной поддержки с государства на общественные структуры, что может привести к росту их значения. В то же время государство будет необходимо для поддержания общей законности и важнейших стандартов, прежде всего экологических.

Переход к новому обществу должен сопровождаться преодолением экологического кризиса в результате «подстраивания» под природную среду. Страны, которые задержатся на стадии острого экологического кризиса, рискуют превратиться в экологическую пустыню. Помимо внедрения экологических технологий необходимо обеспечить распространение экологически безопасных форм жизни, в частности альтернативных поселений, жизнь в которых основана на сочетании гармоничных отношений с природой, современных технологий, общинной взаимопомощи, духовной и творческой свободы.

Глобальное информационное пространство станет полем конкуренции технических и социальных идей, культурных традиций, обществ, социальных групп и личностей. Уже сейчас накопление технологий сочетается с дефицитом гуманитарного знания, позволяющего организовывать социальную систему в динамично меняющихся технологических условиях.

Виртуальные технологии и системы, аналогичные Интернету, сделают возможным одновременное сосуществование на одной территории субкультур с разными мировоззрениями и собственными системами управления. Вероятно даже сосуществование на одной территории разных политических систем, которые вовлекают пользователей различных теле- и интернет-каналов. Некоторые мировые субкультуры могут начать играть роли, сопоставимые с ролью отдельных стран. Возникнет проблема разделения полномочий территориальной и виртуально-ориентированной власти. Рост влияния субкультур может привести к кризису национальной идентичности и семьи, так как субкультурные стереотипы могут оказаться совершенно разными даже в рамках одной семьи. По мере смены поколений и развития информационных технологий продолжится сдвиг носителей культурного наследия от литературы к телевидению и от телевидения к клиповой и игровой культуре.

Субкультуризация и виртуализация культуры определят новые условия противоборства постмодерна и просветительского рационального проекта. На место мировоззренческого хаоса, перепроизводства смыслов и версий придет разделение смысловых систем в субкультурах со своими информационными фильтрами. Позиции разных культурных традиций будут определяться влиянием соответствующих субкультур. В части субкультур произойдет ренессанс науки, связанный с потребностями новой НТР и социальными преобразованиями «третьей волны». Это предполагает рост авторитета академических научных институтов и связанного с ними экспертного сообщества. Одновременно в условиях роста влияния религиозного сознания усилится синтез научной и духовно-религиозной традиций.

В глобальных информационных сетях проявят себя религиозные течения и идеологии, сторонники умеренности и экстремисты, которые уже сейчас учатся электронному терроризму — разрушению информационных структур идейного противника.

Новые технические средства будут широко использоваться глобальными мафиозными сетями. Наряду с нарко-

трафиком возникнут новые угрозы и криминальное преодоление новых запретов (нелегальное клонирование, психофизические воздействия и др.). Возрастет значение преступлений в сфере коммуникаций. В то же время современные средства слежения позволят снизить уровень традиционных преступлений, одновременно ущемляя приватность существования человека. Возможно возникновение информационно-полицейского государства.

Все большую роль будет играть борьба за информационные коммуникации, включая внедрение информационных кодов и смыслов, хакерские атаки и защиту от них.

В грядущей формации, судя по имеющимся тенденциям, структура управления будет основана на распределении информационно-коммуникационных потоков, а общество будет иметь горизонтальную, корневую, самоуправляющуюся организацию.

Но и здесь направление развития альтернативно. Самоуправляющиеся креативные сообщества могут встроиться в более широкую систему общественных отношений, основанных как на корневых горизонтальных, так и на манипулятивно-управленческих вертикальных связях. Полусомой нового общества может стать и гражданское общество, и глобальная информационная олигархия — владельцы и конструкторы виртуальной реальности.

В современном мире наблюдается серьезный перекоп в скорости вызревания предпосылок постиндустриальной системы «сверху» и «снизу». Если основы системы манипулятивного управления в современном мире почти сложились, то формирование противовеса в виде корневой горизонтальной структуры общества далеко от завершения. В случае межформационной революции с центром на Западе может возникнуть тоталитарная модель новой формации, где управление преобладает над саморегулированием (нечто подобное произошло в ряде стран в XX веке, когда неизбежный переход к индустриальному социальному государству привел к появлению тоталитарных режимов, которого можно было избежать). Отсюда важность укрепления корневых информационно-производственных и гражданских структур.

Картина будущего будет зависеть от того, какая из этих тенденций возобладает в информационной сети — информационный манипулятивный тоталитаризм или корневые креативные информальные структуры. Как и в XX столетии, где модель социально-государственного индустриального общества осуществилась в различных формах (советской, фашистской, рузвельтовской, шведской), в XXI веке будут существовать разные варианты новой общественной системы. Какой вариант возобладает на Севере Евразии, зависит от результата мировой социально-политической борьбы первой четверти столетия.

2020 год — три сценария

Рассмотренные выше тенденции противоречивы, их динамика альтернативна, многое для России зависит от политической воли ее руководства и активности граждан, многое — от условий постиндустриального перехода «третьей волны» в мире и пределов роста глобализации, от других внешних факторов. Тем не менее на перекрестье возможных альтернатив мировой истории первого двадцатилетия XXI века можно выделить три основные модели ситуации в нашей стране.

1. Сценарий «Конец истории»

Система глобализма пережила кризис без качественных изменений, показала способность справиться с важнейшими вызовами. Россия полностью интегрировалась в систему глобализма в качестве периферии, ее элита стала органической частью мировой элиты (в основном на подчиненных ролях). Сетевые постиндустриальные структуры полностью подчинены глобальной информационной олигархии, контролирующей институты мирового правительства. Россия представляет собой формально объединенную государственными границами совокупность регионов, которые контролируются теми или иными фракциями глобальной элиты. На ее территории расположено несколько провинциальных анклавов глобального процветания, где концентрируется управленческая и информационная элита. Эти анклавы управляют зонами добычи ресурсов и произ-

водствами-цехами мировой фабрики. Население управляется с помощью виртуальных средств манипуляции сознанием и выборочных репрессий. Инфраструктура глобальной системы защищена военно-полицейскими средствами от зоны нестабильности («варварские территории»). Эти территории в значительной степени совпадают с зонами экологического бедствия. Здесь ведется борьба традиционалистских (этнократических и религиозных) и леворадикальных сил. Время от времени они совершают террористические набеги на зоны процветания (как правило, при поддержке инсайдеров, связанных с одной из фракций глобальной элиты). Восток страны этнически связан с китайской цивилизацией, юг — с мусульманской. Существуют анклавы православного традиционализма, не имеющего существенной глобальной поддержки.

2. Сценарий «Великих потрясений»

Глобальный рынок рухнул, началась новая Великая депрессия. Произошло выравнивание экономического потенциала и уровня жизни стран Запада и среднеразвитых стран. В мире нарастает волна революций и этно-конфликтов. На Западе развернулись межформационные постиндустриальные революции, формирующие первые несовершенные варианты принципиально нового общества. В странах Азии происходят события, связанные с кризисом индустриального общества. Сняты ограничители мирового сообщества на этнический передел территорий, что ведет к волне военных конфликтов. Происходят массовые перемещения беженцев (в том числе экологических). Территория России сократилась на востоке и юге, но в то же время часть постсоветского пространства стремится воссоединиться с Москвой. Экологическая ситуация катастрофически ухудшается.

Российская правящая элита, не готовая к таким событиям, сметена массовыми выступлениями. На политической арене идет борьба популистских движений с различными стратегиями выхода из кризиса:

1. Авторитарно-имперское движение требует возродить государственность, опираясь на репрессивные средства и национально-религиозные русские и исламские

ценности, мобилизовать население на создание автаркичной индустриальной экономики.

2. Неосоветское движение считает необходимым воссоздать социально ориентированное общество, опираясь на советские ценности и ресурсы бывшего СССР. В неосоветском движении борются демократическая тенденция «советского возрождения» снизу и авторитарного реставраторства.
3. Альтернативистское, в том числе социально-экологическое движение сочетает требования экологического консервационизма и стремление к развитию альтернативных постиндустриальных и самоуправленческих форм общества, леворадикальные идеи и поддержку начавшейся на Западе революции.

Эти движения могут вступать в разнообразные блоки как между собой, так и с локальными движениями, включая религиозные и национал-сепаратистские.

Этот сценарий открывает возможность для мировой гегемонии традиционалистских проектов (включая исламский Халифат), использующих постиндустриальные анклавов в качестве подчиненных элементов технологического обеспечения империй, жизнь которых регулируется религиозной традицией.

Но более вероятно локализация традиционалистских режимов в территориальных рамках их цивилизаций, после чего в Америке, Европе, на большей части территории Азии продолжится движение от индустриального к постиндустриальному обществу.

В итоге периода «великих потрясений» происходит разрушение части производственного потенциала как на Западе, так и в России, изменение границ государств и формирование социально-структурных предпосылок для постиндустриального перехода. Но в силу недостаточного развития экономико-технологической базы они могут быть быстро разрушены. В этом случае возобладает сценарий «Конец истории», но с несколько большим влиянием периферии и гражданских структур в глобальной постиндустриальной системе. Это оставляет для нашей страны возможность «догоняющего развития».

3. Сценарий «Третья волна во втором эшелоне»

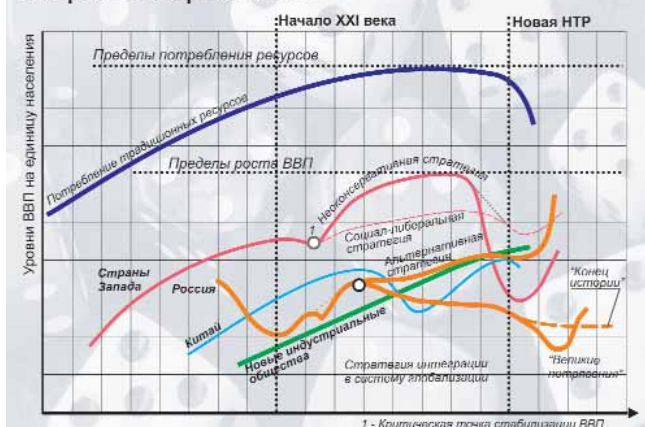
В ходе проведения социально ориентированной политики на грани первого и второго десятилетия в России сознательно создаются социально-организационные предпосылки для постиндустриального перехода (социально-креативный постиндустриальный уклад и сопутствующая субкультура, полномочное самоуправление, защита и поддержка гражданского общества и корневых информационных структур, укрепление основных социальных и экологических стандартов, просветительский проект в СМИ). С опорой на них власть решает и ряд задач революционного характера (создание механизмов перераспределения доходов между работниками и собственниками, укрепление социального государства, освобождение государства от контроля со стороны капитала, создание демократической системы обратной связи населения и элиты). В интересах этих преобразований возможно использование политики «неосоветского возрождения снизу». Социально-политические потрясения, связанные с проведением этих преобразований, преодолены до начала кризиса глобального рынка (в противном случае наступает ситуация сценария «Великих потрясений»).

Проведение этих мероприятий может лечь в основу оптимального развития России до 2020 года, при котором она сможет подготовиться к преодолению «третьей волны» во втором эшелоне. Такая очередность является благоприятной, так как первые модели нового общества, как правило, являются крайне несовершенными. Использование опыта стран «первого эшелона» в преодолении «третьей волны» позволит облегчить этот переход в нашей стране.

Опираясь на социально-креативную субкультуру и свой культурный потенциал, наша страна может принять участие в событиях «третьей волны» в других странах еще до того, как сама приступит к постиндустриальному переходу. Это позволит укрепить позиции креативного сектора и улучшить внешние условия преобразований.

Вовлечение жителей России в глобальные сети и сообщества позволяет им активно участвовать в событиях центра глобальной цивилизации, не выезжая из России. Та-

Схема экономического развития стран мира в первой четверти XXI века

ким образом можно не только приобретать опыт, но при условии наличия собственной альтернативной идеологической модели оказывать влияние на исход противоборства в пользу периферии и в ущерб глобальной олигархии, способствуя демократическому изменению соотношения сил в глобальной постиндустриальной системе XXI века.

Содержание

Доклад Национального разведывательного совета США Россия и мир в 2020 году

<i>От председателя Национального разведывательного совета США</i>	3
<i>Введение</i>	7
<i>Развернутое резюме проекта</i>	11
<i>Методология</i>	31
Часть 1. Противоречия глобализации	41
Глобальная экономика: расширение и интеграция	46
Сохраняющееся экономическое беспокойство	48
Мобильность и отсталость	50
Технологическая революция	52
Сохранение социального неравенства	58
Положение женщин в 2020 году	59
Часть 2. Возвышение новых держав: перемены в геополитическом пейзаже	69
Подъем Азии	71

<i>Риски китайского экономического роста</i>	75
<i>Индия против Китая:</i>	
<i>долгосрочные перспективы</i>	76
<i>Азия: арена глобальных перемен</i>	78
<i>Подъем других государств</i>	79
<i>«Стареющие» державы</i>	82
<i>Глобальное старение и миграция</i>	85
<i>Может ли Европа стать «сверхдержавой»?.....</i>	86
<i>Рост потребностей в энергообеспечении</i>	89
<i>«Газовая» геополитика</i>	91
<i>Единоличное господство</i>	
<i>США – как долго оно продлится?.....</i>	93

Часть 3. Новые вызовы государственности101

<i>Замедление темпов демократизации</i>	101
<i>Управление под давлением</i>	
<i>высоких технологий</i>	104
<i>Изменение климата</i>	
<i>и его последствия к 2020 году</i>	106
<i>Политика идентичности</i>	107
<i>Страны Евразии:</i>	
<i>каждый идет своей дорогой?</i>	113
<i>Латинская Америка в 2020 году:</i>	
<i>вызовет ли глобализация раскол региона?</i>	115

Часть 4. Всеобъемлющая ненадежность123

<i>Трансформация международного терроризма</i>	123
<i>Множество действующих лиц</i>	125
<i>Оружие, тактика и цели</i>	126
<i>Организованная преступность</i>	128
<i>Кибервойны?.....</i>	130
<i>Углубление внутренних конфликтов</i>	130

<i>Возвышение держав – залог конфликтов?</i>	132
<i>Как могут встать на путь прогресса африканские страны, расположенные к югу от Сахары?</i>	134
<i>Фактор ОМП</i>	136
<i>Кризис международных институтов</i>	139
<i>Правила ведения войны: вторжение на «ничейную территорию»</i>	141
Часть 5. Политические последствия	149
<i>Останутся ли США лидером технологического прогресса?</i>	160
<i>Какими видит Соединенные Штаты остальной мир?</i>	162

Александр Шубин
Россия-2020: будущее страны
в условиях глобальных перемен

<i>Россия на рубеже XX и XXI веков: текущие тенденции</i>	169
<i>Противоречивые социально-экономические сдвиги</i>	171
<i>Социальная структура</i>	174
<i>Политическая система, СМИ и гражданское общество</i>	180
<i>Перспективы «бархатной революции»</i>	183
<i>Региональная неоднородность и единство России</i>	187
<i>Глобальные сдвиги и Россия</i>	189
<i>Демографический взрыв, «конфликт цивилизаций» и региональные вызовы</i>	198
<i>«Третья волна» и постиндустриальное общество</i>	204
<i>2020 год – три сценария</i>	214

Издательство «Европа» создано в 2005 году в целях политического просвещения, укрепления институтов гражданского общества и политической системы России как европейского государства.

Задача издательства –

возродить жанр актуальной политической книги на русском языке в самом широком диапазоне – от брошюры до монографии. Издательство ориентировано на всех, кто так или иначе участвует в реальной политике, – от рядовых избирателей, молодых политиков и студентов до актива политических партий, управленческой, интеллектуальной и медиаэлиты.

В издательстве «Европа» вышли в свет

Серия «Доктрины»

Словарь текущей политики. Навигатор по Посланиям Президента 2004–2005 гг.

Предисловие: Г.О. Павловский.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 144 с.

Это книга для реального российского политика, политическая работа которого невозможна без ясности политических понятий. В основу словаря-навигатора положены последние два Послания Президента РФ 2004 – 2005 гг., которые сам Владимир Путин рассматривает как программные.

Социальное меню в программах российских партий. Обзор Вячеслава Глазычева

Предисловие: А.К. Исаев.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 208 с.

Эта компактная книга представляет собой подборку выдержек из Посланий Президента РФ Владимира Путина и программ российских политических партий в той их части, что напрямую адресуется к проблемам, жизненно важным для избирателя. В преддверии введения в жизнь нового закона о политических партиях, который потребует от их лидеров резко усилить агитацию, направленную на расширение числа сторонников, принципиально важно для партии, претендующей на весомую позицию в Государственной Думе и Законодательных собраниях регионов, выбрать убедительный ответ на естественные вопросы людей. Выдержки из Посланий и программ сопровождаются кратким аналитическим комментарием, подчеркивающим сильные и слабые стороны той или иной программы.

Серия «Идеологии»

Фридрих Лист.

Национальная система политической экономики

Составление и предисловие: В.А. Фадеев.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 392 с.

Книга выдающегося немецкого экономиста XIX века Фридриха Листа, незаслуженно вытесненного сегодня из научного пространства торжествующим упрощенчеством и догматизмом, посвящена концепции экономического суверенитета наций. В книгу также входят экономические трактаты современников о Листе – русского химика Дмитрия Менделеева (то, что он был еще и первоклассным экономистом, знают до сих пор немногие) и выдающегося политического деятеля графа С.Ю. Витте.

Серия «Мировой порядок»

**Европа без России. Договор,
учреждающий Конституцию для Европы,
от 20 октября 2004 года**

Предисловие: Г.О. Павловский

Москва, издательство «Европа», 2005. – 580 с.,

Впервые на русском языке издан полный текст Договора, учреждающего Конституцию для Европы. Плод многолетних усилий новой транснациональной бюрократии, стремящейся выстроить машину управления поверх европейских традиций суверенных государств. Читателя ждут почти 600 страниц, требующих напряженного внимания. Знать цели, функции и строение нового наднационального института, по существу перечеркивающего традицию европейской демократии, важно политику и экономисту, философу и бизнесмену, аналитику и правоведа.

Серия «Евровосток»

«Оранжевая революция»: украинская версия

Сборник/сост.: М.Б. Погребинский.

Предисловие: Г.О. Павловский.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 472 с.

Хроника и анализ киевских событий в оценках непосредственных участников (в числе которых – и составители сборника). Аналитические оценки политологов разных стран Европы.

Россия и «санитарный кордон»

Сборник/сост.: Информационное агентство REGNUM

Предисловие: Г.О. Павловский.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 224 с.

Мир видит странный спор: Владимир Путин в президентских Посланиях напоминает об угрозе целостности и суверенитету России, а либералы Москвы и Таллина все опровергают. Все спорщики родились в мире, которого уже нет, в странах, которые стерты с карт, – например, в СССР. Однако напоминание Путина об этой недавней геополитической катастрофе вызвало новый шквал возражений. Суверенитет России – это болезнь Европы, наши союзники – разносчики опасного вируса, Евровосток – зона заражения. В этой книге аналитики РЕГНУМА рисуют точные карты «санитарной войны» против России.

Серия «Перевороты»

Киргизский переворот. Март – апрель 2005 г.

Сборник / сост.: Г.О. Павловский

Предисловие: Е.Э. Афанасьева

Москва, издательство «Европа», 2005. – 224 с.

Это книга о пропавших иллюзиях. О том, как «бархатный переворот» обернулся погромом. О революции в Киргизии и о разграбленном Бишкеке. Хроника событий, рассказы очевидцев, экспертный анализ политической обстановки до и после революции, прогнозы дальнейшего развития ситуации и расклад сил внутри киргизской элиты позволят понять, что случилось в Бишкеке этой весной.

Е. Афанасьева

Государство или революция?

Москва, издательство «Европа», 2005. – 124 с.

В своей книге Елена Афанасьева, эксперт-политолог, руководитель Центра содействия стабильности, критически рассматривает типовую модель современной «революции». Автор дает свое объяснение тому, что же происходило на Украине осенью 2004 года, рассматривая события как западный, американский политтехнологический проект, который осуществлялся для реализации тех или иных экономических интересов.

Центральная Азия: андижанский сценарий?

Сборник/сост.: М.М. Мейер

Предисловие: В.В. Наумкин

Москва, издательство «Европа», 2005. – 200 с.

Неполных три месяца отделили нас от кровавых событий в узбекском Андижане. Чем меньше мы в них понимаем, тем легче дается неосторожное забвение. Что-то зреет к югу от Казахстана, но что именно? Книга доступным на сегодня образом воспроизводит мозаику из свидетельств и суждений очевидцев и оппозиционных политиков, жесткой аналитики российского политолога, знающего проблемы южного пограничья, и размышлений Ширин Акинер, британского профессора с тюркскими именем и фамилией, которой почему-то были предоставлены уникальные возможности передвижения и общения в Андижане. В приложении дана справка об оппозиционных движениях в Узбекистане и об их лидерах.

Серия «Президент»

Рабочий ежедневник Путина. Выпуск 1 (январь - май 2005 г.)

Москва, издательство «Европа», 2005

С формальной точки зрения, информация о встречах Президента Российской Федерации, официальных, рабочих, неофициальных, должна считаться общеизвестной – она публикуется в газетах, сообщается в новостных программах телевизионных программ. Однако будучи собран в книгу, дневник встреч президента, во всем многообразии их содержания, становится своего рода отчетным календарем деятельности главы государства. Этот своеобразный календарь включает то краткие, то весьма подробные справки о предметах обсуждений, о собеседниках президента, о предыстории тех или иных событий, что придает телеграфному стилю официальных сообщений необходимую дополнительную глубину, которая, как правило, ускользает от внимания в потоке ежедневных новостных сообщений.

Серия «Партийность»

Хартмут Хесс
Практическая работа в партии

Предисловие: В.М. Резник
Москва, издательство «Европа», 2005

Вследствие десятилетий господства доктрины так называемого демократического централизма ВКП(б) – КПСС граждане России не знакомы с логикой формирования политических партий, их развития, их демократической борьбы за власть. Опыт дореволюционных партий известен только специалистам. Собственные наработки новых партий нередко создаются с чистого листа. Между тем, задача создания партии нуждается в компетентности и квалификации. В этих условиях русское издание книги немецкого социал-демократа Хартмута Хесса имеет существенное значение. Эта книга написана практиком и для практиков строительства массовой партии. Автор последовательно раскрывает технологию работы первичных организаций, их движения к выработке согласия в ходе дискуссий, их работы с избирателями, их борьбы за вовлечение новых партийцев, за автономность бюджета партии от денег государства и спонсоров.

**Все книги можно приобрести
в издательстве «Европа» по адресу:
г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1,
тел. 745-52-25, факс 725-78-67**

Серия «Мировой порядок»

РОССИЯ И МИР В 2020 ГОДУ

**Доклад Национального
разведывательного совета США
«Контурь мирового будущего»**

А. Шубин

**«Россия-2020: будущее страны в условиях
глобальных перемен»**

Редактор *Т. Рапопорт*

Корректоры *О. Кандидатова, В. Кинша*

Оформление *Ф. Звягин, С. Захаров*

Верстка *А. Монахов*

Подписано в печать 21.06.2005. Формат 75X100 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,73. Тираж 1000 экз.

Издательство «Европа»

119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1

тел. 745-52-25, факс 725-78-67

Отпечатано с оригинал-макета

в типографии «Баккара-принт»

Заказ №226